
ЗДРАВСТВУЙ, ФЕСТИВАЛЬ!
Борис Полевой.
ВОЗВРАЩЕНИЕ ДЮЖЕВА
В. Павлов.
РАССМОТРЕНО, ИСПЫТАНО, ОДОБРЕНО... ЗАМОРОЖЕНО.
ОГОНЁК
№ 31 ИЮЛЬ 1962
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

№ 31 (1832)

29 ИЮЛЯ 1962

40-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

ЮНОСТЬ.

Фото Б. Минделя (Украинская ССР).

Всесоюзная фотовыставка «Семилетка в действии».

АЗБУКА ФЕСТИВАЛЯ

А. КРИВОПАЛОВ

Когда вы развернете этот номер «Огонька», VIII Всемирный фестиваль уже начнется. Впрочем, понятие начала очень условное. Можно считать, что родившийся в 1947 году фестиваль не прекращался. Разнообразна и щедра программа нынешнего праздника юности. Как сама жизнь, она светится радостью, полна необыкновенными звуками, красотой. В воскресенье 29 июля делегации соберутся на трех центральных площадях в Хельсинки. По центральным улицам города они пройдут на Олимпийский стадион. Там юным посланцам мира и дружбы будет вручена книга в березовом переплете. Это эстафета доброй воли и гостеприимства. Под обращением, приветствующим делегатов VIII Всемирного фестиваля, поставили свои подписи более полумиллиона финнов. Книга проделала большой путь. Первая запись появилась в ней 2 июля в Рованиэми, лежащем в семи километрах от Полярного круга. Потом книга побывала в Ловиса, Ханко, Хювинге, Керава.

На Олимпийском стадионе финны не только вручат свою книгу, но и встретят другую эстафету — от семи столиц предыдущих фестивалей. Представители молодежи этих городов обратятся с приветствиями к участникам праздника. Он завершится гимнастическими упражнениями и грандиозным фейерверком.

Рассказать о всех других встречах, даже просто перечислить все невозможно — ведь их будет не менее полутора тысяч. Но, может быть, тут поможет фестивальная азбука?!

А — Алппи, название зала, где

Продолжение на 2-й стр.

Н. С. Хрущев среди моряков Северного флота.

Фото П. Дюжина.

Архангельск. Н. С. Хрущев беседует с рабочими лесопильного деревообрабатывающего комбината имени В. И. Ленина.

Фото С. Раскина.

Ознакомившись с работой рыбной и других отраслей промышленности Мурманской области, Первый секретарь ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР Н. С. Хрущев выехал на Северный флот.

Н. С. Хрущев наблюдал учения надводных и подводных кораблей и авиации Северного флота. Глава Советского правительства посетил крейсер «Адмирал Ушаков» и другие корабли, побывал на атомной подводной лодке, беседовал с матросами, старшинами, офицерами.

После пребывания на Северном флоте Н. С. Хрущев и сопровождающие его лица посетили Архангельск.

Никита Сергеевич познакомился с городом, с жилищно-бытовым и культурным строительством. Затем Н. С. Хрущев осмотрел лесопильный деревообрабатывающий комбинат имени В. И. Ленина — одно из крупнейших предприятий лесной промышленности Севера. В честь прибытия дорогого гостя на комбинате состоялся митинг, на котором выступил с речью Н. С. Хрущев.

24 июля в Москве, в Большом Кремлевском дворце, открылась шестая сессия Верховного Совета РСФСР пятого созыва. На повестке дня сессии следующие вопросы:

1. О ходе выполнения Закона «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в РСФСР».
2. Проект Положения об адвокатуре РСФСР.
3. Проект Закона о внесении изменений и дополнений в Уголовный Кодекс РСФСР.
4. Утверждение Указов Президиума Верховного Совета РСФСР.
5. Избрание Верховного Суда РСФСР.

Группа депутатов Верховного Совета РСФСР в перерыве между заседаниями сессии: электросварщик Астраханского судоремонтного завода Б. С. Наливкин, Герой Социалистического Труда, бригадир комплексной бригады колхоза имени Кирова, Воронежской области, Н. Ф. Мануковский, учительница, аспирантка Казанского педагогического института Н. А. Бичурина, свинарь Беднодемьяновского совхоза, Пензенской области, И. Н. Корнилов.

Фото А. Пахомова и А. Устинова.

30 июля откроется фестиваль студентов кинематографии;

Б — Борьба (спортивная), соревнования борцов будут проходить в городе Ярвенпяя;

В — Встреча парламентариев, делегатов VIII Всемирного. Она произойдет в парламенте, в ней примут участие финские коллеги;

Г — Германская Демократическая Республика и Италия продемонстрируют последние моды;

Д — День труда, 4 августа, открытие конференций по проблемам рабочей и сельской молодежи;

Е — с этой буквы начинается очень важное слово — «Единство». Без него фестиваль немыслим;

Ж — Жим, толчок, в общем, соревнование по поднятию тяжестей, состоится в городе Турку.

З — «Завоевание космоса», название одной из фестивальных выставок. А кроме того, встреча молодежи мира с покорителями Вселенной — советскими космонавтами.

И — «Интернациональный карнавал». Будет проходить в парке Линнанмяки.

К — Коллоквиум «Проблемы мира и национальной независимости», одна из важнейших фестивальных встреч. Она будет продолжаться несколько дней.

Л — Лахти — это город, где встретятся металлурги, строители, рабочие лесообрабатывающей промышленности;

М — Манифестация, посвященная миру и дружбе между народами, против атомной бомбы, за разоружение и мирное сосуществование. Торжественное закрытие VIII Всемирного фестиваля.

Конечно, и этот метод рассказа о программе фестиваля не совершенен. Букв алфавита не хватит, чтобы поведать о полутора тысячах других праздников и мероприятий VIII Всемирного. Это азбучная истина.

У каждой делегации, прибывающей в Хельсинки, свои замыслы и свои программы. Я разговорился с американскими представителями в Международном подготовительном комитете Майком Мерсоном и Гиком Простеном. Гик — невысокого роста блондин, совсем мальчишка на вид, говорит низким голосом.

— Когда мы формировали наши группы, каждый задался вопросом, что же больше всего интересует нас на фестивале. Подавляющее большинство отвечало: беседа с русскими делегатами. Вот почему встреча с представителями молодежи СССР будет самой большой из наших встреч с национальными делегациями других стран.

Недруги фестиваля, люди с черной душой, глотки которых лужены долларами, болтают невесть что об этом светлом празднике юности. Больше всего их страшит, что фестиваль не ограничится карнавалами, что на нем молодежь будет вести ответственный разговор о времени, о себе. Ведь каждый новый фестиваль — это экзамен на подлинную зрелость молодого поколения.

Провокаторы шли на любые низости, чтобы подставить ножку фестивальному гиганту. В одну упряжку впряглись НАТО, социал-демократическое охвостье, фашистские недобитки. А за ними незримо стоял и стоит Государственный департамент США, который старается представляться этаким «добреньким» опекуном молодого поколения.

Лидеры реакционных студенческих союзов Австрии забыли о своем позорнейшем провале на Венском фестивале. Они разослали во многие национальные союзы студентов новые циркулярные свидетельства своего бессилия: «Не ездите, не ездите в Хельсинки». Не удалось. Начинающие мракобесы и юные реакционеры получили хорошую затрещину. В Международном подготовительном комитете я прочитал письмо, под которым стоят подписи руководителей Национального союза студентов Бразилии. Вот что говорится, между прочим, в этом письме:

«Нашим принципом является проведение дискуссии по любым вопросам международного молодежного движения независимо от политических и идеологических убеждений участников. Мы думаем, что фестиваль предоставит возможность для обмена мнениями большому числу разных людей и позволит им лучше узнать друг друга».

Враги единства пытались замутить воду в стране тысяч озер. Но все честные финны отвернулись от них. В небольшом городе Хювинге, через который проходила эстафета, я слушал выступление депутата парламента господина Кильпи, известного общественного деятеля. Он говорил о том, что проведение фестиваля в Хельсинки — большая честь для его родины. Бурные аплодисменты сотен присутствующих на митинге подтвердили эти слова. «Балтика,— говорил господин Кильпи,— и все океаны и моря должны стать мирными. От молодых это зависит не в малой мере...»

Финны радушно встретили парней и девушек, приехавших к ним из ближних и дальних стран. И пусть никого не пугает, если в какой-нибудь фестивальной корреспонденции промелькнет фраза: «Делегатам устроили баню». В сауну — парную с березовыми вениками — в Финляндии по традиции приглашаются самые дорогие гости.

VIII Всемирный фестиваль будет проходить на хорошей основе: Хельсинки стоит на огромной гранитной скале. И солнце пришло на светлый праздник. Оно желанный гость. Ему предоставлено почетное место на самой высокой трибуне. Все за то, чтобы всемирный праздник юности прошел с большим успехом.

Хельсинки.
По телефону.

С 22 июля в Москве проходил VIII Международный противораковый конгресс. В его работе принимали участие представители медицины 70 стран. На конгрессе с докладами выступили ученые-экспериментаторы различных специальностей, изучающие суть ракового перерождения клетки, и врачи — хирурги, радиологи, терапевты, которые борются сегодня за жизнь человека в онкологических клиниках.

Н а с н и м к е (слева направо): заслуженный деятель науки член-корреспондент АМН СССР А. Т. Лидский, профессор Б. А. Петров и хирург С. Кришнаматч (Индия).

Фото Л. Портера. (ТАСС).

БОМБА И ДОЛЛАР...

— Что ж, знакомьтесь! — Владимир Иванович выдвинул ящики, плотно заполненные цветными открытками. Их многие тысячи, этих белых, зеленых, оранжевых карточек, которыми радиолюбители всех континентов и стран обмениваются между собой, подтверждая состоявшийся радиоразговор.

Более тридцати тысяч дальних радиосвязей осуществил свердловский инженер В. И. Семенов за двенадцать лет. Есть у него корреспонденты и на острове Гилберта, что в центре Тихого океана, и на далеких островах Кука, и в Республике Гана, и в Новой Зеландии... Просматриваешь карточки, и словно листаешь альбом жизни народов мира: мелькают улицы незнакомых городов и селений, экзотические пейзажи стран Африки, жанровые сценки. Уж так издавна заведено, что, посылая карточки-квитанции, радиолюбители всех стран стремятся не только подтвердить факт радиообмена, но и познакомить новых друзей со своей страной.

Вдруг лицо Семенова помрачнело, и он бросил на стол несколько открыток.

— Полюбуйтесь, нашли же чем бахвалиться!

На ярко раскрашенной карточке стартовая площадка для запуска баллистических ракет. На другой — ракеты, устремившиеся на земной шар, внизу гигантское облако взрыва. Новая открытка — и опять летящая ракета с эмблемой атома. Затем — зловещий атомный гриб, тот самый, что принес мученическую смерть многим десяткам тысяч жителей Хиросимы и Нагасаки.

Да, именно такие «карточки-квитанции» уже на протяжении нескольких лет присылают своим корреспондентам в различные страны мира некоторые радиолюбители из Соединенных Штатов Америки.

А вот еще один не менее любопытный экспонат из США. Радиолюбительская карточка в виде... старинного банкнота в пятьсот долларов. Такую оригинальную эмблему избрал коротковолновик Чарльз Хинкль из штата Виргиния. Вот, мол, чем славится Америка. Завидуйте!

Бомба и доллар — аргументы, которые уже длительное время используют правители США в качестве средств политического шантажа, запугивания и давления на другие страны. Видимо, уж очень часто аргументы эти дают осечку, если в США в качестве представителей атомной и долларо-

22 июля лондонская Трафальгар-сквер оказалась полем боя, который британцы дали здесь фашиствующим молодчикам. Последователи английского «фюрера» Мосли, избравшие Трафальгарскую площадь местом своего митинга, были вынуждены обратиться в бегство под напором многочисленной толпы антифашистов. Не помогли английским последышам нацистов и усиленные наряды полиции, которые были направлены для защиты участников сборища.

2.26!

В четвертый раз встретились в матче сильнейшие легкоатлетические команды мира: СССР — США. В четвертый раз победили наши мастера: 173 : 169.

Спортивная борьба в калифорнийском городке Пало-Альто была предельно напряженной. Казалось, что на этот раз успех придет к американским спортсменам.

Но дружный и волевой коллектив наших легкоатлетов сумел в решающих встречах второго дня опередить соперников. Победа замечательного бегуна Петра Болотникова, десятиборца Василия Кузнецова, мастера тройного прыжка Владимира Горяева, уверенное мастерство сестер Ирины и Тамары Пресс — усилия всех спортсменов принесли и теперь перевес!

Героем матча был, конечно, Валерий Брумель. Он на земле Америки, страны, где много лет подряд «хранились» мировые рекорды в прыжках в высоту, убедительно доказал, что теперь этот рекорд придется отвоевывать у советского спорта.

2.26! Этот великолепный результат москвича достойно увенчал дружескую, упорную встречу сильнейших.

М. АЛЕКСАНДРОВ

вой дипломатии начали привлекать некоторых сговорчивых радиолюбителей. Авось, кого-нибудь удастся испугать...

Между прочим, общепризнано, что коротковолновые связи радиолюбителей призваны служить сближению народов, укреплению мира. Но какое дело до всего этого американским пропагандистам холодной и горячей войны!

А. ГРИГОРЬЕВ

Свердловск.

Интервью «Огонька»

ТОЛЬКО МИР

М. И. КОТОВ,

ответственный секретарь Советского комитета защиты мира

В дни, когда в Москве с высокой трибуны Всемирного Конгресса за всеобщее разоружение и мир говорили о мирных путях, которыми должно идти человечество, чтобы избежать гибели, когда делегаты Конгресса выступали против злой воли, стремящейся ввергнуть народы в разрушительную войну, раздался ядерный взрыв, произведенный Соединенными Штатами Америки на большой высоте...

Вся история послевоенных лет наглядно свидетельствует о самой твердой миролюбивой политике Советского Союза. «Много лет Советский Союз добивается прекращения на вечные времена испытаний ядерного оружия. Но США вместе со своими союзниками по НАТО срывают достижение соглашения по этому вопросу»,— говорится в Заявлении нашего правительства о необходимости провести испытания новейших образцов советского ядерного оружия.

В Советском комитете защиты мира Рокуэлл Кент встретился с пионерами.

Правящие круги США, проведя серию мощных взрывов термоядерного оружия на Тихом океане, совершив взрыв на большой высоте над островом Джонстон, взяли на себя тем самым всю ответственность за дальнейшие испытания.

Еще до того как была начата последняя серия испытаний, в Вашингтоне не могли не знать, что их действия вызовут ответные действия Советского Союза. Но правительство США и не думало скрывать, что оно предприняло эти испытания ядерного оружия для того, чтобы добиваться военного превосходства над нашей страной. И решение Советского правительства — новые испытания ядерного оружия — шаг вынужденный.

Советские люди хорошо помнят 1941 год. Они должны думать о своей безопасности, об интересах своего народа, о судьбах мира!

Политические деятели разных стран, делегаты Конгресса в эти дни особенно часто приходят в Советский комитет защиты мира. И здесь в дружеских беседах делятся своими мыслями о положении в мире, рассказывают, что их тревожит.

С радостью встретили мы у себя видного американского художника Рокуэлла Кента, который говорил, что он решил призвать всех художников поддержать призыв московского Конгресса, чтобы они активно включились в борьбу за мир. Сам Рокуэлл Кент собирается поехать по своей стране, рассказать, как приветливо встречали москвичи делегатов Конгресса, как хотят все советские люди мира. Он напишет книгу, в которой покажет, какие блага принесло бы американскому народу изменение политики правящих кругов США — переход с военной экономики на мирную.

— Прекращение гонки вооружений, прекращение испытаний — это прежде всего должно сделать американское правительство,— сказал Кент. И еще он сказал, что совершенно убежден в миролюбии советского народа, в искренности Советского правительства, позицию которого так хорошо раскрыл в своем выступлении на Конгрессе Н. С. Хрущев.

Когда мы разговаривали с Кентом, пришли в Советский комитет защиты мира молодые гости. Мы их не ждали, но были рады им. Это были ребята из одного подмосковного пионерского лагеря. Наш американский друг и мы все были тронуты тем, как всерьез ребята следили за работой Конгресса, как они сами хотят активно участвовать в борьбе за мир.

— В вашей стране все — от мала до велика — замечательные борцы за мир,— сказал Кент.

На днях наш Комитет посетила японская делегация. Они хорошо понимают советских людей, которые испытали жестокость второй мировой войны. Они отдают себе отчет в том, кто мешает прекращению ядерных испытаний.

— Наш народ,— сказал президент Японского комитета защиты мира профессор Хирано,— как никто другой, испытывает на себе вредоносное последствие ядерных испытаний, проведенных Америкой на острове Рождества. То, что испытания не запрещены повсеместно, в этом виноваты американские правящие круги. Мы с полным пониманием относимся к действиям, которые вынужден предпринять Советский Союз. На Конгрессе мы убедились, что советские люди, так же как и мы, решительно выступают за мир.

В начале августа в Токио состоится VIII Международная конференция за запрещение атомного и водородного оружия. В ней примет участие Советский Союз. Эта новая встреча друзей мира, без сомнения, будет как бы продолжением великого форума народов, который состоялся в Москве.

Сейчас из всех стран идут вести, что призыв Всемирного Конгресса находит повсюду горячую поддержку. Отчитываются делегаты о своей поездке в Москву, проводятся митинги, демонстрации, походы, посвященные Конгрессу.

Представители миролюбивых сил во всех странах будут искать пути к тому, чтобы претворить в жизнь призыв Всемирного Конгресса за всеобщее разоружение, добиться соглашения о прекращении ядерных испытаний.

Л. БИРЧАНСКАЯ

Фото А. Бочинина.

Вторая весн

Сегодня, 29 июля, семь городов, положивших начало крепкой династии молодежных фестивалей, веселыми представлениями приветствуют Хельсинки.

...А еще несколько дней назад советская делегация готовилась к празднику юности мира. Центральный Дом Советской Армии трудно было узнать. В каждой комнате, в гостиных и танцевальных залах, в бильярдной и на веранде репетировали самодеятельные коллективы. Репетировали с необыкновенным усердием. А в перерывах с не меньшим старанием учили финские слова и отыскивали в словарях «труд», «счастье», «дружба» — по-японски, французски, испански...

В одной из комнат нас встретил горячий грузинский танец. Он был настолько стремительным, что казалось, вот-вот расступятся стены.

— Танцоры пляшут «Салхино» не в полном темпе. Сегодня танец шлифуют,— сказал нам руководитель коллектива Г. В. Дарахвелидзе.

Его подопечные — из Тбилиси. Они работают там обходчиками, техниками, учетчицами в управлении городского транспорта. На конкурсе народных танцев в Хельсинки ансамбль, лауреат Венского и Московского фестивалей, покажет грузинские старинные пляски.

Открываем другую дверь и попадаем из Тбилиси в Таллин. Репетирует женский эстонский октет «Лайне». Он звучит идеально стройно, песня о рыбаках как бы уносит нас к берегам Балтики.

Октет выбрал из своего репертуара для выступления на фестивале лучшие эстонские песни и разучил несколько финских.

Восьмой всемирный фестиваль — третий по счету, который увидит Кахрамон Дадаев. Кахрамон живет в Ташкенте. Там, во Дворце пионеров, научился он игре на дойре, полюбил старинный узбекский инструмент. Не много найдется городов в Советском Союзе, где не слышали бы виртуозную игру Дадаева... Слышали его и в Сирии, Ливане, Египте, Китае... Когда Кахрамон играет, он улыбается, и зрителям понятно, как он счастлив сейчас. В Финляндии под его аккомпанемент узбекские танцоры выступят на конкурсе танцев народов Востока.

В штабе фестиваля шла очередная летучка: «Духовой оркестр, сегодня у вас прогон!», «Баку, отдохните немного — зарепетировались!».

Это был своеобразный штаб, заботливый, беспокойный, в который входили руководители коллективов, режиссеры, художники, балетмейстеры. Фестиваль задал им нелегкую задачу — отправить в путь-дорогу 700 участников из разных городов страны. «От нас ждут,— говорит начальник штаба, главный режиссер художественной группы советской делегации народный артист РСФСР и Грузинской ССР И. М. Туманов,— большой художественной программы. Интересной, содержательной и разнообразной. Из десятков просмотренных номеров мы отобрали, разумеется, самые лучшие. Но их тоже надо было совершенствовать».

Многое создано специально для фестиваля. Композитор О. Фельцман и поэт Евг. Долматовский написали песню «Мы из Страны Советов», с которой начнется первый концерт советской делегации в Финляндии. Художники-мультипликаторы сделали веселый коротенький фильм. Этот фильм выполняет роль остроумного конферансье.

Не будет такой эстрады, на которой не выступят советские артисты. Причем не только в Хельсинки, но и в других городах Финляндии. Они примут участие больше чем в пятидесяти национальных концертах. А петрозаводские артисты дадут несколько спектаклей балета «Сампо» в столичном театре оперы и балета.

2

1

3

4

5

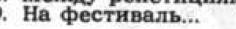
6

7

а Хельсинки

1. Муслим Магомаев из Баку.
2. Стремительный «Салхино».
3. Так начинается концерт советской делегации.
4. Играет Кахрамон Дадаев.
5. Перед отъездом.
6. Последний мазок...
7. Двадцатилетний Олег Крыса примет участие в конкурсе скрипачей.
8. Между репетициями...
9. На фестиваль...

8

9

1

ВСТРЕЧА С ЮНОСТЬЮ

К. ЧЕРЕВКОВ

Фото А. Узляна.

Над просторами Балтики гулко прозвучала сирена с теплохода «Грузия», следовавшего из Гаваны с делегатами VIII Всемирного фестиваля молодежи и студентов. Несмотря на глубокую ночь, никто не спал. На всех палубах — молодежь. Отовсюду неслись восторженные приветствия, слово «Товарищ!».

По трапу вместе с представителями ленинградской молодежи взбегаем на палубу. Обнимают, жмут руки, дарят значки, спрашивают, скоро ли увидят Ленинград.

Наступает утренняя заря. Не хочется расходиться по каютам юношам и девушкам из Кубы, Мексики, Эквадора, Гватемалы, Колумбии, Чили... Но надо отдохнуть. Ведь в полдень после долгого океанского пути первая встреча на советской земле с гостеприимными ленинградцами.

В девять утра мигом пустеют каюты, быстро оживают палубы. Наспех выпив черный кофе и захватив музыкальные инструменты, торопятся на репетицию кубинцы. На Всемирный фестиваль молодежи в Хельсинки едет большой оркестр. На палубе кубинцы повторяют свою концертную программу.

Делегация Кубы — одна из самых многочисленных: более 400 человек — рабочие, крестьяне, армейцы, студенты, учителя, спортсмены, музыканты. Многие девушки собираются на фестивале оспаривать первенство в спортивных состязаниях, песнях, а некоторые и в конкурсе красоты!

Даже самые молодые посланцы героической Кубы уже имеют заслуги перед своей страной. Фернандо Весино Алегрет. Ему двадцать четыре года. Но он опытный офицер повстанческой армии, воевал в горах в отряде Фиделя Кастро. Сейчас учится — будет инженером. С Фернандо, как равный с равным, беседует Анхелио Дельгадо. Он школьник, ему нет и тринадцати, но Анхелио — боец, боец культурного фронта. Дельгадо не отличается крепким здоровьем, и все же он поднялся высоко в горы, где не так давно воевали Фидель и Фернандо, и там обучил грамоте девять крестьян.

3

4

2

Делегация Венесуэлы могла бы быть тоже внушительной. Но только троим удалось добраться до Гаваны. 97 были арестованы полицией на аэродроме в Каракасе.

...На верхней палубе становится все теснее: делегаты латиноамериканских стран подружились, нашли общий язык.

Шумными возгласами встречают юношу с аккордеоном — колумбийца Алехандро Гомеса.

Впервые Гомес исполнил одну из своих песен, «Куба — да, янки — нет», в 1960 году с борта самолета в гаванском аэропорту. А сейчас эта песня стала одной из самых любимых в Латинской Америке. В каждой стране к ней добавляют новые слова, но смысл остается тот же: мы готовы защищать кубинскую революцию, потому что она близка всем народам Латинской Америки. За эту песню реакционеры Боготы, где в университете учится Гомес, назвали его «профессиональным агитатором». Часто можно видеть на улицах юношу в шляпе с заломленными полями и аккордеоном за плечами. Однажды студенты Боготы вышли на улицу. Гомес шел с ними в первой шеренге. Он запел песню «Куба — да, янки — нет». Полиция открыла огонь. Гомес был ранен. Но это не устрашило его. Гомес продолжает создавать песни, посвященные Кубе.

544 делегата сошли на берег в ленинградском морском порту, чтобы отправиться дальше, в столицу VIII Всемирного фестиваля молодежи Хельсинки!

1. Среди многих юношей и девушек на фестивале будет кубинка Онейда Океста.

2. Это мексиканец. Он учитель, зовут его Оскар Гуахардо.

3. Шестерых студенток Гаванского университета фотографируют на память мексиканцы.

4. Посланцы героической Кубы. Офицер повстанческой армии Фернандо Весино Алегрет и его друг, боец культурного фронта школьник Анхелио Дельгадо.

5. Юноши из Боливии и девушки из Перу.

6. — Я вам дам свой автограф только в обмен на ваш.

Хельсинки, дочь Балтики, приветствует делегатов фестиваля. Сюда протянулись нити дружбы, связывающие юношей и девушек всех континентов. Страна тысяч озер, Финляндия стала в эти дни страной, где встретились тысячи надежд.

С дружеским приветом читателям «Огонька»

Херлуф Бидструп.

5

6

Интервью «Огонька»

Генри Уинстон:

— ВЕРЮ В БУДУЩЕЕ!

Рис. Ю. Васильева.

В этом человеке все кажется необыкновенным. Огромный рост, удивительно мягкий тембр голоса и такая ослепительная улыбка, что все вокруг тоже начинают улыбаться.

Да, у него все необыкновенное. И внешность и судьба. За плечами Генри Уинстона, выдающегося деятеля американского рабочего движения, одного из руководителей Коммунистической партии Соединенных Штатов, — славный и трудный путь борьбы. Товарищ Уинстон посвятил свою жизнь народу, сыном которого он является, — народу Америки.

Современные инквизиторы бросили его за решетку, создав такой режим, что Генри Уинстон, тяжело заболевший в тюрьме, потерял зрение. Его хотели отрезать от внешнего мира, изолировать мраком, заставить сложить оружие. Но он остался в строю.

Я встретился с этим замечательным человеком через несколько дней после того, как он вернулся в Советский Союз, где находится на лечении, из поездки по Германской Демократической Республике, Чехословакии, Венгрии. Генри Уинстон выступал на заводах и в сельскохозяйственных кооперативах, беседовал с рабочими и государственными деятелями, с писателями и крестьянами. С ним делились планами, рассказывали о настоящем, о будущем. Он приехал полный радостных впечатлений.

...Большая светлая комната. Книги, газеты. Американские, английские, советские. На корешке тома, заложенного листом белой бумаги, читаю: «Ленин».

Генри Уинстон работает. Работает столько, что врачам приходится вмешиваться: «Нельзя!» А он снова зовет переводчика...

Я передаю товарищу Уинстону тысячи приветов от читателей «Огонька». После того, как был опубликован очерк Стефана Гейма «Генри Уинстон» («Огонек» № 18 за 1962 год), мы получили много писем, и в каждом — горячие пожелания здоровья, счастья.

— Спасибо, большое спасибо! — Генри Уинстон улыбается своей, «уинстоновской», улыбкой.

Задаю первый вопрос:

— Товарищ Уинстон, в печати изо дня в день появляются сообщения о новых и новых выступлениях в США против агрессивного внешнеполитического курса, за разоружение и мир. Как вы считаете, можно ли говорить о серьезных сдвигах в американском общественном мнении?

Генри Уинстон отвечает:

— Я думаю, что одно из самых светлых явлений на американском политическом горизонте — это растущее стремление народа к миру. Сегодня это стремление явственно чувствуется во всех слоях американского общества, буквально во всех. Из выступлений отдельных людей и групп складывается то, что можно назвать общенациональным движением за мир. Это движение проявляется в требованиях вполне определенных и конкретных — против ядерных испытаний, за решение германской проблемы, против интервенции США на Кубе, за улучшение американо-советских отношений, за разоружение.

Мой собеседник развивает свою мысль, приводит факты, цифры.

— В эти дни, — говорит он, — в борьбу за мир включаются новые и новые силы: ученые, писатели, музыканты, негритянские лидеры, представители религиозных организаций. И, конечно, рабочие. Профсоюз работников грузового транспорта, объединяющий 1 миллион 700 тысяч членов, сосредоточивает свои усилия почти исключительно на экономических вопросах, но тем не менее выступает против программы вооружений как средства разрешения проблемы безработицы. За решение германской проблемы путем заключения мирного договора с двумя германскими государствами выступил один из руководителей профсоюза работников автомобильной промышленности, объединяющего миллион человек, Эмиль Мэйзи. Профсоюз портных мужской одежды проголосовал на своем съезде за программу, которая включает требования разоружения, заключения мирного договора с обоими германскими государствами и принятия Китайской Народной Республики в ООН. Совсем недавно 53-й ежегодный съезд Национальной ассоциации содействия прогрессу цветного населения, куда входит полмиллиона человек, проголосовал за то, чтобы направить все силы на поддержку программы, цель которой сформулирована так: «Дать понять нашим конгрессменам и сенаторам, что мы настоятельно требуем: пусть наша страна поможет полностью разрешить противоречия, могущие вызвать конфликт, который превратит наши дома и города в кучи радиоактивного пепла».

Одна из самых замечательных черт современной американской действительности — это то, что студенты многих колледжей заявляют о своей решимости бороться за мир. Очень активны женские организации. Я хотел бы особенно подчеркнуть, что американские борцы за мир расширяют контакты, устанавливают связи с борцами за мир в других странах. Многочисленная и широкопредставительная делегация США на Всемирном конгрессе за всеобщее разоружение и мир — свидетельство этого.

Генри Уинстон на минуту задумывается. Потом продолжает:

— Мои соотечественники, присутствовавшие на Всемирном конгрессе за всеобщее разоружение и мир, как и все люди доброй воли, осудили высотные ядерные испытания, проведенные американским правительством. Это противоречит духу американского народа, который думает о том, чтобы сохранить жизнь, а не уничтожить ее. Сейчас все большее число людей в Америке начинает понимать разницу между второй мировой войной и тем, чем могла бы стать третья мировая война. В ней погибли бы целые страны. Ее жертвой стали бы человеческая культура и прогресс. Чтобы не допустить этого, выходят на улицы городов с требованиями мира американцы. Кое-кто в Америке говорит о борцах за мир: «коммунисты». Да, наша партия боролась и всегда будет бороться против войны, которая стала бы величайшим несчастьем для всего человечества. Но мы — это только часть американского движения в защиту мира. Это движение охватывает с возрастающей силой многие тысячи американцев, придерживающихся самых различных политических взглядов.

— Товарищ Уинстон, нередко приходится встречаться с утверждениями определенных кругов США, что заключение мирного договора с двумя германскими государствами и решение на этой основе вопроса о Западном Берлине были бы «ударом» по безопасности американского народа. Что бы вы могли сказать по этому поводу?

Голос Генри Уинстона звучит резко и гневно.

— Американский народ, — говорит он, — дважды был втянут в мировые войны, главными виновниками которых были германские монополии, правящие классы Германии. Общечеловеческая, без малейшего преувеличения, задача — обуздать германский милитаризм, не дать ему возможности в третий раз начать мировую бойню. Единственное средство — подписать мирный договор с двумя реально существующими германскими государствами, положив тем самым конец опасной напряженности, которая может однажды разразиться катастрофой. Каждый человек, который любит свою родину, свой народ, не может и не должен стоять в стороне от решения этой острейшей проблемы. Как патриот, как коммунист, я считаю смыслом обороны своей страны спасение ее от атомной смерти. А это значит: нужно покончить с гонкой вооружений, вступить на путь мира и сотрудничества. Национальные интересы Америки — это интересы народа, а не горстки монополий, наживающихся на производстве орудий смерти. Вот почему всеобщее и полное разоружение и мирное решение германской проблемы — лучшая оборона, какую только можно себе представить.

— Товарищ Уинстон, может быть, вы хотели бы передать что-либо читателям нашего журнала?

— Я прошу вас передать читателям «Огонька», всем советским людям мое восхищение грандиозными усилиями, которые советский народ вкладывает в борьбу за то, чтобы мир и дружба стали законом на нашей планете. Я с нетерпением жду времени, когда мирные устремления советского народа, соединившись с мирными устремлениями других народов, в том числе народа Америки, навсегда освободят человечество от оружия и войн. Верю в это радостное будущее!

...Когда я ехал к товарищу Уинстону, в санаторий, где он лечится, меня предупредили: «Постарайтесь, чтобы интервью заняло не очень много времени». Я обещал и честно старался сдержать слово. Но это не вышло. Очень трудно поставить точку в разговоре с таким человеком, как Генри Уинстон.

Г. ГУРКОВ

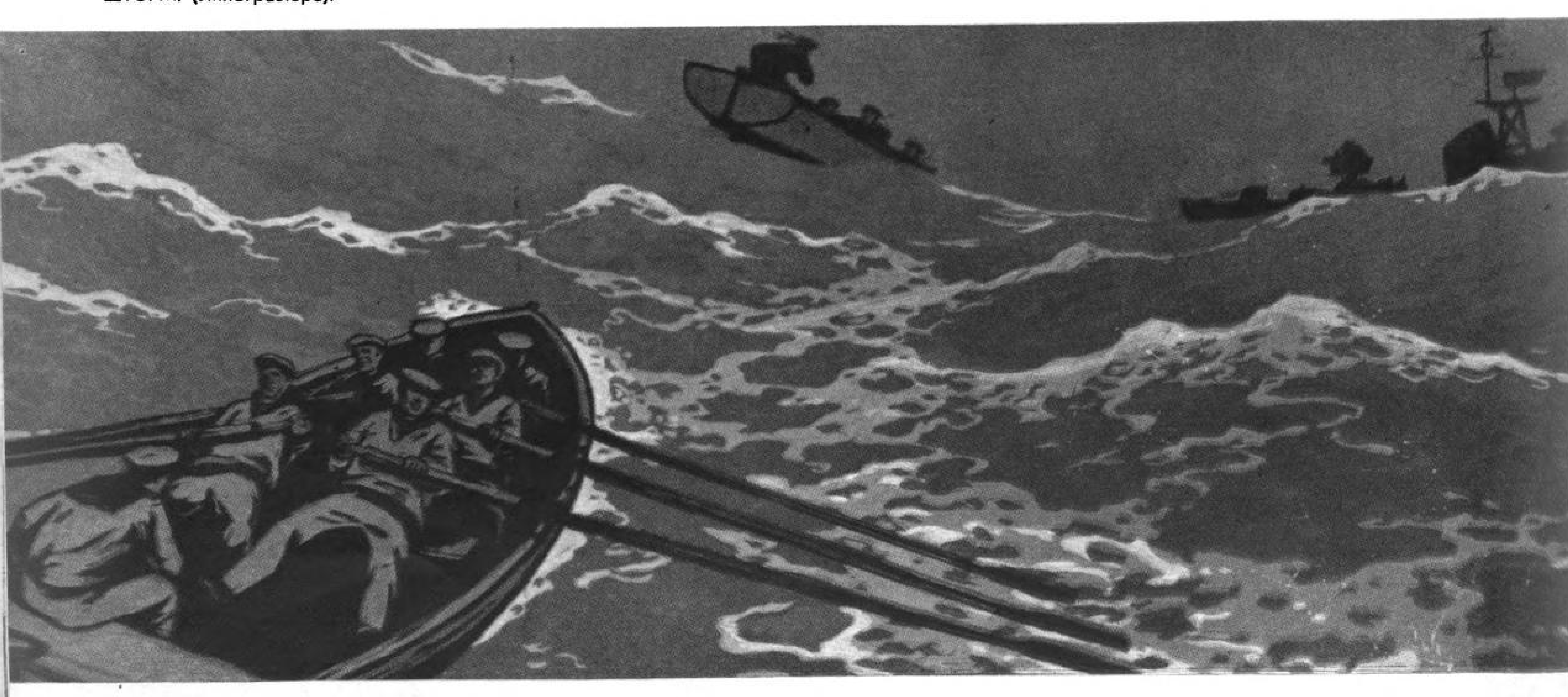
И. Титов (Москва) ПОДГОТОВКА К ПАРАДУ.

Е. Скитальцев (Калининград).
ВОЛНЫ.

Р. Тагиров (Ижевск) В ПОХОДЕ. (Линогравюра).

ШТОРМ. (Линогравюра).

1

Я стоял на перекрестке, где часто останавливаются автобусы или грузовые машины, которые берут попутчика. Это было в центре станицы Джугутинская.

Подъехал автобус. Впереди на фанерке химическим карандашом было написано: «Юлар».

Шофер поглядел на мой вещевой мешок, грязные башмаки и спросил:

— Путешественник?

— Да,— ответил я и сказал, что вот добрался сюда, а теперь думаю, куда дальше двинуться. В горы мне хочется. Никогда не бывал в настоящих горах.

— Тогда поехали в Юлар.

— А что это такое?

— То, что вы ищете.

Недавно прошел сильный дождь. Вечерело. Я проделал уже большой путь и устал. Надо было принимать решение и где-то устраиваться. Не раздумывая долго, полез в автобус.

Народу набралось много. В основном горцы, в шляпах из белой шерсти. Такие шляпы предохраняют от солнца и не промокают в дождь.

Вскоре тронулись.

Плещутся под колесами лужи. Хрустят ветки деревьев, которыми заложены особенно глубокие канавы. Где-то за кустами шумит напор воды. Это горная река Зеленчук. Я уже знаю, мне сказал шофер.

Ветер разбрасывает тучи, и в далекие просветы я вижу вечернее небо и горы, куда мы едем.

ЗЕЛЕНАЯ РЕКА

Рассказ

Михаил КОРШУНОВ

Рисунки А. ЛУРЬЕ

2

Я поселился в Юларе в маленьком белом доме. Он стоял над обрывом, точно березовый пенек.

Дом принадлежал сестре и брату. Сестру звали Буми, а брата — Октя.

Буми училась еще в школе, а Октя работал объездчиком в лесном заповеднике.

Меня к ним привел шофер автобуса. Сразу у них понравилось: топится печка, горит большая керосиновая лампа. Был отгорожен закуток, где стояла свободная лежанка.

Октя показал мне на лежанку.

— Отдыхайте.

Я разделся и уснул.

Когда утром проснулся, в домике никого не было, а сам домик был пробит синим прожектором. Я даже зажмурил глаза с непривычки от такого яркого света.

Без всяких рам, прямо в стену, было вмазано оконное стекло.

Я подошел к нему и увидел горы. Но не так, как я их видел тогда из автобуса — далеко, в просветы среди туч,— а совсем рядом. И там, в горах, лежал огромный осколок льда — синий прожектор. Солнце вкрутило в него свою лампу.

Вниз по ущелью рушился Зеленчук, вскипая брызгами и пеной. Возле реки стояла Буми — мыла посуду.

Я захватил полотенце и вышел из домика. Спустился по тропинке на берег.

— А-а, доброе утро! — сказала Буми и улыбнулась.— Хорошо спали?

— Хорошо. Только вот голова немного какая-то странная.

— Это от гор. Это пройдет.

Зеленчук так шумел, что надо было повышать голос.

— Откуда река берет начало? — спросил я Буми.

— С ледника.

— С этого ледника?

— Да, он называется София.

Ледник синий, а Зеленчук зеленый и тоже яркий до боли в глазах.

Я начал приспосабливаться, как бы умыться.

— Окунитесь,— сказала Буми.

Я попробовал воду — ледяная.

Буми заметила, как я смущенно выдернул руку.

— Привыкнете. Мы с Октей купаемся.

Буми положила в чистое ведро посуду и пошла по тропинке в дом.

Я умылся и остался на берегу. Сел на выступ скалы. Я не мог уйти от реки. Я никогда не видел таких рек: зеленый вихрь. Посредине зеленого вихря — большие камни. А на камнях — луга: высокая свежая трава, красные цветы.

Иногда ветер подхватывает с реки брызги, и они косым ливнем пролетают над большими камнями. Заливают цветы и траву.

Воздух, казалось, насыщен льдинками, будто их приносило с ледника, как и воду для реки.

Но солнце было сильным, горячим, и поэтому, когда тихо и безветренно,— никаких льдинок. Жарко. А стоит дунуть ветру — прохладно, появляются льдинки, надо набрасывать на плечи рубашку. Может, это по той же причине, что немного тяжелой сделалась голова?..

Я еще долго сидел на скале. И рубашку то снимал, то набрасывал.

Над поселком висело кольцо дыма. Это из печных труб. Кругом горы, а кольцо внутри гор. Ветер его шевелит, покачивает. Скоро поднимет высоко, унесет куда-нибудь за горы, и никто там не поймет, откуда оно взялось.

Пришла Буми.

— Кричу, кричу, а вы не слышите. Пора завтракать.

Я показал на реку.

— Шумит она очень. И всегда так?

— Нет. Не всегда. Зимой молчит.

Когда мы поднялись к домику, увидели на дороге автобус. Шофер помахал из кабины рукой, мы помахали в ответ.

— Поехал в станицу,— сказала Буми.— Если вам надо будет послать письмо, вы с ним передавайте. Другой почты у нас нет.

Я кивнул.

Возле домика стояла верховая лошадь. Это приехал Октя, вернулся с объезда.

Мы сели завтракать.

3

Буми пошла в лавку, и я с ней. Мне хотелось поглядеть на поселок. Вчера ночью из автобуса я, конечно, ничего не разглядел.

Поселок стоял на зеленом лугу. Обрывки этого луга были разбросаны на тех больших камнях, которые торчали со дна Зеленчука.

Все дома были маленькими и белыми, как и дом Буми и Окти.

Утром и вечером в каждом доме топится печка, потому что утром и вечером в горах холодно.

— У нас рядом зима и лето,— сказала Буми.— Снег и земляника.

По улицам поселка бегали ребята — босиком и в шерстяных шляпах. Вместе с ними бегали козы.

— Это козы домашние,— сказала Буми.— А иногда с гор спускаются дикие, пасутся с домашними.

— И не боятся людей?

— Нет. Их никто не трогает. А у нас в поселке даже медведь живет. Маленький.

— А он откуда взялся?

— Тоже спустился с гор. Привык и теперь живет. Вы его увидите.

Ехал на лошади человек в черной гимнастерке, в галифе и в тонких сапогах с поясками на голенищах.

Поздоровался с Буми и со мной.

— Директор школы,— сказала мне потом Буми.— Мамед Алиевич. Он у нас лучший в поселке стрелок. Снайпер. А вон в горах стадо,— показала она на серое пятно.

— Это разве стадо?

— Конечно.— Буми пригляделась и сказала: — Сто сорок семь баранов.

— Что? — удивился я.— Как ты сосчитала?

Буми только и ждала вопроса. Начала смеяться.

— А я сосчитала количество ног и поделила на четыре.

Я тоже начал смеяться.

Мы так громко смеялись, что какой-то гусак вылез из канавы, где он отдыхал, и погнался за нами.

Возле лавки с кем-то возились ребята.

— Вон и медвежонок! Я вам говорила, вы его увидите. Шурван! — позвала Буми.— Шурван!

Медвежонок поднял голову, потом вырвался от ребят и заспешил Буми навстречу. Бежал боком и вприпрыжку.

Буми присела на корточки и, когда медвежонок подбежал к ней, обняла его за шею. Он ткнулся носом в ладонь Буми.

— Сейчас куплю. Погоди.

В лавке Буми купила ему брусок повидла. Я тоже купил брусок.

— Как бы не объелся,— сказали ребята.

Шурван лег на живот, раскинул в стороны задние лапы, вывернув пятки кверху. Между передними лапами положил бруски повидла.

Мне казалось, что лежать так на животе с вывернутыми пятками и еще пытаться что-то есть очень неудобно. Но Шурван был иного мнения.

— А собаки его не трогают? — спросил я Буми.

— Что вы! Он их первый друг.

В лавке мы купили хлеб, сахар и масло. Пошли домой. За нами отправился и медвежонок. Бежал впереди боком и вприпрыжку.

— Он меня всегда провожает,— сказала Буми.

Когда мы поравнялись с гусаком, который все еще отдыхал в канаве, гусак вылез и погнался за медвежонком. Но Шурван даже не обратил на него внимания.

Тогда гусак погнался за нами.

4

Узкий легкий мост сплетен из канатов. Посредине лежат доски — цепочкой. Перила тоже сплетены из канатов.

Мост прогнулся, висит над Зеленчуком совсем низко. Тень от моста прыгает на волнах.

Если мост толкнуть, он долго будет раскачиваться. Это делают мальчишки — толкают и раскачиваются на нем.

Я тоже попробовал, но быстро понял: чтобы делать это, надо иметь известную долю мужества.

Скрипит канатами легкий мост, под мостом вскипает брызгами Зеленчук. В глазах все дрожит и кружится. Иногда ветер подхватывает брызги, и они косым ливнем проносятся над головой, заливают и тебя и мост.

Буми любила раскачиваться на мосту. Делала это похлестче мальчишек. Ухватится за веревочные перила и разгоняет мост все сильнее и сильнее.

Я с берега кричу ей:

— Осторожно, Буми! Хватит!

А она смеется, летает над Зеленчуком среди брызг и пены, мокрая и озорная.

Мы с Октей ходим по краю Зеленчука, там, где мелко, и переворачиваем камни. Ходим в башмаках, потому что босиком ходить невозможно: ноги стынут и тогда очень болят.

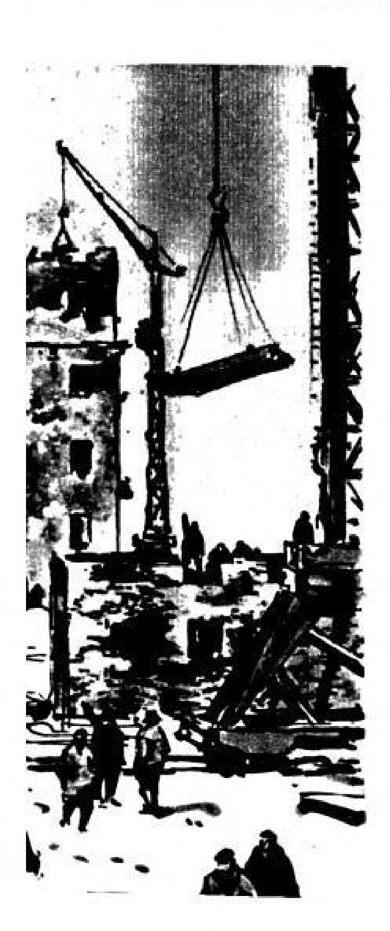
Мы собираем маленьких серых рачков — они сидят в воде под камнями,— складываем их в коробки из-под спичек.

Вместе с нами ходит Шурван. Он провожал из лавки Буми и, увидев меня и Октю, спустился на берег. Ему интересно, чем мы занимаемся.

А мы продолжаем собирать рачков, на которых будем ловить форель. Октя будет меня учить: я никогда не ловил форель и вообще никакую рыбу.

Рачков уже достаточно — две полных коробки.

Октя берет удочку и разматывает леску. Я смотрю на Октю и повторяю все его движения.

В Рудном — городе молодости — идет грандиозное строительство.

КАРТИНЫ ЕДУТ НА ЦЕЛИНУ

Володя Журжин, студент четвертого курса и секретарь комитета комсомола Московского художественного училища памяти 1905 года, получил письмо. Молодые целинники, механизаторы совхоза «Кайманкольский», писали:

«...Живем мы хорошо — там, где раньше стояли палатки, теперь выросли добротные дома со всеми удобствами. Недавно мы соорудили клуб. И нам захотелось обзавестись картинной галереей. Может, вы, будущие художники, нам поможете?»

Предложение целинников было и лестно для студентов и заманчиво: ведь в училище собралось немало картин, созданных его воспитанниками, есть и рисунки, наброски. Желающих поехать на целину оказалось так много, что отобрать делегацию было нелегко. Наконец два преподавателя и пятеро студентов, выслушав добрые напутствия, отправились в Кустанайскую область. Посылка — 80 картин для целинной галереи — оказалась увесистой.

Однако посылка не сразу попала по назначению: сначала передвижная выставка, составленная из фондов будущей галереи, путешествовала по Кустанайской области. Рабочие и труженики сельского хозяйства с интересом осматривали нашу выставку. Особым успехом пользовалась студенческая живопись в Рудном. Это и понятно: самому городу всего пять лет, и населяет его в основном молодежь. Средний возраст здешних жителей — 22 года.

Студенты выступали с лекциями по истории советского, русского и зарубежного искусства.

Больше тридцати лекций прочитали на целине преподаватель Л. А. Шитов, студенты Борис Кочейшвили, Владимир Журжин, Ирина Кибальник. Кроме того, студенты провели семинар для редакторов совхозных стенгазет, помогли целинникам оформить клубы и Дома культуры, консультировали самодеятельных художников.

Когда мы приехали в совхоз «Кайманкольский», молодые механизаторы очень тепло встретили нас. Чувствовалось, что здесь любят и понимают искусство. В Семиозерном район-

Андрей Гурин, бригадир сборщиков Соколовско-Сарбайского горнообогатительного комбината. Его бригада работает в счет 1967 года.

В башмаках хлюпает вода. Но выливать ее из башмаков нет смысла. Мы сейчас снова полезем в воду, пойдем по краю Зеленчука против течения. Так сказал мне Октя.

Я разматываю леску осторожно, потому что крутится под ногами медвежонок. Боюсь, чтобы случайно не схватил крючок.

Поплавка нет. Он не нужен.

На леске привязана нитка — черный узелок. Это для того, чтобы видеть леску на солнце. А то леска прозрачная и не увидишь, где она.

Октя объясняет: форель — рыба хитрая, ловить ее сложно. Наживку она не заглатывает, а скусывает — дернет осторожно и бросит, дернет и бросит. Надо почувствовать это. И тогда подсекать, резко и быстро.

Октя зажал удилище между ног, чтобы освободить руки, и наживляет рачка на крючок.

Я тоже держу удилище между ног, наживляю.

Шурван наблюдает за нами.

— Готово? — спросил Октя.

— Да.

Он проверил, как я наживил.

— Крючка не должно быть видно.

— А у меня слишком маленький рачок, не закрывает.

— Наживите второго.

Я опять зажал удилище между ног, достал из коробки второго рачка. Наживил.

— Теперь хорошо,— сказал Октя.— Пошли.

И мы пошли. Шурван с нами.

5

Я забрасываю в воду крючок. Его немедленно подхватывает течение и уносит в сторону. Я его вытаскиваю и снова забрасываю, потому что так делает Октя. Волна снова подхватывает крючок и снова несет в сторону.

Я не понимаю, как можно в этот момент почувствовать, что форель трогает его, скусывает наживку. И еще я не понимаю, как форель может плавать в реке, в которой вода рушится вниз по ущелью и сила в ней такая, что свалит с ног.

Иногда от удилища падает тень и прыгает на волнах, как прыгает тень моста. Но чаще я вижу только черную нитку — узелок на леске.

Октя не стоит на месте. Он забрасывает удочку и двигается все время вперед. Я двигаюсь за ним.

Рука устала, и я перекладываю удилище в другую руку.

Несколько раз я выдергивал крючок: мне казалось, что кто-то что-то делает с ним там, под водой. Но оказывалось, ничего подобного: форели на крючке не было.

Вдруг Октя резко выхватывает из воды удочку, и я вижу, что у него форель на крючке. Она сверкнула на солнце и упала в траву вместе с удочкой.

Я спешу к Окте. Я никогда не видел форели.

— Вот, держите.

Октя положил ее мне на ладонь. Она была точно льдинка, которую Зеленчук принес с ледника.

Мы ее рассматриваем все трое (Шурван тоже) — серебристо-черноватую с красными пятнышками, словно на нее брызнули соком граната.

6

Мы вернулись домой вечером. Я ничего не поймал. Только Октя — девять штук, девять льдинок. Они лежали в сумке.

Буми уже растопила печь. В домике было тепло и сухо.

Мы с Октей сбросили мокрые, набухшие башмаки.

Шурван пришел вместе с нами. Ему сбрасывать было нечего, поэтому он просто лег возле печки на живот, раскинул в стороны задние лапы, вывернув пятки кверху,— пусть просохнут.

Буми жарит форель на сковородке. Приятный запах наполняет дом.

Шурван глубоко вздыхает. Он, очевидно, надеется получить свою долю рыбы. И он ее, конечно, получит. Буми его любит. Да его все любят в поселке.

Мы с Октей тоже сидим у печки. Надели чистые сухие носки. Тоже надеемся получить свою долю рыбы.

В оконное стекло, которое без всяких рам вмазано в стену, ничего не видно. Синий прожектор уже погас: солнце выкрутило из него лампу. А там, где Зеленчук, только грохот да белые вспышки пены.

7

Шоферу автобуса я передал письмо. Он опустит его в станице Джугутинской в почтовый ящик, и оно отправится в Москву.

В письме я написал, что живу в горах, в маленьком белом доме, который стоит над обрывом, точно березовый пенек. Что здесь рядом зима и лето, снег и земляника. Что у меня есть друг медвежонок. Что учусь ловить форель и раскачиваться на канатном мосту. Что каждое утро над поселком рождается кольцо дыма и ветер его куда-то уносит. Что жить здесь буду долго, потому что мне здесь очень нравится.

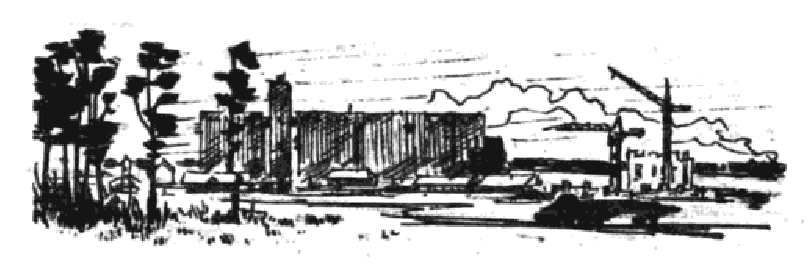
ном Доме культуры был открыт сельский художественный музей.

Около месяца пробыли наши студенты на целине. Эта поездка оказалась очень полезной для них: много новых работ и новых замыслов привезли они с целины.

Наше училище призвало студентов художественных институтов, училищ и школ создавать сельские музеи по всей стране. Пусть даже первые работы будущих художников несут радость людям.

Недавно в Кустанайскую область выезжала новая группа студентов. Возглавлял ее директор училища заслуженный художник РСФСР А. И. Саханов. Рисунки, портреты и композиции, созданные студентами, составляют выставку «Целина сегодня». Часть этих работ останется в нашем сельском музее, а остальные будут показаны в Москве.

В. ПИРОГОВ,
преподаватель Московского художественного училища памяти 1905 года.

Элеватор в поселке Аманкарагай, Кустанайской области.

Рисунки студента 5-го курса Бориса Пармеева.

Добыча руды открытым способом на Соколовско-Сарбайском комбинате.

МОСКВА

ЛАМАР

ИЗ ЗАЛА КОНГРЕССА

Москва горячие бросает зовы
спасти земли величье — человека,
творца свободы, счастья, жизни новой.
Да будет труженик героем века!

Народы вкруг Москвы, как ожерелье.
Подарены ей свадебные розы,
чтоб тучи смерти всюду не висели,
чтоб отвести кинжалы и угрозы.

Москва сегодня — всей планеты разум.
Слились людские мысли, словно реки.
Здесь собрались народы все и расы
с одной заботою — о человеке.

Москва, ты помогла объединиться
народам мира; веру молодую
несешь ты, как отважная орлица,
летящая в пору предгрозовую.

Искусства пламенного я взыскую!
Творите в красках, в музыке и в слове.
Искусство, будь сегодня наготове
в борьбе за жизнь, прекрасную, большую!

Дух человека вырос, обладая
выносливым стеклом, могучей сталью...
Но мы поэм еще не написали,
где века жизнь предстала б грозовая.

Когда великое творится дело
в Дворце — поэме из стекла-бетона,
о воле мира к миру непреклонной,
стих, прозвучи торжественно и смело!

ГОЛУБИ

На окне у меня в Останкине
птицы слышу я воркование,—
словно добрые пожелания
в это свежее утро раннее.

Я раздвинул занавес. Белого,
словно снег, накрошил им хлеба.
Но они взглянули несмело,—
как бы злого умысла не было?..

Поклевали — и быстро кверху,
и теперь уже в городе где-то
у кормушек клюют уверенно,
теплым солнцем полдня согреты.

Дорогие гости в Останкине,
это утреннее воркование
в благодарном сердце останется,
словно юности воспоминание.

Над Москвой летите высоко,
крылья широко распахните,
чтобы с запада и с востока
было видно, как вы летите.

Перевел с болгарского
Александр ГАТОВ.

Майя ОКУНЕВА

ФИДЕЛЬ РАЗГОВА

Куба создает свой революционный календарь... Как ни сложна обстановка, как ни тревожны угрозы врагов, залитая солнцем, шумная Гавана весело празднует свои новые народные праздники.

В День детей мне довелось участвовать в торжестве открытия Дворца пионеров в Гаване.

Детям отдано огромное здание, где раньше помещался Астурийский клуб. Тысячи детей пришли в старинный дворец и заполнили громадный высокий зал, освещенный люстрами и прожекторами. Зал ярко украшен. Развешены лозунги: «Каждый кубинец, который научился читать и писать,— это удар по империализму», «Будем бороться против империализма янки и против неграмотности», чен. С любовью и восхищением смотрят на него тысячи глаз.

Фидель встает, снимает пояс с двумя большими револьверами и кладет его на стол президиума. Ему не нужно оружие, он будет говорить с детьми. Подходит к микрофону и пытается начать, но не тут-то было. Ребята со всей детской непосредственностью, свойственной юным кубинцам, может быть, больше, чем детям других стран, рвутся к Фиделю, протягивают к нему руки, что-то ему кричат.

Его речь удивительна, как все его речи, и в то же время она не похожа ни на одну другую. Фидель говорил с детьми не как глава правительства, а как пионерский вожатый, говорил в такой форме, в какой только и можно говорить и быть понятым ребята- как вы сидите при этом? — произносит Фидель с иронической ноткой в голосе.

Ребята:

— Хорошо!

— В классе нельзя разговаривать. Нет! А что вам больше нравится: география или арифметика?

Голоса разделяются.

— Что же, что? — переспрашивает Фидель громко, но как-то легко, без нажима.

Больше все-таки кричат: «Арифметика!» — но разобраться трудно.

— Пусть поднимут руки те, кто больше любит арифметику!

Руки поднимает большинство. Кажется, Фидель доволен.

— А теперь скажите, что вы больше любите: учить грамматику или играть во дворе?

И хотя ребята кричат, что они больше любят учить грамматику, Фидель не хочет им верить на слово. Он снова устраивает голосование и сначала выявляет тех, кто любит грамматику, а потом тех, кто больше любит играть. Последние оказываются в меньшинстве, но все же поднимают руки, не стесняются. Разве можно стесняться своего Фиделя?

— Значит, все вы больше любите учиться, чем играть,— смеется даже дети знают, что Соединенные Штаты, кичащиеся своей цивилизованностью, оказались неспособными ликвидировать неграмотность значительной части населения. Даже президент Кеннеди вынужден был признать наличие в США двух миллионов неграмотных. «Неграмотный» — на Кубе сейчас это обидная кличка.

Фидель Кастро возвращается к разговору о поведении.

— Вы говорите, что в школе ведете себя хорошо. А дома как вы себя ведете? Давайте посмотрим: пусть поднимут руки те, кто ведет себя хорошо дома.

Все дети поднимают руки.

— А теперь пускай поднимут руки те, кто ведет себя плохо.

Никто не поднял руки.

— Хорошо, если бы это была правда. Тот, кто плохо ведет себя дома или в школе, не может быть пионером. Тот, кто плохо учится, не может быть пионером. Тот, кто плохо относится к товарищам, кто хочет всего только для себя, не может быть пионером. А кто же может быть пионером? Пусть поднимут руки, у кого есть дома телевизор.

Многие ребята поднимают руки.

«Кеннеди, помни, что все кубинцы — марксисты!».

Пионеры одеты в свою форму: красные беретики, галстуки наполовину синие, наполовину белые; девочки в серых юбках и белых кофточках, мальчики в серых брюках. Ребята скандируют: «Фидель, Фидель, мы с тобой!», «Мы внуки Хрущева, дети Фиделя!»

Дети особенно торжественно готовились к празднику, они были убеждены, что открывать Дворец пионеров будет сам Фидель.

Правда, мы не были уверены в этом. Директор кубинского телеграфного агентства Пренса Латина Ревуэльте сказал, что Фидель вряд ли будет на открытии Дворца пионеров, так как он очень занят. Но, сказал Ревуэльте, может быть, вам и повезет, так как у Фиделя есть одна слабость, и эта слабость — дети.

Фидель приехал. Вместе с ним были руководители Объединенных революционных организаций, профсоюзов и молодежи. Буря восторгов!

Фидель садится за стол президиума и, полный внимания, слушает выступающих в зале ребят. Гимнастические упражнения, которые выполняются безупречно, сменяются выступлениями певцов, танцоров, кукольного театра. Обстановка самая непринужденная не только в зале, но и на сцене. Какая-то женщина сажает на стол президиума маленькую девочку: ей полтора или два года. Она сидит на столе и играет со своим отцом. А отец играет с нею как ни в чем не бывало.

Но вот объявляют выступление Фиделя. Я не в силах описать тот энтузиазм, с каким он был встречен.

ми. Поражало то, как начал Фидель свой разговор с детьми именно в этой обстановке, когда ребята вели себя шумно, непосредственно, когда восторг и стремление побыть рядом с Фиделем выражались чересчур уж бурно.

— Наверное, самое трудное в жизни — это научиться молчать,— начал Фидель, глядя с улыбкой в неспособный утихомириться зал.— И это относится не только к детям, но также и к взрослым, также и к взрослым,— повторил он.

Зал стал вслушиваться.

Фидель смотрит на ребят, кажется, он глядит в глаза каждому.

— Вы хотите быть хорошими пионерами? Правда? — спрашивает Фидель, вскидывая голову.

Зал отвечает хором, дружно:

— Си! (Да!)

— Вам нравится ваша организация?

— Си! — кричат ребята.

— Ну, вот и хорошо,— кивает Фидель.— Тогда давайте помогать ей. Будете ли вы вести себя лучше?

В зале раздается: «Си» и «Но» («Да» и «Нет»). «Но» тонет в веселом смехе.

— Если кто-нибудь из взрослых хочет говорить с вами, вы должны молчать. Будете ли вы это делать и внимательно слушать?

Ребята:

— Си! Си!

— А как вы ведете себя в своих классах? — неожиданно спрашивает Фидель.

Зал хором:

— Хорошо.

— Когда учитель объясняет вам географию, историю, арифметику,

Фидель под одобрение всего зала.— Теперь, дети, разберем еще один вопрос: что вы должны делать в классе?

Ребята кричат:

— Учиться.

— А что вы должны делать на отдыхе?

Ребята кричат:

— Отдыхать, играть!

— Сколько времени?

— Один час,— отвечают из зала.

— Один час? А что говорят вам по этому поводу учителя?

— Именно это говорят учителя.

— Тогда хорошо,— соглашается Фидель.— Один час, но не нужно сразу после еды садиться читать. А потом, отдохнув, вы должны делать уроки, не правда ли? И так во все дни недели. А что вы должны делать в субботу? И в субботу можно немного позаниматься. А в воскресенье ходите ли вы в зоологический сад?

— Да.

— А на пляж когда?

— Тоже в воскресенье.

— Любите ли вы море? — спрашивает Фидель.— Что вы делаете на каникулах? И на каникулах не нужно слоняться без дела. А потом, когда вы окончите школу, кем вы хотите быть? Будете ли вы бригадистами (участниками борьбы с неграмотностью. — М. О.)?

Ребята с восторгом подтверждают это.

— Вы хотите бороться с неграмотностью? Но ведь у нас уже нет неграмотных. Кого же вы будете учить?

Из зала крики:

— Кеннеди! Кеннеди!

Этот ответ не поразил кубинцев своей неожиданностью. В Кубе

— А теперь пусть поднимут руки те, у кого нет телевизора.

Некоторые поднимают руки.

— Как же быть с теми, кто хочет смотреть программу и у кого нет телевизора? Что же им делать? Их надо пригласить к тому, у кого есть телевизор.

Ребята охотно соглашаются с Фиделем.

— Каждое воскресенье здесь, во Дворце пионеров, будут для вас разные развлечения, и они будут передаваться по телевидению. Тот, кто хочет танцевать, петь, играть на различных музыкальных инструментах, пусть приходит сюда. Многие из вас, наверное, хотят быть артистами. Вы станете артистами, если очень захотите. Дворец пионеров будет очень много значить для вас.

До сих пор разговор Фиделя с ребятами напоминал игру, умную игру большого с маленьким. Теперь беседа переходит на политическую тему. Фидель учит ребят политике.

— Рабочие у нас организованы, крестьяне организованы, женщины организованы, молодежь организована. И дети также должны иметь свою организацию,— говорит Фидель.

— Раньше, до революции, дети не имели организации. Раньше одни дети были богатыми, а другие — бедными. Одни дети имели все, а другие — ничего. Одни имели обувь, другие ходили босиком. Одни имели одежду, другие не имели ее. Одни имели игрушки, а у других их не было. Одни ходили в школу, другие не ходили. Одних лечили врачи, других нет, так как не было денег. Кто имел много игрушек?

— Богатые.
— А те, кто имел много игрушек, виноват в этом?
— Нет.
— А кто же виноват в этом?
— Их родители.
— Да,— говорит Фидель.— А почему их родители могли давать своим детям много игрушек? Потому что они эксплуатировали родителей других детей. Тысячи, сотни тысяч, миллионы людей работали в деревне, на фабриках, и именно они имели детей, у которых не было игрушек, у которых не было праздников. У них не было и Дворца пионеров, а почему? Потому, что меньшинство было хозяевами всех фабрик, всех земель, всех богатств. Чего добивалась революция? Чтобы у детей не было игрушек?
Ребята кричат:
— Нет!
— Чего же добивалась революция?
Ребята:
— Чтобы все имели игрушки.
— Да,— подтверждает Фидель.— Чтобы каждый ребенок имел игрушки. Добивалась революция, чтобы у детей не было обуви?
Ребята отвечают:

Фото Нины Кармен.

РИВАЕТ С ДЕТЬМИ

— Нет! Чтобы каждый ребенок имел обувь.
— Чтобы у детей не было школ?
Опять ребячьи крики:
— Нет!
Фидель говорит:
— Чтобы все дети имели школы, пляжи, хороших учителей, врачей, чтобы все дети были счастливы. Если у ребенка нет обуви, может ли он быть счастливым?
Зал отвечает:
— Но!
— А если дети не могут ходить в зоологический сад, будут ли они счастливы?
— Но!
— Справедливо ли, чтобы одни дети имели все, а другие ничего?
— Но!
— А как справедливо?
Ребята отвечают:
— Чтобы все имели все.
— Да,— говорит Фидель.— Чтобы все дети имели все, чтобы каждый ребенок имел то, что до революции имели только богатые дети. Вот для этого и была сделана наша революция, чтобы все дети имели одежду, обувь, школу, учителей, пляжи и клубы. Когда один хозяин владеет сахарными фабриками и имеет тысячи рабочих, которые работают на него, разве это справедливо?
Ребята:
— Но!
— Кому должны принадлежать сахарные фабрики?
— Всем!
— Правильно, всем. А кому теперь принадлежат эти фабрики, которые раньше находились в руках господ?
— Народу!
— Да, народу. А справедливо ли, что электричеством владела раньше американская компания?
— Но!
— А кому оно принадлежит теперь?
— Народу.
— А кому принадлежат пароходы, которые до революции также принадлежали одной компании? Народу! И земля, которая раньше была у компаний и крупных латифундистов, также в руках народа. Поэтому теперь все дети могут иметь игрушки, посещать школу, ходить на пляж. Они могут иметь учителей и врачей. Они имеют пищу. Это и есть революция. Вы знаете, что такое революция?
Ребята кричат:
— Си!
— Кто вас воспитывает, кто вас учит?
Ребята кричат:
— Фидель!
— Нет, вас учат учителя. А кто больше всего получает выгоды от революции?
Ребята кричат:
— Народ!
— Ну, конечно, народ выиграл от революции, но кто выиграл больше всего? Дети!
Ребята подтверждают:
— Дети!
— Вы когда-нибудь видели, как пароходы уходят в море, как поднимаются в небо самолеты? Видели ли вы большие машины, тракторы, танки, пушки? Завтра вы будете водить пароходы (аплодисменты), самолеты (аплодисменты), будете врачами, архитекторами, инженерами (аплодисменты), артистами, рабочими — строителями зданий, тружениками-крестьянами, кем захотите (аплодисменты). Вы будете петь в театре и выступать по телевидению, и мы желаем, чтобы уже теперь вы готовились к этому. Кто не хочет, чтобы вы были такими?
Ребята кричат:
— Янки!
— Да, янки, эксплуататоры и контрреволюционеры. Поэтому мы и боремся против контрреволюционеров и против янки, против того, чтобы здесь были американские компании, которые владели телефоном, сахарными фабриками, электричеством. Поэтому дети должны вырасти хорошими революционерами. Тот, кто плохо ведет себя в школе и дома, не будет хорошим революционером. Поднимите руки те, кто хочет быть хорошим революционером.
Все поднимают руки.
— Значит, все вы хотите быть хорошими революционерами?
Ребята кричат:
— Си!
— А что нужно делать для того, чтобы быть хорошим революционером? Учиться! Хорошо себя вести!
Ребята каждый раз отвечают:
— Си!
Фидель:
— Вы все время говорите «си», но прежде чем сказать «си», подумали ли вы? Вы должны быть хорошими товарищами, дружить между собой. Будете ли вы желать своим товарищам того, чего вы желаете своим братьям? Вы должны уважать всех своих товарищей: белых, негров, мальчиков и девочек... Все вы должны быть хорошими друзьями и чувствовать себя счастливыми. Мне хочется, чтобы все дети были счастливы. Вы знаете тех, кто был убит на Плайя Хирон? Они боролись за то, чтобы вы были счастливы. Знаете ли вы, как назван Дворец пионеров? Этот дворец назван именем Пакито Гонсалеса!
...Пакито Гонсалесу было 12 лет, когда он был убит полицией. Его имя чтят на Кубе, как имя Павлика Морозова в СССР.
— Теперь революция победила,— продолжает Фидель,— революция приступила к стройке. Вы сможете строить гораздо больше, чем мы строим сегодня, потому что вы будете больше знать и у нас будет тогда больше фабрик и больше машин. Мы восхищаемся нашей молодежью, потому что молодежь идет впереди во всяком деле. И так же мы хотим восхищаться нашими детьми, хотим, чтобы дети понимали нашу революцию и помогали нам делать революцию. Если вы хотите всего этого, давайте скажем вместе громко: «Чтобы здравствовали кубинские дети, чтобы здравствовала кубинская революция! Родина или смерть! Мы победим!».
В зале творилось что-то невообразимое. Все дети, абсолютно все, каждый ребенок хотел подойти к Фиделю, хотел пожать ему руку, обнять его. Они долго не выпускали его из зала.
Фидель взял со стола свой ремень с двумя револьверами, надел и туго затянул его. Фидель ушел, а шквал рукоплесканий долго не унимался. Фидель уже был далеко, когда ребята принялись осматривать замечательный подарок, который им преподнесла кубинская революция,— Дворец пионеров.

РАССМОТРЕНО, ИСПЫТАНО, ОДОБРЕНО... ЗАМОРОЖЕНО

Путь изобретения в жизнь начинается с авторского свидетельства. Нелегко получить его. Среди тысяч людей, которые обращаются в Комитет по делам изобретений и открытий, есть ведь немало и заблуждающихся. И не сразу удается отобрать из множества предложений действительно важные, нужные нашему народному хозяйству. Тут требуется сложная и кропотливая экспертиза ученых, высококвалифицированных специалистов. Но вот, наконец, доказано: «Да, это то, что требуется!» Выдано и авторское свидетельство. Теперь, кажется, все самое сложное позади.

Нет, это только кажется. Ох, сколько иногда ухабов оказывается впереди!

Первый шаг — совнархозы, которым рекомендовано внедрить новшество на своих предприятиях. Увы, далеко не все из них спешат откликнуться.

Татарский совнархоз, например, из 80 новшеств, рекомендованных в прошлом году комитетом, до сих пор рассмотрел только 58; Свердловский из 328 — 237; Челябинский из 166—62; Донецкий из 238—70; Узбекский из 88—43.

Бывают случаи, когда совнархоз отказывается внедрять изобретение, не приводя никаких мало-мальски вразумительных объяснений. Например, Черкасский совнархоз отклонил восемь изобретений в области сельского хозяйства, которые ему рекомендовал комитет. А когда в Черкассы прибыл представитель комитета, то совнархоз без спора признал, что семь из этих восьми отклонены без всяких оснований.

Следующий этап — предприятие, где смелая идея должна быть облечена в металл. Но и здесь путь творца не усыпан розами, и порой под разными предлогами его вежливо... выпроваживают.

Среди принятых изобретений многие сулят высокую экономическую эффективность. Об их внедрении вынесены решения высоких руководящих организаций, и все-таки из-за бюрократических проволочек эти новшества долгие годы не осваиваются промышленностью. В результате государство теряет миллиарды рублей.

Мы рассказываем сегодня о печальной судьбе трех изобретений, которые были в свое время рассмотрены, испытаны, одобрены и... заморожены.

Вл. ПАВЛОВ

Нужны ли такие «улучшения»!

Не случайно мы начинаем наш рассказ с землеройно-фрезерной машины «ЗФМ-3 000».

Трижды — в 1956, 1957 и в 1959 годах — «Огонек» выступал в защиту этого замечательного агрегата. Его опытный образец построен и испытан. Модель экспонируется на Выставке достижений народного хозяйства. А 13 мая прошлого года принято решение об организации промышленного выпуска.

Напомним, что авторы «ЗФМ-3 000» — инженеры института «Гидропроект» имени Жука М. Кривский, В. Соболев, И. Нехорошев, А. Сафронов и Ю. Иванов — предложили принципиально новое техническое решение идеи непрерывной разработки грунта: специальную фрезу с режущими зубцами. Вращаясь, она снимает грунтовую стружку и при помощи особых металлических лопаток сдвигает грунт в приемное устройство системы транспортеров.

Фреза дает машине огромные преимущества по сравнению с другими экскаваторами: она роет грунт непрерывно, и ей не приходится тратить время на различные непроизводительные операции: повороты, поднимание ковша, разгрузку. По сравнению с мощным одноковшовым экскаватором «ЭКГ-4», например, землеройно-фрезерная машина впятеро производительнее. Вес ее на шестьдесят пять тонн меньше.

Словом, технические достоинства машины теперь ни у кого не вызывают никаких сомнений...

И все-таки ее промышленный выпуск все еще не начат, и повсюду — на строительстве гидроузлов, каналов, железных дорог, на добыче полезных ископаемых, на вскрышных работах — везде, где новая машина могла бы с блеском показать свои великолепные качества, по-прежнему взлетают жирафьи шеи драглайнов и механических лопат.

Что же мешает промышленному освоению?

Скажем прямо: и раньше были и теперь есть у машины противники. Противники немногочисленные — их нетрудно перечислить. Это руководители Воронежского экскаваторного завода и начальник одного из управлений Государственного комитета по автоматизации и машиностроению тов. Гречин. (Недавно его перевели на другую работу.)

Именно они — каждый в меру своих сил и возможностей — всячески препятствовали внедрению новой машины. Раньше — в открытую, а теперь, когда это стало опасным,— иными, малоприметными, но не менее действенными методами.

Мы не будем перечислять всех битв и мелких стычек, происшедших во время этой борьбы, которая длится вот уже почти девять лет кряду. Не будем говорить, как завод отказывался от изготовления опытного образца машины, как этот образец был наконец выпущен с вопиющими отклонениями от чертежей; о бесконечной переписке; о совещаниях, решения которых не выполнялись.

Расскажем только о том подспудном сопротивлении, которое задерживало внедрение «ЗФМ-3 000» в самое последнее время.

Итак, без всякого энтузиазма, под большим нажимом, Воронежский экскаваторный завод имени Коминтерна в мае — июне 1960 года устранил конструктивные отклонения и неполадки, обнаруженные при первом опробовании машины на строительстве канала Днепр — Кривой Рог. Машину надо было ставить на государственные испытания.

Однако тов. Гречин, от которого зависело назначение государственной комиссии, не спешил. На письма авторов, на просьбы общественных организаций, на требования горняков и строителей, которые уже прослышали о землеройно-фрезерной машине и с нетерпением ожидали ее, у тов. Гречина был только один ответ — молчание.

А время без задержек летело к осени, к плохой погоде, которая, конечно, влияла на условия работы машины, а следовательно, и на успех испытаний.

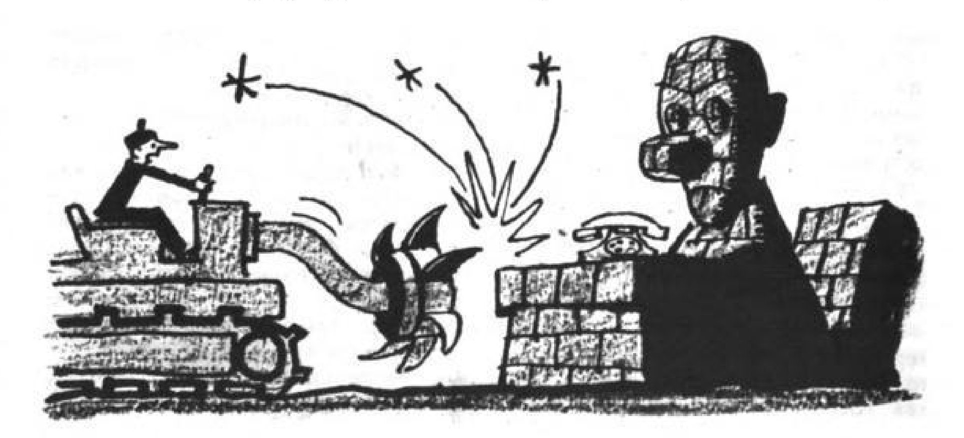
Наконец, по настоянию Московского совета ВОИР (Всесоюзного общества изобретателей и рационализаторов) в Комитете по автоматизации и машиностроению, у заместителя председателя этого комитета тов. Бородина, было созвано специальное совещание. Тов. Гречину задали простой вопрос: почему до сих пор не начаты государственные испытания? На вопрос не последовало вразумительного ответа.

После этого совещания ничего другого не оставалось, как назначить комиссию и в сентябре 1960 года начать наконец государственные испытания.

...Шел сильный дождь, когда «ЗФМ-3 000» направилась в забой. Под ногами хлюпала вода. Тяжелое тесто глины налипало на сапоги огромными комьями, ноги невозможно было сдвинуть с места.

— Не пойдет! — уверенно обронил кто-то из гостей. — Тут танк не пойдет, не то что эта штуковина... Сейчас обмотает глиной — и все!

И верно: казалось, фреза не сделает и десяти оборотов, как налипшая глина превратит ее в сплошную рыжую болванку. Но вот застучал дизель. Лязгнули гусеницы. Фреза мягко вошла в грунт. И сейчас же с транспортерной ленты, смачно шлепая, по-

шла на землю непрерывная густая струя...

Да, несмотря на самые тяжелые условия, которые не по плечу обычным экскаваторам, фреза вполне себя оправдала. И хотя в ходе испытаний машине пришлось несколько раз остановиться, государственная комиссия решила, что первый этап проверки машина прошла успешно, что она вполне работоспособна и после устранения некоторых дефектов, допущенных заводом, должен начаться второй этап приемочных испытаний.

В мае прошлого года было принято постановление об организации промышленного освоения новой машины. Придавая большое значение этому делу, решили выделить Воронежскому экскаваторному заводу немало дополнительных средств, отнесли его к числу важнейших предприятий, подлежащих реконструкции, позаботились об обеспечении его всем необходимым. Словом, льготы, средства и материалы посыпались на завод, как из рога изобилия.

Все это руководители завода приняли как должное. А то, что от них требовалось, решили выполнять по-своему...

Вместо того, чтобы устранить дефекты и неисправности машины, которые, как это указано в акте государственной комиссии, относятся в основном к упущениям воронежцев, заводские конструкторы начали фактически заново переделывать уже испытанную и почти отработанную конструкцию.

Мы не будем вдаваться в технические подробности этих переделок. Отметим лишь изменения в фрезе, за которую ведущий конструктор завода тов. Изаксон, несмотря на протесты и возражения авторов, взялся в первую голову.

Конструкция фрезы, которая с самого начала хорошо зарекомендовала себя, претерпела радикальные изменения. Они не только не улучшили, но усложнили и даже ухудшили конструкцию.

Каковы эти изменения, можно судить хотя бы по тому, что новую фрезу нельзя теперь перевозить на обычной железнодорожной платформе. Требуется уже специальное приспособление — тяжеловесный транспортер для перевозки негабаритных грузов. А такие транспортеры подаются лишь по особому разрешению Министерства путей сообщения.

Иными словами, строители, горняки и мелиораторы, для которых предназначена машина, лишаются важного ее достоинства: возможности быстрой переброски по железной дороге.

Совершенно ясно, что теперь машину фактически надо опробовать и «доводить» заново. Хотели того руководители завода или нет, а начало промышленного производства машины, которая теперь, кстати сказать, называется «ЗФМ-2», опять задерживается.

Разумеется, нет никаких сомнений, что в конце концов машина будет непременно освоена и что вскоре ее можно будет встретить на многих рудниках и стройках. Но кто ответит за ее потенциальный простой, за ту экономию, которую она уже могла бы дать, да так и не дала?

Из пустого в порожнее

Года четыре тому назад на одну подмосковную строительную площадку пришел человек с потертым дерматиновым чемоданчиком в руке.

Некоторое время гость стоял в сторонке, наблюдая, как бульдозеристы возятся у железной бочки, исполосованной черными потеками. Чертыхаясь и толкая один другого, они переливали горючее в ведра и тащили его к своим машинам, которые стояли тут же, попыхивая приторно-сладким дизельным дымком.

Летнее солнце горело в лужах и ручейках солярки.

Пришелец раскрыл чемодан, вытащил оттуда небольшую металлическую штуковину — ни дать ни взять пистолет с двумя тонкими резиновыми шлангами — и шагнул к бочке.

— А ну-ка, дайте я попробую!

— Стрелять, что ли, будете? — пошутил один из бульдозеристов.

— Стрелять не стрелять, но что-то вроде этого.

Гость стал на гусеницу ближайшего бульдозера, пристроил один из шлангов к воздухоочистителю двигателя, другой опустил в бочку. Потом сунул «ствол пистолета» в горловину бака и нажал «спусковой крючок».

Раздался короткий свист — и в баке зашумела струя.

— Готово! — через минуту сказал человек с чемоданом.

— Ну да?!

Бульдозерист, тот самый, что шутил, недоверчиво покосился на незнакомца и опустил в бак блестящий стальной стержень — замерить уровень.

— Ты смотри! — восхищенно закричал он. — Полный бак! Слушай, оставь ты нам эту снасть! А?

— Нельзя! У меня второй нету. Да ты не беспокойся, скоро в любом магазине купишь!

Но, к сожалению, «гость» — изобретатель Сергей Валериевич Черносвитов — ошибся.

«Пистолет», который носит официальное название «Устройство для переливания жидкостей», в продажу до сих пор не поступал, и его производство нигде еще не налажено...

Приходилось вам видеть, как заправляют трактор на полевом стане? Или автомобиль в пути? Или мощный трелевочный тягач где-нибудь в лесу? Или экскаватор в карьере?

Чаще всего это делается так: водитель или экскаваторщик засовывает в бочку конец небольшого резинового шланга, другой конец берет в рот, всасывает горючее и быстро подставляет под шланг ведро. Пока оно наполняется, водитель отплевывается от бензина или солярки. Затем через воронку переливает горючее в бак и повторяет все сначала.

Во время этой вредной для здоровья и пожароопасной процедуры двигатели тракторов, тягачей и дизельных автомобилей работают на холостых оборотах — бесполезно жгут солярку и растрачивают свой моторесурс. Много горючего расплескивается: по нормам — полпроцента, а на деле — значительно больше. И не только горючего. Молоко, химические продукты, вода, там, где ее приходится возить, — словом, все, что разливается мелкими порциями и в разных местах.

А сколько труда и времени тратится на бесконечные переливания, не сосчитать.

И вот все эти беды начисто устраняет «пистолет» Черносвитова!

...Перед нами объемистая папка с документами. Тут и акты, свидетельствующие об отличных результатах испытаний, и заключения многочисленных комиссий по этому же поводу, и восторженные отзывы о «пистолете», и свидетельство о том, что он занял первое место на конкурсе, и вырезки из газет.

Но больше всего писем...

Скажем прямо, невеселая это переписка!

Изготовление «пистолета» — дело нехитрое. Его можно выпускать в любых механических мастерских. Руководствуясь этим, Комитет по делам изобретений и открытий рекомендовал многим совнархозам и ведомствам принять «пистолет» к производству.

К сожалению, почти никто из них не пожелал взять на себя «лишние» хлопоты. Вот один из ответов изобретателю.

«Техническое управление рассмотрело Ваше предложение... И сообщает, что специализированных предприятий по производству вакуумных заправочных пистолетов, предназначенных для заправки бензином автомашин, дизельным топливом тракторов, в системе Мособлсовнархоза не имеется. Следовательно, организовать серийное производство заправочных пистолетов по Вашему предложению совнархоз не имеет возможности.

И. О. начальника техуправления — Н. Мямлин.

13 октября 1958 года».

Что можно сказать об этой отписке? Быть может, подписавший ее бывший заместитель начальника технического управления Мособлсовнархоза тов. Мямлин считал, что, кроме изобретения, тов. Черносвитов обязан представить ему еще и готовенькое предприятие, которое, только нажми кнопку, начнет выпускать «пистолеты».

Вот другой ответ — от 3 июля 1959 года. На сей раз отвечает заместитель министра автомобильного транспорта и шоссейных дорог РСФСР тов. С. И. Шупляков, которому, казалось бы, надо ухватиться за предложение Черносвитова обеими руками. А он тоже старается отписаться: «Заправка автомобилей топливом производится на заправочных пунктах автохозяйств и в колонках общего пользования», а «в настоящее время на предприятиях Министерства осваивается производство передвижных топливозаправочных колонок для оснащения временных и передвижных топливозаправочных пунктов. В связи с изложенным, Министерство не считает целесообразным осваивать производство указанных пистолетов».

Видимо, заместитель министра Сергей Иванович Шупляков не знал, что вольно или невольно сравнивает многотонную заправочную станцию, смонтированную на грузовой машине, с килограммовым приборчиком, который легко умещается в кармане. Иначе бы он призадумался, прежде чем подписывать такой документ.

За изготовление первой партии «пистолетов» Черносвитова взялся Ленинградский совнархоз, точнее, его Управление лесной и мебельной промышленности. Однако радость изобретателя и будущих потребителей «пистолетов» оказалась преждевременной. Великолукские центральные ремонтно-механические мастерские управления изготовили опытную партию с вопиющими отклонениями от предложения автора и от рабочих чертежей. К тому же они были выпущены некомплектными, в них не хватало многих совершенно необходимых деталей, не было даже инструкции о том, как обращаться с «пистолетом». И не удивительно, что он наотрез отказался работать.

С тех пор прошло более двух лет, а массовый выпуск новых приборов все еще не налажен. Попытки Центрального совета ВОИР, а также Комитета по делам изобретений помочь в продвижении «пистолетов» успеха не имели.

Если изобретатель «чужой»

Приспособление для равномерного высева семян изобрел куйбышевский инженер-конструктор П. И. Зайцев, работающий на заводе, который не имеет никакого отношения к сельскому хозяйству.

Приспособление это сулит значительную прибавку к урожаю зерновых культур. Оно позволяет намного улучшить условия, в которых прорастает зерно. Высаженные через строго определенные промежутки зерна не мешают друг другу расти, не отнимают у соседей влагу и питательные вещества. И каждое из них дает тяжелые, туго набитые колосья. Это значит, что посеять можно меньше, а урожай взять более высокий.

Комитет по делам изобретений и открытий 15 октября 1960 года направил описание этого ценного приспособления в Черкасский совнархоз, которому подчинено крупнейшее предприятие по производ-

ству посевных машин — кировоградский завод «Красная Звезда».

Сначала Черкасский совнархоз, не приводя никаких сколько-нибудь вразумительных доводов, попросту отказался от предложения П. Зайцева: мол, оно приведет к усложнению сеялки «при отсутствии необходимости его установки на сеялках».

Однако после того, как в Черкассы приехал представитель комитета, совнархоз признал несостоятельность своего довода. Был установлен срок экспериментальной проверки — II квартал 1961 года. Срок этот еще раз подтвердил в своем письме главный инженер Управления машиностроительной и химической промышленности Черкасского совнархоза тов. Мануйлов.

Казалось бы, после такого письма должен последовать, как того требует закон, вызов изобретателя на завод «Красная Звезда», чтобы при его участии выпустить экспериментальный образец. Однако в вызове П. Зайцеву отказали. После долгого молчания в начале сентября прошлого года из Черкасс пришло письмо, подписанное заместителем председателя совнархоза тов. Малык. Его содержание можно изложить в нескольких словах: «Делать не будем — и точка».

Такая же метаморфоза произошла и с заместителем начальника СКБ завода «Красная Звезда» тов. Одегналовым. Вначале он сообщил, что ведется разработка приспособления Зайцева. А в марте нынешнего года прислал на завод, где работает изобретатель, письмо, в котором утверждает: «Разработку, мол, этого приспособления никто нам не поручал, и мы ничего-де о нем не знали»...

Между тем куйбышевцы, хотя они и не имеют никакого отношения к сельскому хозяйству, все-таки изготовили опытный образец приспособления Зайцева. А ведь кому не ясно, что на специализированном заводе «Красная Звезда» под наблюдением и при участии опытных конструкторов это можно было бы проделать куда дешевле и быстрее!

И, кто знает, может быть, уже нынешней весной на поля вышли бы сеялки, позволившие увеличить урожайность.

* * *

Надо надеяться, что руководители совнархозов — Воронежского, Московского областного, Черкасского — примут меры, чтобы предложения изобретателей как можно быстрее были реализованы.

Но не следует ли более глубоко проверить, что мешает быстрому внедрению в жизнь изобретений? Ведь мы рассказали лишь о трех историях из многих им подобных. Еще и еще раз нужно напомнить всем, кто причастен к продвижению нового, кто несет ответственность за технический прогресс, слова Никиты Сергеевича Хрущева: «Надо выше поднять активность партийных организаций, комсомольцев, рабочих, инженеров, техников против косности и рутины, на борьбу за технический прогресс, за внедрение в производство достижений науки и техники, передовых методов труда, поддерживать новаторов, решительно бороться с теми, кто оказывает сопротивление новому».

Не терпит мертвых капиталов страна живых, великих дел!

Жизнь на воде

Олег ШМЕЛЕВ

Фото Н. КОЗЛОВСКОГО.

Витька нырнул с моста в улицу Кутузова и тихонечко поплыл в сторону улицы Гагарина. На углу Кутузовской и улицы Кошевого он остановился, увидев, что знакомая девчонка — Вера Левченко стоит в лодке с удочкой в руке, ловит рыбу.

— Тоже рыбачка! — презрительно сказал Витька.— Что ты в этой улице поймаешь? Ты греби на Пушкинскую, а то на Горького — там во какие караси ловятся!..

Потом Витька встретил на улице Пушкина деда Мартьяна в лодке и обрадовался. Все ребята знают этого деда и очень любят с ним поговорить. Все рыбаки знают байки Мартьяна, а их у него в запасе — как рыбы в Дунае: всегда что-нибудь найдется. Борода у деда густая, как камыш в дунайских плавнях. И фамилию он имеет подходящую — Топтыгин. Семьдесят один год Мартьяну, а с лодкой и сетями управляется — молодому под стать. На пенсии Мартьян, а колхоз все же не оставляет. Был с ним недавно такой случай.

Вышел Мартьян на Дунай в лодке пораньше, еще темно было. Кинул сеть на селедку, дрейфует по течению, а Дунай, между прочим, ходко течет, километров семь в час. Проплыл он вместе с опущенной сетью сколько надо — метров восемьсот — девятьсот,— стал сеть выбирать, и тут как ударит что-то по лодке, захрустело дерево. Глянул Мартьян — перед ним, рукой дотянуться, острый нос баржи-самоходки, якорь на короткой цепи из клюза свисает, как турецкая серьга. В один момент сообразил дед: если сейчас он упадет из расколотой лодки в воду и очутится под днищем баржи — конец ему, затянет к винтам, изрубит... На барже деда не увидели, потому что огней на лодке не было, а удар-то они, конечно, почувствовали. Переполошились: раз лодка, значит, в ней рыбак. С опозданием, но все-таки застопорили, включили фару, шарят по воде. Нет рыбака, горе случилось... И вдруг с носа крик: «Помогите вылезти, черти окаянные!» Кинулись к носу, видят: висит на лапах якоря бородатый дед, и никакого испуга нет у него в лице. Успел проворный Мартьян уцепиться за якорь, как раз вовремя успел! То-то ликовали матросы!..

...Дальше путь Витьки лежал туда, где идет ремонт сейнеров. Сын рыбака и сам будущий рыбак, Витька, понятно, интересуется всем, что имеет касательство к рыбе, сетям и судам.

На судоремонтной технической станции жарко — от солнца, от жужжания дрелей, стука молотков, запаха разогретой солярки, людской сердитой переклички. Кто-то кого-то ругает за нерасторопность, кто-то из капитанов недоволен: его сейнер должен был еще вчера принять на борт ремонтников, а до сих пор стоит, как сирота... Все спешат: скоро надо выходить в Черное море на кефаль и камбалу...

Плывем дальше. Недалеко от ремонтного затона Витька сделал еще одну передышку, понаблюдал, как набирает камбальные сети вторая бригада рыболовецкого колхоза имени Ленина. Тоже готовятся к выходу в море. Хотелось бы Витьке быть в числе двухсот двадцати членов этой бригады, и сесть в одну из ста шестидесяти шести ее лодок, и выйти в широкое Килийское гирло Дуная, и пойти к морю, и сыпать в море, на дно, крупноячеистые камбальные сети, а потом тянуть их, трепещущие, и радоваться улову... Это пока не для него, но он-то спокоен: захочет — станет рыбаком. А может, капитаном крылатой «Ракеты», которая на ходу оставляет за собой такой бурун, что мальчишеские сердца замирают от восторга. Во всяком случае, Витька не мыслит свое взрослое существование без воды, без Дуная...

Свернув в улицу Чехова, он увидел тетю Лену, художницу. Она специально приехала из Одессы, чтобы порисовать улицы и домики. Ему немного непонятно: человек в такую даль тащит с собой треногу, зонт, ящик с красками и кисточками, и все лишь для того, чтобы перенести на полотно вещи, которые он, Витька, видит перед собой каждый день и которые так для него привычны. Значит, красиво? Наверное, красиво...

А на углу улиц Пушкина и Горького Витька застал целое собрание: почтальон Дуся Смазнова вышла из лодки на берег улицы, ее обступили ребята, и она читает что-то из журнала с картинками...

Путешествие по городским улицам вплавь — не выдумка. Есть такой милый городок, в котором жители передвигаются не по асфальту, а по воде, где говорят не «уличное движение», а «уличное течение». Это Вилково.

В старом, издания 1903 года, энциклопедическом словаре про него писано так: «Вилков, посад на Дунае, Бессарабской губернии, Измаильского уезда, в 120 верстах от Измаила; жителей $2^1/_2$ тысячи, населен преимущественно старообрядцами, занимающимися рыболовством». Не совсем обычна история возникновения этого городка, насчитывающего теперь десять тысяч жителей и две тысячи лодок — с моторами и без моторов. В 1746 году пришли сюда с глубинной Руси беглые люди — старообрядцы, гонимые государственно признанной церковью, мятежные крепостные мужики, подпустившие красного петуха в помещичьей усадьбе и не пожелавшие стать колодниками. Здесь плавни, глухая сторона, не продраться сквозь камышовые крепи никакой царской погоне. Сильный народ ставил на дунайском берегу русский посад...

Вилково живет, как все советские города, большие и малые. Но то обстоятельство, что город расположен на воде, делает его жизнь неповторимо своеобразной. Прекрасные каналы Венеции несут в нашем сознании печать некоей декоративности. Вилковские же улицы-ерики — не туристские маршруты, а рабочие артерии.

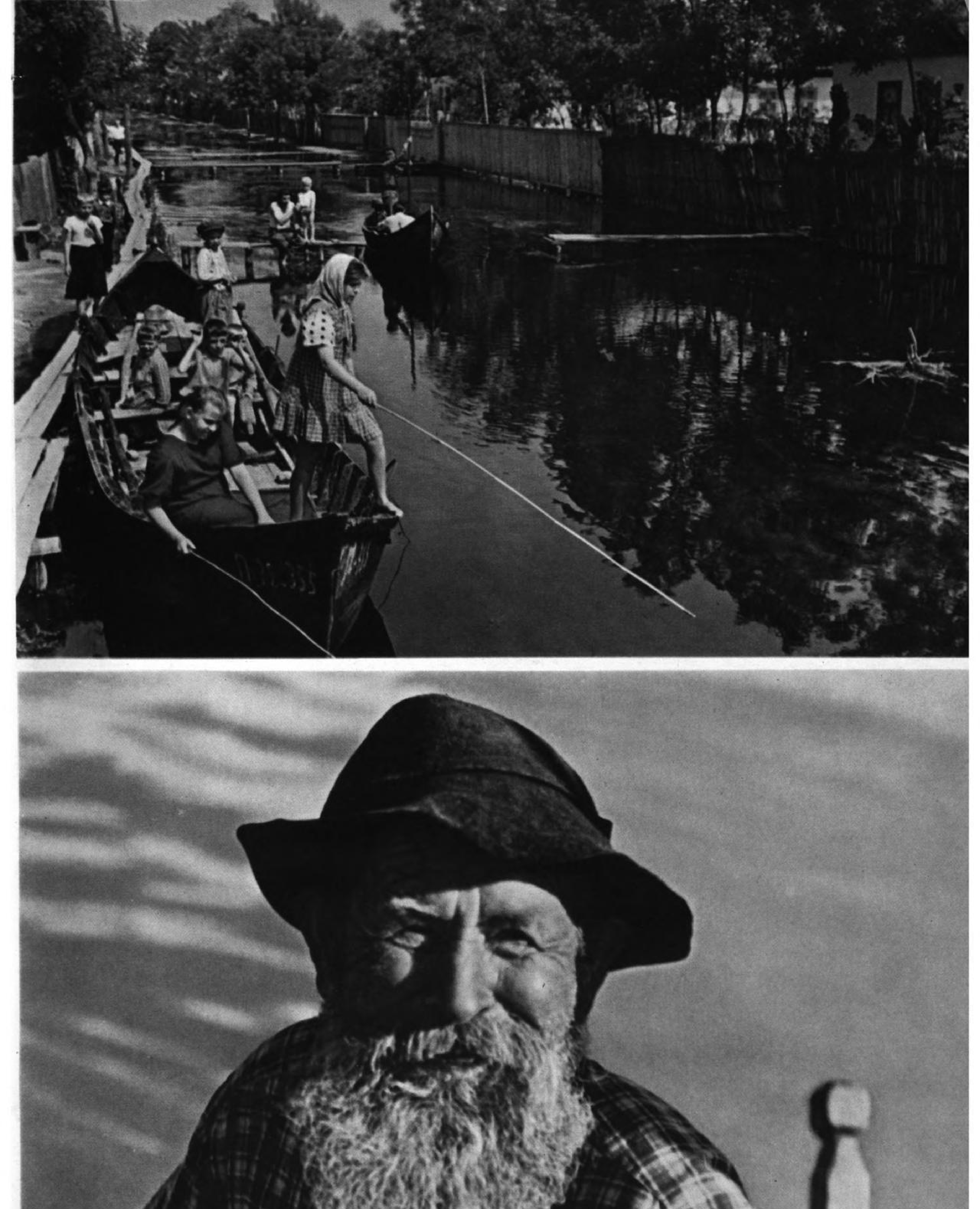
...Лодки вилковские, с высокими выгнутыми бортами, остроносые, черно-красные, похожи на тонко нарезанные арбузные скибки. Они остойчивы и очень мореходны. Вилковские жители и жительницы садятся в них не для того, чтобы покататься, как это делают обитатели «сухопутных» больших городов, а для того, чтобы работать, ехать на работу или с работы, в школу или в магазин, в кино или на базар.

Если человек купил радиоприемник, книжный или платяной шкаф, он не может доставить его домой никаким иным способом — только в лодке. Идея борьбы с шумом, выразившаяся в других городах в строгом правиле, запрещающем автомобилям и прочему транспорту подавать сигналы, в Вилкове породила запрет ездить под мотором в черте города. На Дунае — пожалуйста, гоняй мотор на всю катушку, а вошел в улицу — греби, или, как выражаются здесь, пихайся.

Грести здесь начинают едва ли не с трех лет от роду. Гребут одинаково хорошо женщины и мужчины, дети и старики. Вот где, подумалось нам, тренеры по гребле могли бы отыскать среди молодых парней и девчат отменных спортсменов, будущих чемпионов!

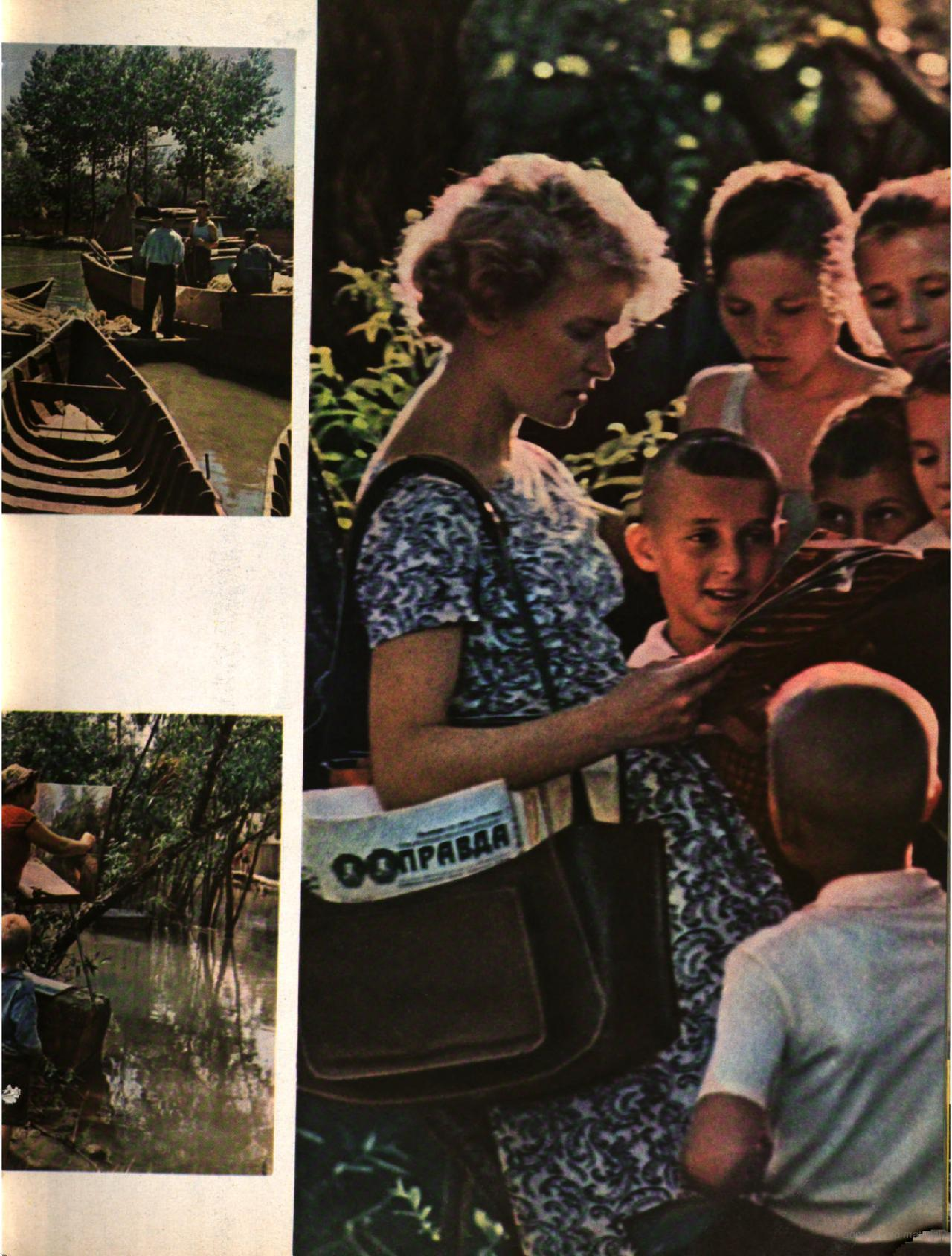
Когда наступает время большого хода рыбы, весь город переселяется в лодках на Дунай. Сазан, лещ, судак, знаменитая дунайская селедка и еще разная рыба чуть ли не пяти десятков сортов ловится в кормилице-реке. Город пахнет свежей рыбой.

Идут по Дунаю мимо корабли, груженные машинами и цементом, хлебом и ягодами, тесом и трубами. Басисто разносятся над водой гудки — рабочий Дунай приветствует рабочий, рыбацкий, дунайский городок Вилково...

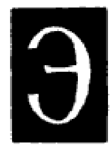

ПРАВДА

Баренцово море. Траулер вышел на промысел.

Фото Ю. Кривоносов

Женщин больше

тот факт установлен совершенно официально. Посмотрите результаты переписи 1959 года, и вы убедитесь сами. Действительно, их в стране больше. На 20 800 тысяч человек.

И тем не менее, я хочу это заявить сразу, чтобы потом не было никаких кривотолков: я не какой-нибудь там женоненавистник. Нет. Даже наоборот.

Впрочем, думаю, что это заявление было сделано в чисто теоретическом плане.

Однако перейдем к делу. В моей семье эти пропорции соблюдены. У нас четыре женщины: две бабушки, мама и маленькая Иринка. А мужчин только двое: мы с Мишкой.

Соседи и знакомые постоянно твердили:

— Вам хорошо. У вас две бабушки.

И мы соглашались:

— Нам хорошо.

Действительно, когда Мишка был маленький, бабушки в две смены читали ему сказки или рассказывали их своими словами. Водили Мишку гулять и меняли ему штаны. Играли с ним в игру «дедка за репку».

Но вот Мишка подрос и вдруг однажды, посмотрев по телевизору «Броненосец «Потемкин», заявил со всей категоричностью:

— Буду моряком!

Мишке купили лото «Морской бой». Но этого хватило ненадолго.

— Хочу сам сделать корабль,— сказал он.

Ни та, ни другая бабушка в жизни своей кораблей не делали, и никакой консультации и практической помощи с их стороны Мишке ждать было нечего. Я тоже с морем познакомился впервые в Сочи. Но по крайней мере я показал Мишке, как надо держать в руках нож, как строгать, как забивать гвозди.

— Вот пойдешь в школу,— говорил я сыну,— там вас научат строить корабли. И даже ремонтировать настоящие табуретки.

Мишка пошел в школу. В первом классе он спросил:

— А мы скоро будем строить корабль?

— Давайте, детки, порисуем,— ответила учительница.

Мишка добросовестно рисовал свои корабли.

— Сколько у корабля труб?— спросил он учительницу.

— Ты лучше нарисуй цветы. Или домик.

Во втором классе Мишка мыл в школе полы и поливал цветы. В третьем — кроил передник. Сейчас он учится в четвертом классе. На днях он попросил у меня пятьдесят копеек. Купил полотенце. И вечером сел вышивать крестом.

Бабушки были в восторге. Мать довольна. Сестренка попросила:

— Научи и меня.

Я не выдержал и пошел в школу. Я хотел поговорить с завучем. Ксения Павловна — умная женщина, она меня поймет. Я не против того, чтобы мой сын подметал комнату и мыл посуду. Я одобряю это. Но ведь последний год я от него не слышал ни слова о море, о кораблях. А это меня беспокоит.

Ксения Павловна, увы, не поняла меня:

А. СУКОНЦЕВ

Фельетон

— У вашего сына определенные склонности к вышиванию крестом. Его полотенце мы пошлем на районную выставку.

Директор школы Мария Сергеевна была занята, и поговорить с ней мне не удалось.

Тогда я решил пойти в райком комсомола. Комната, которую занимал школьный отдел, вся была забита детскими картинками, вышивками, какими-то подушечками, гобеленами, полотенцами, накидками. Я начал рассказывать о сыне, о кораблях и о полотенцах. Инструктор райкома перебила меня.

— Одну минуточку. На какую тему вышивка? Корабли? Морская тематика нас не устраивает. У нас есть один пароход. И достаточно. Мы ориентируем детей в их творчестве на мирные темы.

Дальше мой путь лег в районный отдел народного образования. На дверях заведующего я прочел вывеску «С. Ф. Наливайко» и решительно постучал. Но девушка в приемной объяснила:

— Серафимы Федоровны нет. Она в школе. Отбирает экспонаты на выставку детского творчества.

Я представил себе комнату с гобеленами в райкоме комсомола и молча ретировался.

Вечером я писал обстоятельное письмо в редакцию детского журнала. Я излил всю изболевшуюся отцовскую душу. Ответ из редакции был написан главным редактором. И в нем говорилось: «Уважаемый товарищ! Мы внимательно ознакомились с вашим письмом. Если вы хотите получить подробную консультацию по вопросам воспитания вашего трудновоспитуемого ребенка (почему трудновоспитуемого?), мы советуем обратиться к опытным педагогам, ученым, работающим в этой области. Главный редактор М. Белова».

— Ну что же,— сказал я,— спасибо за добрый совет. Пойду в педагогический институт. Авось, ученые мне и ответят наконец на мой вопрос: почему моего сына не учат в школе строгать, пилить, забивать гвозди, строить теплоход, самолет, космический корабль?

К слову сказать, одна очень милая женщина в гороно пожала плечами:

— В чем, собственно, вопрос? Пусть мальчик запишется во Дворец пионеров.

В том-то и вопрос, что во Дворец пионеров нужно ездить на электричке и автобусе, а мальчику нет еще и одиннадцати. Кроме того, сейчас у меня накопились и другие, не менее важные, чем корабль, дела. Бог с ним, с кораблем. Мальчишки подрались на принципиальной почве, а учительница... поставила обоим тройки по поведению. И все. У ребят что ни день — идеи: самим собрать автомобиль, запустить ракету, построить пароход и спустить его на воду — в пруд. И на все это Анна Владимировна, Ксения Павловна и пионервожатая Майя им отвечают:

— Занимайтесь лучше вышивкой. Ну, на худой конец — выпиливанием. Так и быть, выжиганием по дереву!

В педагогическом институте — академическая тишина. Кафедр и кабинетов много. Вера Леонардовна направила меня к Кире Степановне, а та порекомендовала встретиться с Вероникой Львовной. Вероника Львовна считала, что я получу наиболее квалифицированную консультацию только у Сюзанны Алексеевны.

Наконец, я встретил там пожилого мужчину с пышными академическими усами.

— Можно, товарищ ученый,— спросил я,— потолковать с вами? Как мужчина с мужчиной.

— Это пожалуйста,— согласился он,— с нашим удовольствием.

На самой середине моего рассказа усатый академик вдруг поднялся.

— Прощения просим,— сказал он,— мне пора. Анну Тихоновну, директоршу, надо на выставку везти. Полотенчики ребячьи глядеть поедем. А я здесь водителем служу, стало быть. Заходите в другой раз. Обязательно потолкуем. Как мужчина с мужчиной.

Меня могут упрекнуть: ну, зачем же так сгущены краски? Каюсь, сгущены. Но сделано это опять-таки не оттого, что автор не питает нежных чувств к женщинам вообще. Питает. И вообще и в частности. Вообще — ко всей славной и умной когорте наших учительниц, в частности — к учительницам моего сына. И к работницам просвещения, с которыми автору приходилось сталкиваться. Ну, может быть, за самым малым исключением. Они очень хорошие, просто замечательные люди. И тем не менее я очень хочу, чтобы мой сын построил корабль. Или хотя бы починил табуретку. Он же мужчина, черт возьми! Извините, товарищи женщины!

Павел ГЕРАГА,
народный артист РСФСР

Фото А. Гладштейна.

Не успевает один приезжий театр отыграть свои спектакли на столичной сцене, а уж на смену является другой! Гастроли, гастроли... Никогда еще, пожалуй, не было такого широкого, удивительно щедрого обмена культурными ценностями между «центром» и «периферией», как в это поистине необыкновенное лето. Афиши пестрят названиями новых пьес, новых спектаклей. Перед зрителями открывается возможность выбора самого неограниченного. И, сказать по правде, редко кто из них начинает сетовать, посмотрев спектакль, показанный ранее незнакомыми, а теперь полюбившимися артистами.

В самом центре Москвы, на улице Горького, расположился на время гастролей Куйбышевский драматический театр имени Горького. В его репертуаре и советская пьеса и классика. Делает честь коллективу, что он, нося имя великого Горького, показывает спектакли, достойные этого имени. «Егор Булычов» своеобразно поставлен режиссером А. Грипичем и решен артистом А. Демичем; он очень ярок, содержателен в заглавной роли. «Дело Артамоновых» сохраняет — и в инсценировке и в постановочном решении — мудрую, вдумчивую горьковскую интонацию.

Смотришь на героев такого спектакля и словно узнаешь их всех. Это не просто похожие, удавшиеся иллюстрации к роману, не застывшие картинки прошлого. Собранный, замкнутый, поначалу весь насторожившийся, а потом жадно рвущий, хватающий свой кусок в жизни Петр — Н. Засухин просто великолепен. Хороши и красивая волжанка с грудным распевным голосом Ульяна — Назарова и ухватистый делец, старший Артамонов — Пономарев... Спектакль доносит до зрителя чувства и мысли людей, живущих тяжелой, неправедной жизнью.

Нельзя не порадоваться и еще одной крупной творческой удаче Куйбышевского театра, какой является постановка шекспировского «Ричарда III». На сцене опять-таки видишь прежде всего Ричарда — Засухина, как бы вобравшего в себя всю духовную ущербность, цинизм, вероломство «героя».

Правда, артист, по-моему, с несколько излишней настойчивостью подчеркивает физическое уродство Ричарда. Представ перед леди Анной, злой горбун с первого же мгновения словно слишком уж бахвалится своими телесными недостатками. И в такой чрезмерно настойчивой трактовке именно

Н. Засухин играет Ричарда III.

ГАСТРОЛИ,

Саратовский театр имени К. Маркса. Сцена из спектакля «Чайки над морем» Е. Бондаревой.

Ташкентский русский драматический театр. Гамлет — артист В. Рецептер.

Сцена из спектакля «Над Днепром» А. Корнейчука в Харьковском театре имени Шевченко.

Куйбышевский театр. Петр Артамонов в исполнении артиста Н. Засухина.

этих оттенков роли порой вдруг возникает ощущение некой патологии. Но все равно Ричард Н. Засухина, похожий на коршуна — весь нахохленный, мрачный, — интересен и необычен. Образ, созданный актером, рождает желание думать и вспоминать о нем, иногда — спорить с ним.

Великолепно решают актер и режиссер финальную сцену. Корона уже упала с головы ослабевшего Ричарда — конец неминуем... Но не может с этим смириться венценосный интриган, убийца, завистник. Из последних сил, ползком старается он добраться до короны и, не дотянувшись, умирает... Сильный режиссерский и актерский состав в Куйбышеве!

Саратовский драматический театр имени Карла Маркса привез в Москву много спектаклей. Большим успехом пользуется у жителей столицы еще один шекспировский интересно поставленный спектакль — «Антоний и Клеопатра».

Решая, что смотреть из двух пьес Е. Бондаревой — «Чайки над морем» или «Беспокойное сердце», я выбрал последнюю. Она рассказывает о том, что мне всегда близко, — о современной жизни села. Радостной была для меня встреча с талантливой актрисой В. Соболевой, выступившей в роли доярки Анны Семеновны Меньшовой. Это заглавная роль. В ней — душа спектакля, его основная мысль о гордости и силе советского человека... При всей своей хмурой немногословности Г. Келлер, играющий директора совхоза, на долю которого выпали тяжелые неурядицы, обида и несправедливость, показывает человеческую стойкость, веру. И все же пьеса о борьбе и поражениях, о многом жизненно важном удалась, к сожалению, далеко не во всем.

Некоторый налет прямолинейности и досадной жанровой пестроты лежит на спектакле Ивановского драматического театра, показавшего постановку пьесы «Жила на свете женщина» З. Аграненко. Коллектив привез работу, где порой огорчает пестрота во внешнем облике спектакля, в тряпочках, вышивках, якобы непременных атрибутах жизни ткачих. Зато здесь по большому счету привлекают благородство и чистота характеров. Сильное впечатление оставляют Галина — В. Краснослободская и Надежда — Т. Горбунова — потомственные ткачихи. Их образы в спектакле решены без всякого нажима, очень светло. Галина В. Краснослободской вспоминает о прошлом, о днях войны, когда она молоденькой девчонкой начинала свой путь в санитарном поезде. Что ж, у нее и сейчас и тогда вроде не очень-то много было счастья, но поэзия самого характера постепенно захватывает вас. Не только ивановским ткачихам станет мила и близка героиня актрисы В. Краснослободской.

На сцене Харьковского театра имени Шевченко — обычные, писанные декорации и самая достоверная реалистическая бутафория. Куда уж дальше: на сцене ветряная мельница, деревянная телега, настоящие мешки...

Идет пьеса «Лымеривна» Панаса Мирного. Постановка бесхитростная, простодушная, от которой пахнуло стариной — не какой-то обветшалой и заплесневелой, а по-своему даже поэтической и без всяких потуг на новаторство. После неудобных выгородок, увиденных на сцене ивановцев, изображавших то жилую комнату, то заводскую обстановку, то санитарный вагон, мне понравилось традиционное сценическое изображение Украины, наверное, потому, что оно очень искренне и душевно отвечало замыслу пьесы. Героиней спектакля становится, может быть, даже несколько неожиданно, мать Наталки, старая Лымеривна. Ее мучает судьба красавицы дочери, которую приходится насильно выдавать за нелюбимого. И видно, что живет в ней затаенная надежда: авось, богатство-то будет дороже, слаще, прочнее, чем преходящая молодая любовь...

Вся эта история могла бы оставить людей вовсе равнодушными, — в ней нет неожиданностей, действие развивается ровно, и финал угадывается даже теми, кто совсем не знает пьесы Панаса Мирного. Но подлинность, искренность чувства, которым радуют многие актеры, особенно Лымеривна (Л. Криницкая) и Наталка (С. Чибисова), а также зловещий Кнур (Г. Козаченко), бестолковый, но искренне любящий Наталку Карп (Б. Мироненко), делают этот спектакль интересным для зрителя. Несколько разочаровывает только герой всей драмы, Василь, сыгранный Б. Ставицким. Он хорош собой, настоящий «парубок» — черные брови, карие очи, словно рисованные усики над пухлым ртом, лихо заломленная шапка и из-под нее кудрявый чуб. А вместе с тем скудная внутренняя жизнь, весь текст проговаривается на одной, слащаво-однообразной ноте... Вот уж такая условность в изображении души человека хуже всего; порою она тянет вниз весь спектакль.

...В ином театре посмотришь какую-нибудь одну постановку и вот уже, кажется, представляешь себе возможности коллектива, его творческую силу, его активность. А в другом увлечешься и принимаешься смотреть спектакль за спектаклем, радуясь тому, как же безгранично богата талантами наша театральная страна!

Ивановский театр драмы. «Жила на свете женщина»: Галина — В. Краснослободская, Надежда — Т. Горбунова.

ГАСТРОЛИ...

Возвращ

Борис ПОЛЕВОЙ

В один из тех студеных и ясных дней, в какие леса одеваются мохнатым, сверкающим инеем, на московском аэродроме приземлился воздушный лайнер, прилетевший из Сибири. Пассажиры долго выходили по двум трапам из его брюха, казавшегося бездонным. Это были разные люди — командированные, отпускники, летевшие на юг догонять лето, возвращавшиеся в Москву туристы. Была среди них молодая мать с ребятишками, один из которых сидел у нее на руках, а другой шел, держась за ее юбку. Военный вел под руку совсем ветхонькую старушку. Какой-то человек артистической внешности в велюровой шляпе и галстуке бабочкой, которого друзья в Старосибирском порту ввели в самолет, по определению бортпроводницы, «в полужидком состоянии», сходил с трапа, с трудом переставляя как бы негнущиеся ноги.

Самолет вылетел в шесть утра, пробыл в воздухе семь часов, и вот сейчас, когда часы в Москве показывали всего семь тридцать и солнце еще только выкатывалось из-за белеющего от инея перелеска, рейс по одной из самых длинных авиатрасс мира был уже завершен. Вероятно, поэтому пассажиры и вели себя, будто выходили из пригородного поезда. Старушка, ахая, выговаривала сыну-офицеру за то, что он забыл выключить свет в уборной, молодой отец, встретивший жену и ребятишек, совал им конфеты «Мишка косолапый». Двое военных в ожидании, когда подвезут чемоданы, побежали за свежими газетами, а человек с бантиком, многозначительно подняв палец, произнес «Эрго!» и той же поступью каменного гостя стал подниматься в ресторан.

Только один пассажир, вступив на бетонные плиты столичного аэродрома, не мог скрыть волнения. Он остановился возле алюминиевых поручней трапа и, рассеянно держась за один из них, жадно осматривал все вокруг: ряды советских и иностранных самолетов, выстроившихся вдоль бетонных дорожек, маленькие, похожие на сосиски электропоезда, подвозившие пассажиров на посадку, знакомое, но будто бы уменьшившееся в размерах здание аэровокзала, которое уже явно не могло вобрать в себя всех прилетающих и отлетающих, и даже кромку заиндевелого леска, розовевшую там за оградой.

— Что с вами, товарищ? — спросила одна из проводниц, сходившая с трапа с походным чемоданчиком.— Может быть, вам худо?

Странный пассажир — высокий, плечистый, бородатый человек в офицерской шинели и папахе, но без погон и знаков различия — посмотрел на нее голубыми глазами, улыбнулся так, что в русых зарослях сверкнули два ряда белых зубов.

— Нет, мне хорошо. Мне очень хорошо, девушка! — И, по-военному козырнув ей, направился в аэровокзал, неся пузатый, перепоясанный ремнями портфель, составлявший, как видно, весь его багаж.

Странное, противоречивое чувство испытывал Павел Васильевич Дюжев тут, на московской земле, где он рос, учился, вступил в комсомол, потом в партию, сделал первые шаги в свою профессию. Он радовался — снова дома — и волновался, не зная, как этот дом его встретит. Тянуло скорее позвонить друзьям, знакомым. Томила неизвестность, как они примут не прежнего Павлуху-весельчака, певуна, везучего человека, смелыми большими шагами входившего когда-то в гидротехнику, получившего в первые же годы работы несколько авторских свидетельств, женившегося на самой красивой и умной девушке своей компании, а его сегодняшнего, побывавшего «там», неизвестно где пропадавшего столько лет, бородатого, усталого, еще только-только нащупывающего дорогу, возвращающую в жизнь.

И еще беспокоил его намек, сделанный Вячеславом Ананьевичем Петиным, когда он зашел к нему проститься перед отъездом. Смотря куда-то сквозь Дюжева, пожимая ему руку и самым доброжелательным тоном желая ему доброго пути, тот, едва заметно улыбаясь, предостерег:

— Там не далекая периферия, где Литвинов — царь и бог. У Москвы хорошая память. Однажды скомпрометированный проект может встретить весьма влиятельных и сильных противников. Советую приготовиться ко всему.

Что означал этот намек? Неужели после всего, что произошло, этот человек будет его преследовать? Во имя чего? Зачем? Ведь никто же не знает, что эти проклятые данные, может быть, по ошибке, может быть, по инерции времени, несправедливые показания искалечили жизнь военному инженеру Дюжеву. И кому надо об этом вспоминать? Сама система, при которой могли происходить такие вещи, разоблачена, сурово раскритикована. Выросли новые поколения талантливых гидротехников, которые ничего не слышали о трагическом происшествии, случившемся когда-то на одной из крупнейших рек страны. Кому выгодно это вспоминать? Но как-то, даже против воли, снова и снова приходили слова старого Савватея: кто кого обидит, тот того и ненавидит.

Одетые инеем подмосковные леса, широкое шоссе, огромные деревянные грибы — белые, подосиновики, подберезовики,— стоящие на заиндевевших опушках и указывающие осенью москвичам, где какие водятся грибы, и этот новый, невиданный Дюжевым пригород, возникший сразу, без окраин, у откоса какого-то ручья,— все эти незнакомые ему, старому москвичу, улицы, огромные дома, витрины магазинов и даже самые вывески «Кинолюбитель», «Изотопы», «Пчелы»,— вся эта новая, незнакомая Москва так захватила Дюжева, что он жалел, что автобус идет слишком быстро. Но и старой Москвы он не узнал: за незнакомым мостом проплыл тоже незнакомый спортивный комплекс. Только колокольни и купола Новодевичьего монастыря подсказали, что он только что видел знаменитые Лужники. Но Большая Пироговская осталась прежней. Великий хирург сидел в кресле в той же стремительно задумчивой позе, будто вопрошая будущее поколение медиков: «Ну-с, молодые люди, а вы что полезного откроете?» Автобус несся так же быстро, но теперь Дюжеву казалось, что мотор еле-еле тянет, и за забором перед хирургической клиникой он даже успел разглядеть скамью, на которой он в студеный январский вечер ожидал, пока Ольга делала свою первую операцию.

Ольга... Да, Ольга и сейчас, может быть, где-то в одной из этих клиник. Сойти, позвонить вон в ту дверь и... Дюжев закрыл глаза, отвернулся от окна, стал смотреть в затылок старушке, которая, привалившись к сыну, опасливо оглядывалась вокруг, вцепившись сухонькими ручками в старенький кожаный ридикюль.

Гостиница «Москва» тоже не изменилась. Телеграмма Толькидляваса была получена, номер забронирован, и дежурный администратор, молодой человек, похожий в темном своем костюме на лорда из какой-то кинокартины, вручая ключ, поинтересовался:

— Ну, как там у вас, в Дивноярске? Неужели скоро перекроете Онь? — И улыбнулся.— Следим, следим. Как же? Оньстрой у всех на виду.— И добавил доверительно: — Номеров у нас нет,— сплошь конференции, но для Оньстроя...

В научно-исследовательском институте, куда Дюжев явился в полдень, марка великого строительства сработала также безотказно. Здесь о прилете инженера Дюжева тоже знали. Было приказано привести его прямо к директору, и тут, в большом, облицованном дубовыми панелями кабинете, где каждый карандашик, каждая резинка на огромном письменном столе знали свое место, Дюжев встретил первого человека из своего прошлого. Директор был его однокашник по институту. Дюжев помнил его неторопливым, рассудительным и усердным парнем. Звезд он с неба, как говорится, не хватал, но был неизменно дисциплинированным, внимательным, славился своим старанием и с курса на курс переходил с хорошими оценками. Он располнел, облысел, в голосе зазвучали властные нотки, но из юности он, должно быть, принес и в этот кабинет свою добропорядочность, ровный ритм жизни.

— Здравствуйте, Павел Васильевич,— произнес он несколько в нос, усаживая посетителя в обитое кожей кресло.— Рад вас видеть. Товарищ Литвинов уже звонил, из министерства тоже есть разрешение. Рады будем оказаться вам полезными.

— Когда я могу начать работу? — спросил Дюжев.

— Ну, на той неделе.

— А если завтра?

Отрывок из романа «На диком бреге», публикуемого журналом «Знамя».

ение Дюжева

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

Директор наклонился через стол и заговорил тише:

— Вы все такой же торопыга? Я знаком с вашей идеей, знаю ее историю, трагическую, можно сказать, историю... Наших современных отношений она не касается. Но позвольте мне, как старому товарищу, спросить: вы все взвесили? После того, что произошло, вы очень рискуете. Стоит ли именно с этого проекта начинать ваше, ну ваше... возвращение к инженерной деятельности!

— Вы мне поможете? Завтра я могу начать? Или, может быть, вы трусите?

Директор посмотрел на собеседника с обидой, но вызова не принял.

— У вас в Сибири такие масштабы, вы на миллионы считаете. Мы институт с мировым именем, но... считаем на рубли. И эти рубли мы не имеем права разбазаривать на неясные эксперименты... Поймите меня...

Дюжев вскочил.

— Вы коммунист?

— Что за вопрос? Я вообще не понимаю...

— За решения пленума о техническом прогрессе, о смелом экспериментировании, о необходимости в нужных случаях идти на технический риск вы голосовали? Может быть, вы возражали или записали особое мнение?

— Товарищ Дюжев, я не привык, когда в моем кабинете...

— Привыкайте. Такое время. Нынче нельзя вилять: да или нет, за или против... Время воздержавшихся прошло...

Воцарилось молчание. Хозяин и посетитель сидели друг против друга, тяжело дыша. Смотрели друг другу в глаза. Потом директор начал неуверенно улыбаться и, все еще смотря в лицо собеседнику, произнес:

— А ты все такой же, Павел Дюжев. И характер...

— Рад бы перемениться, да вот не могу. Не могу — и все.

— Где это тебя Литвинов откопал?.. Получаем проект, подпись «Дюжев», инициалы «Пе Ве...» Он! Знал, что тебя реабилитировали, партбилет, стаж вернули. Это знал. И вот тот же проект. Пойми, я не о себе сейчас, честное слово, не о себе. О тебе думаю. После такого... таких переживаний... А где ты все это время был?

— Не суть важно. Суть — проект. Смогу я тут у тебя промоделировать, попробовать? Людей дашь? Или начнем бумажную войну? Я могу, я ко всему готов.

Директор рассмеялся.

— Вояка! Ладно. Всем, чем положено, обеспечим. Оньстрою, как ты знаешь, вообще не отказывают. Но войны тебе не избежать. Дружески предупреждаю: и не со мной. У твоего проекта сильные противники, опытные, рукастые, и не только здесь, но и у вас. Но, повторяю, это дело не мое. Я обещаю тебе позитивный нейтралитет.

— На манер Швейцарии? Спасибо. Противников уже чую.— Дюжев устало улыбнулся.— Есть у нас там один чалдон, мудрейший старец. Так он вот мне на прощание говорил: «Бойся коня сзади, козла — спереди, человека — со всех сторон». Но если бы мы, техники, за свои идеи кулаками не дрались, разве бы спутник полетел, разве бы человек в космос шагнул? И еще этот старый чалдон говорил: «На смелого собаки брешут, а робкого рвут». Помнишь, как мы тебя в институте звали? Испуганный ортодокс.

— Помню, спасибо,— обидчиво сказал директор.— Вижу: не только достоинства, но и недостатки у тебя без изменений.

— А нас, поволжских кержаков, так зато и звали: дубовые лбы.

Простились оба настороженные, и уже на лестнице Дюжев жалел, что обидел человека, явно не желавшего ему ничего дурного. Но вопреки ожиданиям в институте дело пошло. В помощники ему дали молодых, не очень опытных, но зато деятельных, ищущих инженеров, искренне заинтересовавшихся проектом. Дюжев просиживал с ними все дни и вечера, и его мечты о Художественном, о Большом, о концертах Александровского ансамбля, который он обожал еще с фронтовых времен, все время отодвигались на второй план. И ничего, кроме «Баллады о солдате», не успел он повидать, а на «Балладе» так расчувствовался, что в конце не мог удержать слезы и еще в темноте, когда на экране шли последние кадры, стал выбираться из зала, цепляясь за ноги соседей и вызывая свирепое шипение. «Нет, нервы еще не те». Окончательно поставив крест на программе развлечений, Дюжев с еще большим фанатизмом ушел в работу. Его детищу предстояло выдержать не только напор ледяных полей, но и, что труднее, ту тайную борьбу, которая уже велась против его замысла.

Устав до боли в висках, Дюжев пешком отправлялся к себе в гостиницу. Шел каждый раз новым маршрутом, наслаждаясь созерцанием перемен, происшедших в столице. Останавливался возле новых тополей и новых виадуков, смотрел на новые здания, наблюдал поток машин. Уже много лет не имел он своей квартиры и вообще был равнодушен к жилью, а тут, в Москве, радовался, будто все эти дома были его дома, а новая удобная мебель, которой москвичи обставляли квартиры,— его мебель.

Еле волоча ноги, завершал он этот свой вечерний путь. С аппетитом ел в закусочной на углу, запасался на утро кефиром, несколькими слоеными пирожками и поднимался к себе на восьмой этаж, чувствуя во всем теле приятную ломоту. То, чего опасались его друзья, чего втайне боялся и он сам, не наступало. Он даже нарочно останавливался у витрин винных магазинов, читал пестрые этикетки, смотрел на мерцание жидкостей, освещенных электричеством: нет, беспредметное беспокойство, это тоскливое, щемящее чувство, которое вдруг сковывало волю, убивало мысль, разум, заставляло делать то, что нельзя, не приходило. И он радовался, как радовался когда-то в первые дни, освобожденный из заключения.

Раз в неделю от Надточиева приходила одна и та же телеграмма: «Как дела?» Друзья волновались, и он с удовлетворением выводил на телеграфном бланке стандартный ответ: «Все в порядке». И все-таки втайне он опасался этого, может быть, и не совсем побежденного, а только до поры притаившегося внутреннего врага. Поэтому Дюжев избегал встреч со старыми друзьями, с бывшей женой. Сколько раз, вернувшись из похода по залитой огнями Москве, он, очутившись в номере, присаживался к телефону, доставал затрепанную адресную книжечку, находил тот или иной номер, вызывал городской коммутатор и... осторожно клал трубку. «Нет, не сегодня. Сегодня я очень устал. Позвоню завтра с утра». Приходило завтра и послезавтра. Назначались и откладывались все новые и новые сроки.

Но вот однажды, возвращаясь домой и дожидаясь на переходе зеленый свет, он увидел рядом знакомый профиль: жирный лоб, длинный нос, сочные красные губы, выпуклый подбородок, очки.

— Женька! — крикнул он, забыв о всех своих опасениях, узнав в этом элегантно одетом, пожилом мужчине, сидевшем за рулем голубой «Волги», своего друга инженер-майора, одного из своих бывших подчиненных.— Ну, да, конечно же, это он! — В следующее мгновение голова повернулась, брови поднялись над очками, и, казалось, сами очки — толстые стекла без оправы, державшиеся на золотых дужках,— удивленно сверкнули. Но машинам открыли путь, голубая «Волга» тронулась и сейчас же затерялась в густом потоке движущихся огней.

Горькая обида полоснула Дюжева по сердцу: ну вот, началось. Так хорошо все утряслось в институте, ребята в группе замечательные. Двое из четырех — и оба талантливые — уже просятся в Дивноярск участвовать в работах и вот... И опять пришла на ум одна из бесконечных пословиц Савватея: «После меда полынь сама себя горше». Но тут же возникла спасительная догадка: чертов ты псих, а борода, а усищи? Ну кто же тебя узнает, этакого мельника из оперы «Русалка»? И, успокоенный, он, не поднимаясь к себе на восьмой этаж, подошел к конторке знакомого дежурного, взял телефон и сразу же набрал нужный номер. Ну, конечно же, это он, лысый чертяка! Его чуть грассирующие: «Вас с'ушают».

— Женька, это же я, Павел Дюжев! Я тебя сегодня видел на роскошной «Волге» цвета а ля черт побери.

Одно очень короткое мгновение в трубке слышалось дыхание, потом тот же голос, глотая буквы, произнес:

— Па'астите, па'астите, това'ищ, с кем я гово'ю?.. Дюжев? Г-м!

— Да какое тут «гм». Дюжев, Павел Дюжев... Помнишь, в Молдавии на виноградниках в борозде носом землю пахали под бомбежкой? Пока «лаптежники» наш мост утюжили?

— Ах, вот как!...—И опять: — Зд'авствуйте, инженер-полковник. Рад вас с'лышать.— В трубке звучало громко, но голос доносился будто издалека, даже не из Дивноярска, а откуда-нибудь из Сан-Франциско или из Оттавы.

— Вспомнили наконец, и на том спасибо,— весь холодея, сказал Дюжев, наблюдая, как молодой человек, похожий на английского аристократа из кинокартины, опустив глаза, нервно перебирает на столе какие-то счета.

— Что же, вас выпустили дос'очно, това'ищ Дюжев?

— Реабилитировали, восстановили в партии, вернули стаж... Простите, думал, по старой дружбе встретимся, но чувствую, вы занятый человек, не хочу отнимать время.

— Да-а, да, вы п'авы. Я сейчас очень, очень занят.— Голос в трубке сразу оживился.— В обычное время я бы, конечно, с удовольствием, но сейчас... Вп'очем, позвоните по этому телефону через недельку-две. П'ошу вас.

— Не позвоню,— сказал Дюжев, опуская трубку, и зло посмотрел на нее.— У, гад!

Дюжев не сел в лифт и стал подниматься по лестнице. Шел с трудом, будто на спине была «коза», груженная кирпичом. С помощью такой «козы» он, студент, зарабатывал когда-то на новый костюм, таская кирпичи по лесам первых столичных новостроек. В номер он вошел с твердой решимостью позвонить еще двум друзьям. Сначала он заставил себя позвонить Львову, веселому молодому москвичу, которого он когда-то вытащил из строительного батальона в свой мостовой отряд.

— Кто спрашивает Вадима Юльевича? — послышался в трубке мелодичный, приветливый голосок.

— Павел Васильевич Дюжев. Скажите, инженер-полковник Дюжев, он знает.

— Сейчас.— В трубке послышалось тихое: «Дюжев какой-то. Говорит, ты знаешь». Что ответил мужской голос, разобраться было трудно, но женский, кажется, возразил: «Неудобно, Вадик, он все-таки полковник». Потом тот же голосок смущенно пролепетал в трубку:— Товарищ Дюжев, ведь так, кажется, вот жалость, Вадим Юльевич только что был здесь, и вот я не знала, оказывается, вышел. Пошел за папиросами. Вы, может быть, позвоните ему завтра на работу? Я дам номер.

— Я не позвоню ему на работу,— с трудом сдерживая бешенство, сказал сквозь зубы Дюжев.— Скажите ему сейчас же, громко скажите, что был когда-то под моей командой неплохой парень — техник-лейтенант Вадим Львов, б ы л, понимаете, б ы л...

И Дюжев вырвал из книжки страничку адресов на литеру «Л», скомкал, бросил в корзину, потом за ней туда же полетела и вся книжка. Прерывисто дыша, он прошел в ванную и, наклонившись к крану, долго, жадно пил воду. Вернулся в номер, достал из корзины книжечку с адресами, накопленными за много лет, нашел еще один номер: «Ну, звонок Казакову, чтоб было трое. Будет то же, изорву все к чертовой матери». И опять ему ответил женский голос, только на этот раз дребезжащий, старческий:

— Вам кого?

— Товарища Казакова,— стараясь говорить твердо, произнес Дюжев с просительной, даже лебезящей ноткой.— Вы уж скажите ему, мамаша, что звонит бывший его командир, инженер-полковник.— Краснея от стыда, Дюжев не решился произнести свою фамилию.— Скажите, мол, прилетел ненадолго, хочет по старой памяти по телефону, только по телефону, перемолвиться.

— Скажу, сейчас скажу. Ленечка, к тебе тут товарищ звонит, инженер, не то полковник, я что-то не разобрала. Командовал тобой, говорит, прилетел и хочет...

Фраза не была окончена. В трубку ворвался энергичный, звонкий тенорок:

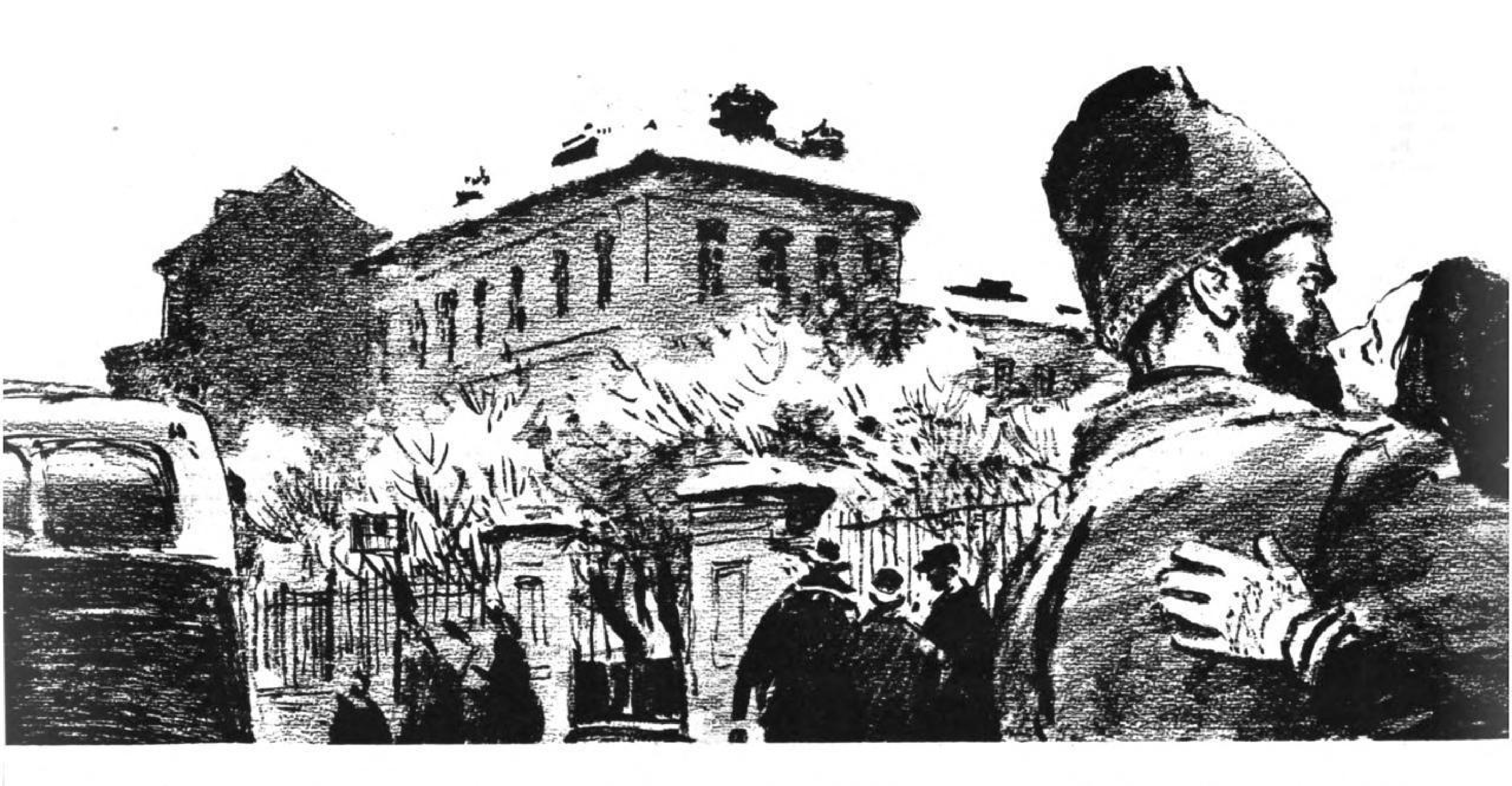
— Павел Васильевич? Вы? Какими судьбами?.. С проектом? Вот новость-то! Милый, да где же вы? В Москве? Да здесь же семь миллионов, где вас отыщешь? А, гостиница «Москва», это же рядом, я на углу Художественного проезда и Горького. Я мигом у вас буду...

Дюжев еще сидел в кресле, вытянув ноги, закрыв глаза, из трубки, лежащей у него на коленях, слышались ровные гудки, когда два звука, раздавшиеся почти одновременно, вывели его из состояния оцепенелости: сердитые, крякающие гудки телефона и нетерпеливый стук в дверь. И вот перед ним возник толстый человек в распахнутой шубе, в бобровой боярской шапке, сбитой на затылок. Лишь по дребезжащему тенорку, раздавшемуся в следующее мгновение, узнал он в этом полном, солидном человеке хорошенького техника-лейтенанта, которому в свое время приходилось немало «всыпать» за нарушения дисциплины самого разнообразного свойства. В распахе шубы золотел лауреатский значок.

— Ого! — сказал Дюжев, не чуждый, как всякий военный, почтения к знакам отличия.— За что?

— Тут некий московский мосток. Да не я один, с большой хорошей компанией. Да вы о себе, о себе рассказывайте.

Потом, спохватившись, Казаков сбросил на диван шубу, шапку, кашне, и когда шуба падала, она как-то странно грохнула о диванную спинку. Хлопнув ладонью по лбу, гость вынул из кармана бутылку коньяку, лимон. Принес из ванной стаканы, ладонью вышиб пробку, нарезал лимон. Все это быстро, не переставая болтать. Протянув Дюжеву стакан, он с пафосом воскликнул:

— «И за учителей своих заздравный кубок поднимает»!.. За вас, дорогой Павел Васильевич! — И застыл со стаканом в руках, удивленно глядя на Дюжева.

— Не пью. Нельзя, болен.

— Язва?

— Язва,— подтвердил Дюжев.

— Ну, так я выпью за то, чтобы она, как там говорят, зарубцевалась, что ли.— И, чокнувшись с бутылкой, плеснул содержимое стакана в рот.— Ну а что же вы после войны делали?

Дюжев усмехнулся.

— Разное. Лес валил. Баней заведовал. Мосты строил... Хорошие, между прочим, мосты, только за проволокой строил, как у нас урки говорили: «Я тебя вижу, а ты меня нет».— И захотелось, неудержимо захотелось рассказать этому шумному человеку то, о чем он не любил говорить даже старому однополчанину Иннокентию Седых, приютившему его после тюрьмы у себя в колхозе. И он рассказал свою историю от того самого момента, когда данная случайно или злонамеренно клеветническая консультация Петина скомкала его биографию, и до сегодняшнего дня, до его мечтаний и замыслов. Казаков слушал молча, будто чай, потягивая коньячок, и выразительные глаза его гневались, горевали, грустили, восхищались. Вдруг как-то очень просто он спросил:

— А где Ольга Игнатьевна?.. Я ведь ее помню. Сколько раз с фронта письма ей возил... Красивая у вас жена...

— Была,— отозвался Дюжев. Но Казаков не расслышал или не понял.

— Наверное, и сейчас такая. Ведь и сын у вас, Олег, кажется. Тогда, бывало, все выспрашивал про разные конструкции — дотошный мальчуган.

— Наверное, уж студент.

— Как, вы точно не знаете? — поразился Казаков. Поразился так искренне, что Дюжеву, который весь напрягся, будто тронули открытую рану, даже обидеться было не на что.

— Нет у меня семьи,— глухо сказал он.

— Как так нет? — удивился Казаков, поняв,

что в слепом оптимизме своем дотронулся до незажившей раны.

— Ольга замуж вышла. Олега он усыновил. Нет Олега Дюжева, есть Олег с какой-то другой фамилией. Понимаешь, Казаков, какие дела, и все не по-худому. В тяжкие времена осталась она одна. Как в анкете отвечать: муж сидит по 58-й, пункт такой-то — вредительство... За доброго, мужественного человека вышла, за старого большевика... Обиды у меня нет.

Казаков как-то весь завял, заторопился, подобрал свою шубу, шапку, кашне и, не одеваясь, с расстроенным лицом ушел, взяв с Дюжева слово, что тот обязательно к нему зайдет, попробует знаменитые мировые блины, секретом которых монопольно владеет его теща. Дюжев проводил гостя до подъезда и, поднявшись к себе, сразу же отыскал в книжечке телефон Ольги Игнатьевны. Ответил незнакомый мужской голос, спросил: «Как о вас передать?»

— Скажите... друг юности.

Теперь, после кавалерийского налета Казакова, он действовал спокойно. Мужской голос пояснил, что Ольга Игнатьевна в клинике, дал телефон. Теперь Дюжев уже назвал свою фамилию и через малое время услышал звучный гортанный, такой знакомый голос:

— Павел, неужели это ты?

— Я, Ольга, я.

На том конце телефонного провода явно волновались. Слышалось прерывистое, хрипловатое дыхание. Дюжев, сцепив зубы, комкал рукой бороду.

— Как это ты сразу... вдруг... Не писал, а вообще мы слышали, ты реабилитирован, снова в партии. И уже давно. И ни строчки, ни звонка... Почему?

— Как говорят в Сибири, мертвые с погоста не возвращаются, Оля,— глухо добавил,— и не мешают жить живым.

— Павел,— тихо ответила женщина, по-видимому, прикрыв ладонью трубку.— Павел, я говорю из ординаторской. Я не одна. Надо что-то сделать... Я не знаю. Боже ты мой, надо ж увидеться наконец.

— Надо? — вопросительно произнес Дюжев.— Где?

— Я не знаю. Ну, если хочешь, в той, нашей столовке? А? Я ведь не знаю, какой ты теперь. Но столовка и сейчас вполне...

— Я тот же, но учти, я теперь привязываю себе бороду и усы, чтобы не пугать некоторых своих малодушных знакомых,— пошутил он и услышал сердитое:

— Не смей так говорить, Павел!

Кончив разговор, Дюжев разгладил помятую книжку с адресами, достал из корзины страничку на литеру «Л», расправил, вложил на место. Неоконченная бутылка коньяку, которую Казаков забыл закупорить, и ломтики лимона издавали приятный запах. Дюжев хотел было вынести ее, но, усмехнувшись, оставил на прежнем месте и стал собираться. Времени до встречи с Ольгой Игнатьевной оставалось немного.

Свидание они назначили на Большой Пироговской, где студенты-медики в дни получения стипендии угощали своих подружек мороженым и клюквенным морсом, весьма популярным в те дни напитком. Дюжев приехал первым, занял столик у окна. Сквозь стекло он видел, как Ольга прошла — высокая, прямая, решительная. Она поразила своей неизменностью. Вот уже, оставив пальто в гардеробной, она, близоруко щурясь, взволнованно, нетерпеливо осматривала зал. Ее взгляд равнодушно скользнул по его лицу. Движения стали нетерпеливей. Закусив губу, она посмотрела на часы, дернула плечом и, только когда Дюжев встал, бросилась к нему. Инстинктивно они протянули друг другу руки, но в какое-то последнее мгновение остановились. Вместо объятия получилось двойное рукопожатие.

— Павел! — только и сказала она. Потом взгляд ее поднялся на его лицо, дрожащие губы через силу улыбнулись.— Борода! Действительно борода. Боже мой, какая бородища! А я думала там, у телефона, что это глупая, злая шутка... Фу, как она тебя старит! Зачем ты отрастил это безобразие?

— Вид воина должен внушать ужас супостату, как говорил товарищ Александр Невский. А он понимал в этом толк.

— А ты все воюешь?

— Воюю...

Они спросили пирожное и клюквенный морс. Официантка с удивлением посмотрела на эту немолодую пару, но заказ приняла. Морс водился здесь и сейчас. Он показался им даже вкусным. Прихлебывая из стаканов, они говорили друг другу какую-то чепуху. Но слова, в сущности, ничего не значили, говорили взгляды. Они рассказывали куда красноречивее, и, странное дело, выяснилось, что ничего, в сущности, не изменилось. Что эти два человека любят друг друга, но что эта встреча ничего им не может дать, что по-прежнему жить им врозь и что лучше всего даже не видеться, ибо то, что произошло не по их вине, уже не поправишь, и любые попытки что-то изменить все сразу усложнят, нанесут травму другим хорошим людям и, ничего не дав, только вызовут новую боль.

Нет, это лишь издали Ольга казалась прежней. Она постарела даже больше, чем положено для ее, в сущности, не таких уже больших лет. И так как она не прибегала к косметике, резкие морщины пересекали поперек высокий лоб, лучики разбегались от карих умных глаз, брали в скобки волевой, энергичный рот. А в черных волосах, по-прежнему гладко зачесанных и разделенных пробором, сверкала седина. О себе она рассказывала спокойно, будто передавала сюжет какого-то фильма... Да, когда все это на нее обрушилось, все мелкое, пошлое, что теснилось вокруг их широко открытого, гостеприимного дома, сразу отхлынуло. Но полного вакуума не образовалось. Место отшатнувшихся заняли другие, на которых раньше не обращалось внимания. Было нелегко, был тяжкий разговор на партийном бюро. Именно когда она шла с этого бюро, смятенная и потерянная, Владимир вдруг сделал ей предложение. Они работали вместе, она была ординатором его клиники. Они всегда были друзьями. Но только в этот день он, немолодой вдовец, потерявший в блокадные дни Ленинграда всю семью, сказал, что любит ее. Она попросила подождать. Она хлопотала о судьбе Дюжева, и Владимир помогал писать заявления в разные адреса. Старый большевик, он верил в людей, верил в невиновность Дюжева. Не зная его лично, многим рискуя, он боролся за него. Но надежд не было, не было писем. Только одна эта записочка без обратного адреса, со штемпелем заполярного города, вынесенная какой-то доброй душой за проволоку и брошенная в почтовый ящик... Через год Ольга приняла предложение. Владимир усыновил Олега. Вот, в сущности, и все.

— А Олег?

— Он учится тут у нас, на Пироговке. Второкурсник. Решил стать хирургом, пойти по пути отца.

— Отца?

Ольга густо покраснела. Слезы заволокли ее глаза, усталые и все еще прекрасные.

— Прости, я так привыкла...

— Я понимаю... Кое-что самое главное мне было о вас известно, потому и не поехал сюда. Счастливые концы таких историй теперь не показывают даже в кино.

— Зачем ты так? — Глубокий, гортанный голос, который так любили слушать студенты, совсем не годился для того, чтобы что-нибудь скрывать.

— Я колебался, звонить ли. К чему ворошить прошлое. Что это даст?

Она сосредоточенно молчала. И тонкие пальцы, изъеденные на кончиках дезинфекцией, крошили сухое пирожное и выкладывали из них на стекле столика какой-то сложный узор. Пауза затянулась. Осторожно разрушив рукой этот узор из крошек, точно бы поглощавший все ее внимание, Дюжев спросил:

— У тебя нет фотографии Олега?

— Нет. Но я тебя познакомлю с ним.— Посмотрела на часы.— У них через полчаса перерыв. Пойдем.

— Хорошо. Пойдем.

Они вышли из столовой и двинулись по направлению к Новодевичьему монастырю, мимо старомодных клиник, видневшихся из-за деревьев. Они шли рука об руку, высокие, прямые, статные. Шли и вспоминали дни, когда Ольга нарочно медленно водила здесь Павла, чтобы похвастаться перед подружками «своим баумановцем». Далекая уже юность шагала вместе с ними.

— А ты ведь сначала увлекался Зойкой? Я страшно ревновала. А потом вмешался твой отец — дядя Вася.

— Ну как же. Я однажды привел Зойку к нам, в дворницкую, пусть отец глянет на профессорскую дочку. Он потчевал нас чаем, и я видел: усмехается. А потом, когда я ее проводил, отец сидел хмурый. Ну как, спрашиваю, понравилась? «Ничего,— говорит,— востренькая. Только что это ты, Павел, род Дюжевых на мышей переводить замыслил?» И пояснил: «Это, мол, в смысле комплекции...» Ну, а потом ты. Ты ему сразу понравилась.

— Послушался отцова совета: большая, здоровая...

— ...И умная и красивая.

— А ты в Сивцевом Вражке у себя не был, где дворницкая-то ваша?

— Нет. И дома того, наверное, нету. Да и зачем старый хлам ворошить? В Москве сейчас есть что посмотреть. Хожу из института пешком разными маршрутами и все дивлюсь!

— Нет, я бы сходила... А помнишь, Павел, как я пришла к вам и полы вымыла? — Ольга засмеялась, и от этого лицо ее сразу помолодело и даже морщины на нем будто разгладились.— Я ведь знала, что Зойка у вас провалилась. Она все возмущалась, фыркала: «Дворник, дворник и есть!». А я как-то пришла без тебя, вымыла полы, протерла стекла, дядя Вася усадил меня пить этот его липовый чай. Помнишь? У вас только из липового цвета и пили.

— Ну как же! Самый наипервейший напи-

ток. Настоящий-то чай кержакам вера запрещала, а отец в уставе был твердый.

Иногда им навстречу попадались студенты, в одиночку и стайками возвращавшиеся с лекции. Здороваясь с Ольгой Игнатьевной, они с любопытством разглядывали ее спутника. Так дошли до хирургической клиники. Остановились. Юность сразу оставила их, а о сегодняшнем говорить было нечего.

— Нет, я не пойду к Олегу,— решительно сказал Дюжев.

— Отдумал? Ну что ж, может, и правильно,— как-то очень быстро согласилась она, и в ее голосе послышался Дюжеву отзвук радости. Посмотрела на часы.— Я сегодня практикантов собираю... Нет, нет, не беспокойся, время еще есть. Мы можем...

— Прощай, Ольга.— Дюжев тянул ей руку.

— Неужели так и разойдемся? — спросила она.

И они обнялись, поцеловались. Лица у них были печальные, слезы стояли в глазах.

— Ну, всего вам хорошего,— сказал Дюжев, отворачиваясь.— И просьба: пришли фотографию Олежка.

— Пришлю... Ах, если бы ты знал, как он на тебя похож! Ну, до свиданья.

— Прощай, Ольга,— твердо повторил Дюжев и пошел, пошел, не оглядываясь, решительным шагом, высокий, прямой человек в старой офицерской шинели, каких давно уже не носили, и в папахе, увеличившей и без того немалый его рост. Вернувшись в комнату, он, не раздеваясь, не зажигая света, сел на кровать. Бутылка коньяку высвечивалась в полумраке отблеском уличных фонарей. Остро пахло лимоном. Сколько просидел так Дюжев, он потом не мог вспомнить. Но вдруг встал, шагнул к столу и вылил в кружку остатки коньяку...

Через три дня коридорная доложила дежурному администратору, что жилец из 818-го исчез. Тот сообщил в ближайшее отделение милиции, сказал, что вышел ночью сильно под хмельком и с тех пор не возвращается. Инженер Казаков, узнавший о том же, принялся сам обзванивать ближайшие отделения милиции, институт Склифосовского, столичные морги. Директор института, где работал Дюжев, уведомил Литвинова об исчезновении командированного и получил просьбу шума пока не поднимать.

И действительно, на четвертый день в институт позвонили из милиции и сообщили, что сегодня ночью в старом доме по Сивцеву Вражку в подворотне, куда выходили окошки дворницкой, в состоянии тяжелого опьянения подобран человек в военном без знаков различия. Паспорта при нем не оказалось, но, согласно институтскому пропуску, это некий Дюжев, Павел Васильевич, каковым он себя и называет. Сопротивления не оказал. Доставлен в районный вытрезвитель, где находится и сейчас.

— Если ваш, забирайте,— закончил официальный милицейский голос и уже неофициально добавил: — Кажется, неплохой парень. Мы протокола решили не составлять.

В гостинице администратор, похожий на лорда, сочувственно, даже понимающе посмотрел на матовое, отечное лицо и мутные глаза номера 818-го. Вздохнув и ничего не сказав, протянул три телеграммы. Дюжев равнодушно взял их. Дрожащей рукой разорвал бумажные пояски. «Немедленно возвращайся. Начоньстроя Литвинов»,— гласила одна. «Не задерживайся, не останавливайся нигде. Привет. Партком Капанадзе»,— гласила другая. Третья была подлиннее: «Павел, ждем нетерпением. Много новостей. Есть хорошие. Торопись. Крепко жмем руку. Сакко. Дина».

Эту последнюю Дюжев некоторое мгновение держал в руках. Потом скомкал все три и сунул в карман. Почему-то опять миновав лифт, он стал подниматься по лестнице. Шел, придерживаясь рукой за перила, тяжело дышал, останавливался на каждой площадке. Опять казалось ему, что он студент, прирабатывает к стипендии, таская на «козе» кирпичи. Только сегодня, казалось ему, лег на «козу» тот самый лишний кирпич, от которого, по уверению старых каменщиков, «может что-то лопнуть внутрях».

Константин ВАНШЕНКИН

Неблизкие концы

ПЧЕЛА

Пчела с пыльцою тянет из лощины
В настойчивом стремлении своем,
С гуденьем перегруженной машины,
Берущей трудный длительный подъем.

Скупы ее движенья и упрямы,
Она поет надсадно на лету,
Как самолет, проваливаясь в ямы,
И снова набирая высоту.

Едва луга с росой расстались ранней,
Ты за ее работой последи.
А впереди плоды ее стараний,
И сотни километров впереди.

Она с крупицей будущего меда
Свершает ежечасный этот путь
И рушится, бессильная, у входа,
Чтоб хоть одну минуту отдохнуть.

И вновь летит вдоль речки и овражка:
У них, у пчел, неблизкие концы.
И просто ей, и сладко ей, и тяжко
Тащить комочек крохотный пыльцы.

НОЧНАЯ СТЕПЬ

Мне все там было незнакомо:
И что кругом ни огонька
И жирный запах чернозема,
Во тьме текущий, как река.

Не нарушаемая ветром
Стояла в мире тишина.
Казалось небо даже светлым,—
Так там земля была черна!

ПОЗДНЕЙ ОСЕНЬЮ

Покуда дни стояли грустные
И были вы удручены,
В полях за речкою капустные
Сформировались кочаны.

И вот уже перед крылечками
Гудят машины. И вокруг
Уже капусту рубят сечками,
Несется дружный дробный стук.

Себя почувствовав мальчишкою,
Капусту белую рублю.
Побаловаться кочерыжкою
Я между прочим норовлю.

Я увлечен работой ловкою,
Как всяким делом на земле.
Для вкуса сдобрена морковкою,
Горой капуста на столе.

Руками рубится умелыми,
Ну, а некрупные вилки
Кладутся в кадку прямо целыми,
Поскольку так невелики.

Расстались рощи с позолотою.
Морозец легкий — и вода,
Уже смирившись, ждет с охотою
Под утро тоненького льда.

Да зеленеет щетка озими,
Да жизнь твердит тебе: живи!
И щедрость поздней этой осени,
Как проявление любви.

ДЫНИ

Душною ночью синей,
Сладким по горло сыт,
Мальчик в обнимку с дыней
В поезде южном спит.

Слышу колес напевы,
Мир темнотою сжат.
Дыни, как королевы,
Свергнутые лежат.

О золотые дыни!
Мы их не бережем.
Рушатся их твердыни,
Падают под ножом.

Режем мы их ломтями,
Медленно их жуем,
В стол упершись локтями,
Думаем о своем.

Мчимся ночной дорогой,
С нею наедине,
Думая о далекой
Северной стороне.

А на бахчах без края
В бледных лучах луны
Дыни лежат, мерцая,—
Желтые валуны.

* * *

Прямо в наше окно
Тянет ветер с газона.
Поздний вечер — и ты
Улыбаешься сонно.

На тебя в тишине
Оглушающе-звонко
Сон обрушился вдруг,
Как порой на ребенка.

Непослушной рукой
Ты подушку взбиваешь.
Что-то хочешь сказать,
Но тотчас забываешь.

Что-то хочешь спросить,
Но, объятая ленью,
Видишь смутно меня
Где-то там, в отдаленьи.

Улыбаешься мне
Из последних усилий.
Закрываешь глаза —
Будто свет погасили.

СКОРОСТЬ СВЕТА

О резкий, как молния, свет!
Известно и школьнику это:
Стремительней скорости нет,
Чем скорость слепящая света.

Та скорость — единственный мост
В космической черной пустыне,
И крик умирающих звезд,
И зов тех, что здравствуют ныне.

Но в нашем лесу, посмотри,
Колеблются блики неброско,
И светится вся изнутри
В сиянии влажном березка.

Подлесок лучами прогрет,
И в мягкой траве у кювета
Замедленно движется свет,—
Куда там до скорости света!

Е. Скитальцев (Калининград) ФИОРДЫ.

Я. Ромас (Москва) С УЛОВОМ.

М. Мечев (Петрозаводск) У МОРЯ.

П. Баранов (Москва) НА РЕЧНЫХ ПРОСТОРАХ. (Линогравюра).

Литературное обозрение

В июньских журналах

Тридцать лет спустя... Так, очевидно, можно начинать романы в духе Дюма, но отнюдь не месячное обозрение. И все же оно напрашивается, это начало. Ибо очень приметным явлением прошедшего июня было опубликование в «Знамени» окончания первой книги романа Леонида Соболева «Капитальный ремонт».

Идея «Капитального ремонта» — идея необходимости и неизбежности революции в России. Она должна была предстать в романе в полноте своего осуществления. Сама революция, ее нарастание, размах, ее разрушительная и созидательная сила должны были стать предметом непосредственного изображения. По этой линии и пошла доработка романа.

Но для этого Леониду Соболеву потребовалось сойти с корабля, побывать у Нарвской заставы, посетить рабочую семью, рассказать о социал-демократической организации, о людях, чьей жизненной профессией была революция. Так произошло перемещение центра повествования — на первый план выступили большевики Кудрин и Тишенинов, где-то вдали показались Скворцов и Вера, появилось живое ощущение деятельности Петербургского комитета, руководившего и «пятеркой» на «Генералиссимусе». А за всем этим возвышается величественная фигура кормчего революции — Ленина. Он и в недовольстве матросов, и в раздумьях Николая Ливитина о будущем России, и в рассказе об исторических судьбах Финляндии, и в помыслах и действиях большевиков. Во всем его воля, его гений как разум масс, творящих историю. Автор вводит текст ленинских статей в повествование. И что интересно: это не звучит цитатой. Трудно различить, где начинаются и оканчиваются слова Ленина. Они органическая, составная часть **действия** романа и раздумий героев. Вместе с Тишениновым Ленин подымается на корабль, вскоре он взойдет на капитанский мостик и станет у штурвала...

Леонид Соболев описывает события 1914 года, когда мир втягивался в первую мировую войну. И чувство тревоги, перекликающейся с тревогой наших дней, невольно вторглось в его роман.

Тревогой за судьбы мира окрашены многие произведения нашей литературы. Эта тревога бьется в лирике, учащает пульс поэмы, направляет беспокойное течение романа, воскрешает в памяти мемуариста печаль минувших дней, заставляет вновь и вновь брать уроки истории.

История повторяется: первый раз она выступает как трагедия, второй — как фарс. Это давно было сказано. Но, очевидно, не об истории войн. Здесь история неизменно повторяется как трагедия со все возрастающим числом «действующих лиц», гибнущих на протяжении всех пяти актов. Трагедия войны как трагедия героя, солдата, полководца перерастала в трагедию народов, городов, стран, а на наших глазах она становится трагедией человечества, трагедией мира. И боль писателя перед лицом надвигающейся войны впервые становится поистине «мировой скорбью», она сливается со скорбью мира, с болью человечества, находя отклик в сердцах миллионов. Вот почему так неотразимо действует на душу читателя правдивый рассказ о гибели республиканской Испании, о падении Франции, о том, как мир втягивался во вторую мировую войну. Вот почему эти рассказы дышат живой современностью.

Илья Эренбург в последних страницах своих мемуаров («Новый мир»), рассказывая о времени и о себе, вновь воскрешает перед нами дела минувших дней, у которых нет прошлого. Испания. Париж. Москва. 22 июня 1941 года. Я не читал в последнее время ничего более волнующего.

Личность писателя, его симпатии безраздельно отданы народу, героически защищавшему свое право на счастье, право на жизнь. И со страниц записок Эренбурга веет дыханием суровых лет. Ожили люди. И какие люди! Писатель не искал их — они были везде. И это прежде всего те, кто пришел воевать, когда война была уже явно проиграна. «Вряд ли они рассчитывали на победу, но не хотели или не могли стоять в стороне». Это народная война. Она запечатлена в каждом солдате, которым стал каждый гражданин революционной Испании. И это дало право великому поэту Испании Антонио Мачадо сказать: «Для стратегов, политиков, историков все будет ясно: войну мы проиграли. А по-человечески не знаю... Может быть, выиграли...».

Столь же строг и «спокоен» писатель и в повествовании о дальнейших событиях. И тем явственнее проступает в его рассказе «добро и зло», тем яснее дают знать о себе симпатии автора и его ненависть. Одна циничная фраза фашистского летчика о дымящихся женщинах и детях, приведенная Эренбургом, передает всю кровавую историю фашизма, в ней и Бабий Яр и Освенцим. Сюда ничего добавить нельзя.

Писатель много говорит об искусстве. Он создал неповторимые портреты Антонио Мачадо, Альбера Марке, Аветика Исаакяна, сказал проникновенные слова о человечности великого искусства, которое не может не бороться с фашизмом, даже будучи самым мирным и самым безоружным.

Записки Эренбурга оканчиваются словами о 22 июня 1941 года:

«Это был самый длинный день в году, и он длился очень долго — почти четыре года, день больших испытаний, большого мужества, большой беды, когда советский народ показал свою духовную силу».

Так определена тема дальнейшего повествования. Нам незачем говорить, как насущно необходим простой, правдивый рассказ об этих годах, об этих людях.

Новелла Василия Гроссмана «Дорога», стоящая в журнале рядом с мемуарами Эренбурга, вновь ведет читателя бесконечными дорогами войны, дорогами ужасов, страдания, смерти. Она трогательна, эта история мула Джу с Апеннинского полуострова. Он, выбиваясь из сил, тянул тяжелую кладь по асфальтированной Европе, каменистой Африке, заснеженной России. Он страдал, бедный маленький Джу, от палящего зноя, леденящего холода, от побоев, разрывов снарядов, он страдал от длинной — без конца и края — дороги. Ни ласки, ни тепла, ни участия. Он шел на восток, затем, после «пленения», запряженный вместе с вологодской лошаденкой, повернул на запад и опять что-то тянул «в сплошняке мирового равнодушия». Но вот он, маленький Джу, обрел тепло. «Он доверчиво посмотрел в глаза колхозной лошаденки, и его дыхание смешалось с ее теплым, добрым дыханием». И он «обрусел», маленький Джу с Апеннинского полуострова. Было с кем плакать. И они плакали.

Может быть, мула Джу упрекнут в недостаточной сознательности — как он не понял, что участвовал в разгроме фашизма! Кто знает — не поставят ли на вид и вологодской лошаденке ее слезы, а заодно и потерю бдительности в отношении к военнопленному? Кто знает? Но не будем придирчивыми к маленькому Джу. Ведь он только и мог сказать на своем несложном языке, что дорога войны — бесконечная дорога страданий. И добавить: в России его поняла и согрела своим добрым дыханием вологодская колхозная лошаденка. А это так много, гораздо больше, чем порой могут сказать люди.

У меня к Джу нет никаких претензий. Что касается автора, то пусть он при переиздании вычеркнет «телегу» из своего рассказа: зимой лошадей впрягают в сани, но это мелочь.

Тревога за судьбы людей продиктовала и Лидии Обуховой ее маленькую повесть «Та, которая под цвет травы» («Звезда»), где автор пытается воспроизвести первое столкновение варварства и цивилизации, грабежа и созидания, мира и войны, любви и неуемной страсти к захвату плодов чужого труда.

Повесть написана в несвойственной автору «Занозы» манере. Уходя в далекое-далекое прошлое, Обухова не могла полностью отрешиться от себя и погрузиться в неведомый мир с его детской наивностью, первичными представлениями о природе, с едва загоравшимися искорками сознания. И едва ли писательницу ожидает большая удача на вновь избранном поприще: здесь многое отдает стилизацией. Но интересна сама попытка рассказать о человеке, который «не выкопал ни одного водоема, не сложил ни одной стены, никогда не брал в руки камня — с целью строить, а не убивать им...»

Человек не создан для войны. Это ведущая идея нашей литературы. В ней — чувства и убеждения советских людей, их воля и решимость отстоять мир, в ней — философия эпохи построения коммунизма. Не моление о мире, а борьба за мир — такова героическая идея века. И она порождает героическую литературу, которая борется, судит, призывает к ответу.

«Суд памяти» — так назвал Егор Исаев свою поэму о войне, поэму глубоко выстраданного чувства и зрелой, всепроникающей мысли. О ней уже писалось в «Огоньке». Нам хотелось бы лишь подчеркнуть здесь основную идею поэмы — идею неделимости мира, неделимости человеческих судеб, неделимости радости и горя людского.

Борьба за мир — это очень широкая тема, тема всей нашей литературы. Она в стихотворениях и поэмах, романах и повестях, рассказах и очерках. Она объединяет разноликий и разнохарактерный

материал в одно целое. Борьба за мир — это и борьба с угрозой войны и борьба за построение нового мира.

Читая июньские журналы, переходя от повести Евгения Карпова «Синие ветры» («Нева») к повести Александра Силакова «Небо остается голубым» («Октябрь»), всматриваясь в героев повести Е. Ржевской «Земное притяжение» («Новый мир») или романа Лазаря Карелина «Микрорайон» («Юность»), негодуя вместе с Александром Яшиным (повесть «Сирота», «Москва») и И. Слободчиковым против тех, кто стоит «В стороне от дороги» («Звезда»), вслушиваясь в звонкие, чистые голоса молодых поэтов, выносишь живое ощущение, что находишься на стройке нового мира, созидаемого новым человеком. Это не рождение человека, а его юность, его мужание. Он озирает мир не детски наивными глазами, нет в его взоре и безотчетной радости первого познания, когда «новы все впечатленья бытия», как нет и старческой «мудрости» недовольства. Если я не ошибаюсь, наша литература стала меньше мечтать и больше мыслить, меньше восторгаться и больше познавать. Это хороший признак. Кстати, это и требование читателя. Ему надоело молотить пустую солому.

С этой точки зрения в июньской прозе не все равноценно. Молодость не имеет права быть скупой, она обязана быть щедрой. И как горько и досадно бывает, когда в твоем романе ничего твоего не находишь: ни твоих наблюдений, ни тебя самого. И как коротки бывают эти длинные романы — короче повести, порой короче рассказа и всегда короче самих себя.

История летчика, получившего тяжелое ранение и спустившегося с неба на землю, но усилиями воли вновь вернувшего себе небо и вернувшего себя небу, уже известна нашему читателю. Ее рассказал Борис Полевой. А Александр Силаков не рассказал, а пересказал. Каждый сюжет, несомненно, таит в себе бесконечность содержания, возможность обновления. Я далек от мысли, что Борис Полевой исчерпал тему. Но надо найти ее новое раскрытие. И для этого молодой писатель пусть смелее отдается своим впечатлениям, наблюдениям, больше верит самому себе. Небо было голубым до повести Александра Силакова и осталось голубым после нее. Я не заметил оттенка голубизны, уловленного им, Александром Силаковым. Он должен уловить этот оттенок, готовя повесть к отдельному изданию.

В «Синих ветрах» Евгений Карпов создал образ инженера Пожоги, человека, которому нечего менять в своей жизни, не от чего отказываться. Человека, открывшего секрет долголетия. И он прост, этот секрет: жить дольше означает сделать больше. Как мало лет прожили иные старики, и какая долгая жизнь за плечами многих двадцати- и тридцатилетних! Верная мысль. И характер Пожоги верен этой мысли и самому себе. Рядом с Пожогой — чарующий образ его рано умершей жены Наташи. Всего две-три страницы посвящено ей, но это едва ли не самое яркое лицо повести.

Но при всех удачах повесть растянута, и не потому, что она велика. Автор слишком долго расставляет своих героев, конфликт обозначился поздно, нет решающих сцен, где бы выявились глубины характеров, герои слишком много разговаривают и мало делают, лица рабочих едва обозначены, некоторые рабочие только названы. А ведь дело происходит на стройке, рабочие — основная сила идейно-художественного решения конфликта, и не сюда ли должен быть направлен взор автора?

Судьба молодежи, ее страсти, ее поиски, ее ошибки, естественно, волнуют писателя. В июне и «Неву» (Е. Карпов многие страницы своей повести посвятил молодежи), и «Знамя» («Сказка моего детства» Н. Рыленкова), и «Москву» («Сирота» Александра Яшина), и «Новый мир» («Земное притяжение») можно принять за «Юность». В повести Е. Ржевской обрисованы те же явления, которые пытался изобразить и Василий Аксенов в «Звездном билете». Но они иначе осмыслены и обрисованы. «Земное притяжение» — это, по существу, полемика со «Звездным билетом». Ржевскую не пленяет ни экстравагантность поведения некоторых молодчиков, ни их «прошвырнемся», ни цинизм. Без всяких усилий писательница вскрывает в подобных претензиях на оригинальность паразитические наклонности, стремление жить за счет общества, что почти всегда заканчивается преступлением. В браваде обнажается трусость, в «веселой жизни» — страшная скука, в вычурности речи — шаблон, которому позавидует любой канцелярист, в «широте натуры» — убожество мысли и отсутствие характера. Писательница права и тогда, когда она упрекает «кадровиков» в отсутствии зачастую элементарного чутья и такта в отношении к молодежи. Готовый набор «душевных» и «чутких» слов, утверждает она, не способен заменить ни душевности, ни чуткости. Но не слишком ли шаблонна и тускла ее «кадровичка», чтобы зримо нести эту верную мысль? И еще. Яркая деталь должна быть органична идее произведения. Ржевская пишет: там, где во время войны погиб герой, высится щит «Храните свои деньги в сберегательной кассе». Деталь, разумеется, броская, но не отдает ли она фальшью, по крайней мере в этой повести?..

«Сирота» Александра Яшина — особая сирота. Это то, что в народе называют «казанской сиротой», сирота с малых лет до седых волос, сирота, превратившая людское участие и сострадание, а иногда людскую глупость в надежную статью дохода, а сиротство — в профессию. Их было два брата — Павлуша и Шурка. Но Шурка работал, а Павлуша... был сиротой. Повесть по колоритности и естественности языка (что не всегда совпадает), по живой наблюдательности, знанию жизни, беспретенциозной мудрости положительно удалась Александру Яшину. Он создал тип и научил распознавать одно из паразитирующих явлений.

«Сказка моего детства» Николая Рыленкова дышит поэзией русского слова, поэзией русской жизни. Жизни тяжелой и трудной, но необыкновенно поэтичной. Что это? Идеализация прошлого? Ничуть не бывало. Речь идет о трудовой крестьянской семье, о поэзии труда. А поэзия труда не знает прошлого, она — национальное достояние. Есть вещи, которые идеализируют. А есть идеальные категории жизни по своей природе. Их не идеализируют. О них рассказывают...

Краткий обзор не может претендовать на исчерпывающую полноту даже в перечислении. Говоря вообще, июнь был месяцем явного перевеса поэзии над прозой. Причем в этом отношении журнал «Октябрь» вырвался вперед, опередил все другие журналы. «Суд памяти» Егора Исаева, «Карнавал» Николая Асеева, солнечный, весенний цикл Николая Брауна «Корнями привязан» и, наконец, целые россыпи алмазов якутской поэзии! Это не на день. И все в одном номере...

Лучшая проза была в журнале... Но мне трудно сказать, в каком журнале была лучшая проза. Гораздо легче сказать другое: большой прозы, прозы больших характеров и больших обобщений в июне не появилось. Когда-то Энгельс восхищался Бальзаком и потому, что из его произведений «даже в смысле экономических деталей» он узнал больше, чем из книг всех специалистов — историков, экономистов, статистиков этого периода, вместе взятых. Думается, это один из главных признаков большой литературы. А много ли узнаешь «в смысле экономических деталей» из современных произведений, в которых ставятся вопросы этики, морали, отношения личности и общества и т. д. и т. п.? Читая очерки Глеба Успенского, я ясно вижу, из чего складывается бюджет крестьянской семьи, и мне ясны корни мо-

Заслуженное признание

Самобытные полотна Николая Кочина: «Девки», «Парни», «Юность» — глубокое художественное осмысливание нелегких судеб кондовой русской деревни, встряхнувшейся под ветрами революции, правдивое повествование о сельских людях, освобождающихся от патриархальности и невежества, о перестройке их характеров на новой, социалистической дороге.

Н. Кочин с одинаковой убедительностью изображает темные, липкие пережитки прошлого в деревенском быту и сложный социально-психологический процесс формирования нового человека. И не случайно Алексей Максимович Горький, поставивший на ноги многих пролетарских писателей, обратил внимание на творчество Николая Кочина. По совету Горького Кочин написал книгу о выдающемся русском механике, изобретателе Иване Петровиче Кулибине.

...Нелегко сложилась судьба Николая Кочина. Ему пришлось познать горечь незаслуженного забвения в пору культа личности. Но произведения его выдержали самое трудное испытание — испытание временем. Большими тиражами расходятся они сейчас в нашей стране, переводятся за рубежом.

Шестьдесят лет исполнилось Николаю Ивановичу Кочину. Годы, испытания дают о себе знать. Но его отличает и сейчас все тот же огонек юности. Писателя-коммуниста увидишь в колхозах, в цехах автозавода, у балахнинских бумажников, на плотине Горьковской ГЭС, в избе-читальне глухого лесного села и в кабинете партийного работника.

Н. Кочин работает над новым романом «Мастера» — о вдохновенных разведчиках будущего — ударниках коммунистического труда. Верим, что и это произведение порадует читателя глубиной творческого замысла, смелостью подлинного художника.

За заслуги в развитии советской литературы и в связи с шестидесятилетием со дня рождения Н. И. Кочин награжден орденом Трудового Красного Знамени.

Викт. МАЛАФЕЕВ

г. Горький.

Для народных театров

Пьеса поставлена народным театром! Какого советского драматурга не обрадует такая весть?

К сожалению, немногие из нас постоянно и активно работают над репертуаром для художественной самодеятельности. По пальцам можно перечесть авторов, чьи пьесы ставят самодеятельные драматические коллективы. Среди них и известные писатели — Николай Погодин, Константин Паустовский, Анатолий Глебов и молодые — С. Гансовский, Т. Глебова.

Плодотворно работает над одноактной пьесой и драматург Цезарь Солодарь. Шести пьесам из его нового сборника «Маленькие комедии», выпущенного издательством «Искусство», присуща не только жанровая однородность. Более важно другое: все они посвящены нашим молодым современникам.

Комбайнер Вера, приехавшая десятиклассницей на целину («В тихий час»), озорная Марина — студентка морского техникума («Моряна»), дочь старого рабочего Галя, не прощающая любимому человеку карьеризма («Второе лицо»), «канцеляристка» Таня, активно

рали и этики этой семьи. Читая романы из колхозной жизни, я ничего не узнаю о бюджете колхоза, — сколько он платит за машину, сколько получает за хлеб, сколько на колхозе долгов, растут они или снижаются, из чего складывается бюджет крестьянской семьи... И вся этика романа повисает в воздухе, ибо читатель не в состоянии понять, почему иной колхозник готов все лето на приусадебной заплатке в несколько соток просидеть и ни разу не выйти на колхозное поле.

Наша критика зорко следит за литературным процессом, фиксируя свое внимание на новых чертах человека, схваченных писателем. Таковы статьи Г. Бровмана «Новые характеры в жизни и литературе» (По страницам прозы журналов «Дон», «Урал», «Подъем»)» в «Москве», П. Глинкина «Герой в пути» («Звезда»), такова в основе своей и дискуссия «За нового человека» в «Клубе «Октября». Сюда непосредственно примыкают и статьи о произведениях, посвященных войне: А. Кондратовича «Человек на войне» («Новый мир») и А. Хватова «М. А. Шолохов в годы Великой Отечественной войны» («Звезда»). Не может не радовать обилие обзорных статей. Их много, и они хорошие. Но я бы затруднился назвать журнальную статью, всесторонне анализирующую одно произведение или один образ. Их нет или почти нет. Почему? Критика разучилась читать образ? Или нет емких, богатых образов?..

Заканчивая, не могу не назвать статьи А. Урбана «Ответственность за слово» («Нева»), в которой предъявлены серьезные претензии к работе поэтов над словом. Тревожно то, что автор статьи примеры неудачных поэтических решений приводит не из сборников начинающих (там это естественно), а из стихотворений сложившихся поэтов...

Но июнь прошел. Уже появляются июльские книжки. Что-то они принесут?..

В. АРХИПОВ

вмешивающаяся в то, что ей «по штату» не положено («Обыкновенная история»), — эти и другие героини пьес Солодаря наделены живыми чертами советской молодежи.

Автор стремится показать их в столкновениях с мещанами, стяжателями, тунеядцами. Он высмеивает тех, с кем борются ее героини. Но если старый рыбак Афанасий Карпович, фатально боящийся женщин на судне, высмеивается с добродушным юмором, то против труса Юрия, предательски бежавшего с целины, драматург выступает в гневных сатирических тонах.

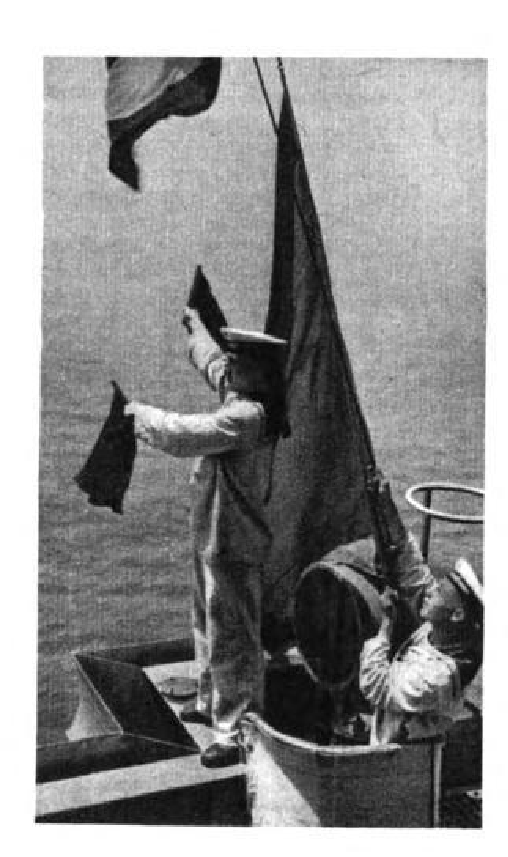
Конечно, детальный разбор сборника заставил бы меня коснуться авторских просчетов. Но при всех недостатках каждая из шести маленьких комедий по-настоящему смешна, жизнерадостна и — что особенно важно — построена на динамически развивающемся сюжете.

Многие самодеятельные коллективы смогут успешно осуществить постановку маленьких комедий. Их увлеченными исполнителями будут труженики городов и сел, выступающие на сценических подмостках своих клубов перед товарищами по работе.

Приятно трудиться драматургу для многотысячного актерского коллектива народных талантов!

Георгий **МДИВАНИ**

ШУМИТ СЕДОЙ ОКЕАН

Музыка С. Заславского.

Слова капитана 1-го ранга

М. Рейтмана-Кондратьева.

1. На свете нет таких морей
И нет таких широт,
Где славный флот страны моей
Не пенил синих вод.

Припев: Шумит седой океан,
За валом гонит вал,
Но крепко держит рулевой
В надежных руках штурвал. } *2 раза*

2. На юг, на запад, на восток,
На север — к вечным льдам
Открыта даль морских дорог
Советским кораблям.

Припев.

3. И где б ни плавали суда
От Родины вдали,
Им светит яркая звезда —
Любовь родной земли.

Припев.

С движением. Взволнованно. Мужественно

1. На све-те нет та-ких мо-рей и нет та-ких ши-рот, где слав-ный флот стра-ны мо-ей не пе-нил си-них вод.

Припев: хор или дуэт певуче, величаво

Шу-мит се-дой о-ке-ан, за ва-лом го-нит вал, но креп-ко дер-жит ру-ле-вой в на-деж-ных ру-ках штур-вал. Но креп-ко дер-жит ру-ле-вой в на-деж-ных ру-ках штур-

(для конца)

Для повторения: -вал. 2. На

Для окончания: -вал.

В. ВИКТОРОВ

Фото В. Галактионова.

Длина разбега

Эта история начинается за три года до рождения Тани Щелкановой...

В 1934 году знаменитая голландская спортсменка Франсина Бланкерс-Коэн установила мировой рекорд по прыжкам в длину. Она приземлилась в 6 метрах 25 сантиметрах от врытого в землю деревянного брусочка, которого с полного разбега коснулась шипами одной из своих беговых туфель. С тех пор прошло много лет. Светленькая девочка, родившаяся в семье летчика, успела переменить много мест и городов. Она жила в Ленинграде, Акстафе, Миллерове, Кривом Роге, Риге — местах, где побывали родители. Она успела вырасти, пережить трудности войны, смерть отца, стала студенткой Ленинградского электротехникума связи, и за все эти двадцать лет рекорд Франсины Бланкерс-Коэн не подвинулся ни на один сантиметр. Но Таню Щелканову нисколько не интересовал прыжок в длину, и она даже не подозревала о существовании голландской рекордсменки. Девушка интересовалась радиотехникой и собиралась избрать эту область своей специальностью. А еще она увлекалась игрой на сцене и с успехом исполняла в драматическом кружке роли старух.

Давно уже закончила Франсина Бланкерс-Коэн свой спортивный путь, а на смену ей все еще не появилась преемница. И как бы удивилась Таня Щелканова, если бы узнала, что очень скоро ее судьба будет связана с неизвестной ей спортсменкой из Голландии.

Незадолго до того, как Таня стала дипломированной специалисткой в области радиосвязи, мировой рекорд по прыжкам в длину перешел сперва к новозеландке Иветте Уильямс, а затем к советской спортсменке Галине Виноградовой. Об этом много писалось в газетах, и Таня подумала, что прыгать, наверное, интересно.

Она окончила техникум и поступила в Электротехнический институт связи. Здесь встретилась с Маргаритой Дмитриевной Балашовой, преподавательницей кафедры физического воспитания. Маргарита Дмитриевна, подбирая команду для соревнований, обнаружила, что первокурсница Щелканова неплохо бегает.

— Будем заниматься всеми видами легкой атлетики,— решительно заявила Тане ее новая преподавательница и, посмотрев в лицо студентки, добавила: — Да ты не пугайся!..

Так впервые отмерила Таня Щелканова двадцать два шага и совершила свой первый прыжок в длину...

В то время разбег Тани был короче, чем сейчас, но кто возьмется утверждать, что его можно измерить с помощью метра? Нет, этот разбег надо исчислять не в шагах и не в метрах, а в годах. Ведь в тот момент, когда Таня впервые встала на старт, рядом с ней оказались и голландка Бланкерс-Коэн, и новозеландка Уильямс, и Галя Виноградова, и многие другие спортсменки из разных стран, искавшие упорно и настойчиво все новых возможностей в борьбе с пространством. А вскоре в этом ряду появилась еще одна спортсменка — полька Эльжбет Кшесиньска-Дуньска. Это она завоевала в 1956 году олимпийское первенство в Мельбурне, да еще с мировым рекордом — 6 метров 35 сантиметров.

Маргарита Дмитриевна давала своей новой ученице всестороннюю закалку, и Таня занималась не только прыжками, но и бегом и метаниями. Тренер считал, что из нее может выйти отличная пятиборка. Пятиборец все должен уметь. И вот тут-то Таня Щелканова раз и навсегда поняла, что никогда не сможет полюбить это «глупое» ядро, что никогда не покажет в этом виде легкой атлетики хорошего результата. Сколько было огорчений, труда, а ядро ни за что не хотело приземляться даже за девятиметровой отметкой.

Нет, как хотите, а выступать, чтобы проиграть,— это не так уж интересно! И в 1959 году Таня Щелканова почти совсем отошла от спорта, и неизвестно, осталась бы она в нем, если бы не встретилась со старшим тренером спортивного общества «Буревестник» Анатолием Ивановичем Кузнецовым.

Но как же не похож был этот человек на тренера! Высокий, полный, с округлой профессорской речью и тугим портфелем в руках, Анатолий Иванович больше походил на научного работника какого-то исследовательского института, чем на спортивного практика. Однако в 1953 году на чемпионате страны Анатолий Кузнецов занял третье место по прыжкам в длину и к этому времени был уже аспирантом кафедры легкой атлетики Института физической культуры имени Лесгафта, писал кандидатскую диссертацию и тренировочной работой занялся в порядке научного эксперимента.

В последнее время воображение Кузнецова захватил один интересный вопрос, связанный со свойствами и природой разбега при прыжках в длину. Дело в том, что скорость разбега и сила толчка неизменно вступают друг с другом в противоречие. Чем стремительней разбег спортсмена, тем меньше времени остается ему на отталкивание, а это увеличивает возможность заступа, неточного попадания на брусок. Вот почему прыгуны всегда считали, что во время разбега неизбежно замедление, необходимое для подготовки к толчку. Но снижение скорости должно сказаться на дальности полета, а стало быть, и на конечном результате. Как же трудно разрубить этот гордиев узел, если мировой рекорд за четверть века увеличился всего-то на десять сантиметров!

Анатолий Иванович познакомил Таню Щелканову со своими мыслями и предложил ей вместе с ним рубить этот узел. И вот в то время, как лучшие наши прыгуньи — Валентина Шапрунова, Вера Крепкина, Людмила Радченко — боролись за право выступать на XVII Олимпийских играх в Риме, в Одессе на соревнованиях спортивного общества «Буревестник» появилась никому не известная спортсменка...

Таня Щелканова пролетела по воздуху шесть метров. Но что значили эти скромные шесть метров, если в преддверии Олимпиады немка Хильдруп Клаус установила новый мировой рекорд — 6 метров 40 сантиметров! Конечно, Щелканова не имела никаких шансов на поездку в Рим. Ей осталось лишь одно — по газетам следить за развитием событий на стадионе «Форо Италико».

Как огорчалась Таня неудаче Вали Шапруновой, ведь они часто встречались на тренировках в зимнем манеже и Таня любовалась ее прекрасными прыжками! Но зато золотую медаль завоевала другая советская спортсменка — Вера Крепкина. И что удивительно: Крепкина особенно успешно выступала в беге на короткие дистанции, а победила в прыжках даже мировую рекордсменку Клаус! Вот ведь как бывает! Так почему же и Тане Щелкановой не испытать своего счастья?..

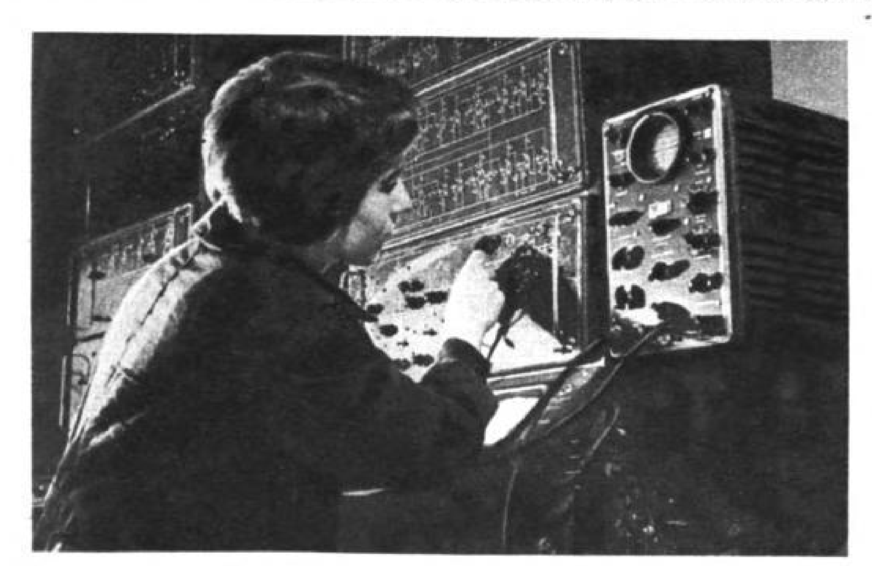
Анатолий Иванович Кузнецов показывал Тане, как нужно строить разбег, чтобы сохранить скорость до самого момента взлета, а Таня старалась претворить на практике его идею, которая заключалась в том, чтобы на полной скорости готовиться к толчку. Но новая техника разбега требовала большой подготовительной работы, и Таня со своим новым тренером занималась каждый день на зимнем стадионе, поднимала штангу, делала акробатические упражнения.

В конце 1960 года они оба убедились, что стоят на правильном пути. На одном из зимних соревнований Таня Щелканова совершила прыжок на 6 метров 11 сантиметров, а в марте победила Валентину Шапрунову, приземлившись на отметке 6 метров 27 сантиметров. Так далеко еще никому не удавалось прыгнуть под стеклянными сводами ленинградского Зимнего стадиона.

Все больше и больше усложнялась ее подготовка к сезону 1961 года. И вот первые соревнования на открытом воздухе. Апрель, Батуми, 6 метров 33 сантиметра. Этот прыжок зафиксирован в судейском протоколе, но там, в Батуми, был еще один, о котором не знал почти никто,— 6 метров 60 сантиметров. Прыжок Щелкановой не был утвержден судьями, так как они зафиксировали небольшой заступ. А ведь этот прыжок на 20 сантиметров превышал мировой рекорд Клаус!..

И вот Берлин. Матч РСФСР — ГДР, встреча с прославленной Хильдруп Клаус...

Такая встреча не могла закон-

Таня Щелканова в телевизионной лаборатории института.

читься без нового рекорда. И действительно, Валя Шапрунова пролетела 6 метров 46 сантиметров! Вот он, новый рекорд! Но тут же свою поправку в этот великолепный результат внес сильный попутный ветер: прыжок судьями не засчитан. Прыгает Щелканова. Ее результат — 6 метров 50 сантиметров. И снова ветер развеял в прах ее надежды. А Клаус повезло. Она удачно выбрала момент между двумя порывами ветра, и теперь мировой рекорд равен 6 метрам 42 сантиметрам.

А потом была Москва, матч США — СССР, и там Таню Щелканову ждало новое испытание. Ее включили в эстафетную команду. Место Тани — на четвертом этапе. Ее соперницей будет олимпийская чемпионка Вильма Рудольф. Это очень интересно, однако на следующий день после эстафеты Щелкановой надо будет взять новый старт. Не отказываться же ей от прыжков! И вот третий этап этой эстафеты на исходе. Позади стремительный бег Крепкиной и Масловской. Наши девушки побеждают. Таня Щелканова, пригнувшись на старте, ждет Марию Иткину. Она первой получила эстафетную палочку — и Вильма Рудольф позади! Но ведь это самая быстроногая женщина мира! Сумеет ли Щелканова удержать разрыв?.. Всем своим телом чувствовала Таня легкий бег американки. И вот уже перед самым финишем Рудольф пронеслась мимо, горделиво закинув курчавую голову...

Немного, совсем немного не хватило скорости Тане Щелкановой, чтоб удержать победу. И то, что это ей не удалось, сознание своей вины перед командой, наполняло ее душу горьким смятением. Что из того, что подруги успокаивали ее? Что из того, что этот бег закончился двумя рекордами: мировым и европейским? Таня все равно не могла успокоиться.

А на следующий день она увидела рядом с собой другую негритянку — Вилли Уайт. Идет разминка перед началом прыжков в длину. Спортсменки проверяют разбег, измеряют его длину. Вот прыгает Шапрунова, за ней Щелканова, а вот проносится по дорожке и вторая американская спортсменка, Мак Гуар. Одно утешение, что погода безветренная. Пробные прыжки удачные. «Хорошо попадаю на брусок,— отметила Таня,— попробую показать результат сразу в первой попытке».

И вот Щелканова на старте. Как близки трибуны! Кажется, дыхание зрителей долетает до ее правой щеки, а может, это ветерок поднялся? Но тогда он не страшен. Он боковой. Сейчас ветер не помешает ей. Сейчас она побежит так, будто с ней снова рядом Вильма Рудольф. Будто они переигрывают вчерашнюю эстафету. И разве это не эстафета — ее сегодняшнее выступление? Разве она не ведет борьбу с пространством в одной команде с Бланкерс-Коэн, Уильямс, Кшесиньской, Виноградовой, Клаус?..

Одинокая фигурка замерла на старте и вдруг сорвалась с места и понеслась вперед. Всем, кто наблюдал этот стремительный разбег, казалось, что спортсменка одна на дорожке. Но Таня чувствовала, как незримой тенью летели рядом с ней еще две спортсменки: Хильдруп Клаус и Вильма Рудольф. И вдруг этот все нарастающий, легкий и вместе с тем бурный бег словно взорвался от таящегося в нем напряжения. Щелканова в воздухе! Ее ноги продолжают свое движение, руки вскинуты...

Когда Таня приземлилась, трибуны ахнули: флажок мирового рекорда, неделю назад переставленный на новый рубеж Хильдруп Клаус, остался позади. А сама Таня стояла уже у другого края песчаной ямы и смотрела на следы своих ног. 6 метров 48 сантиметров. Таков новый рекорд мира!

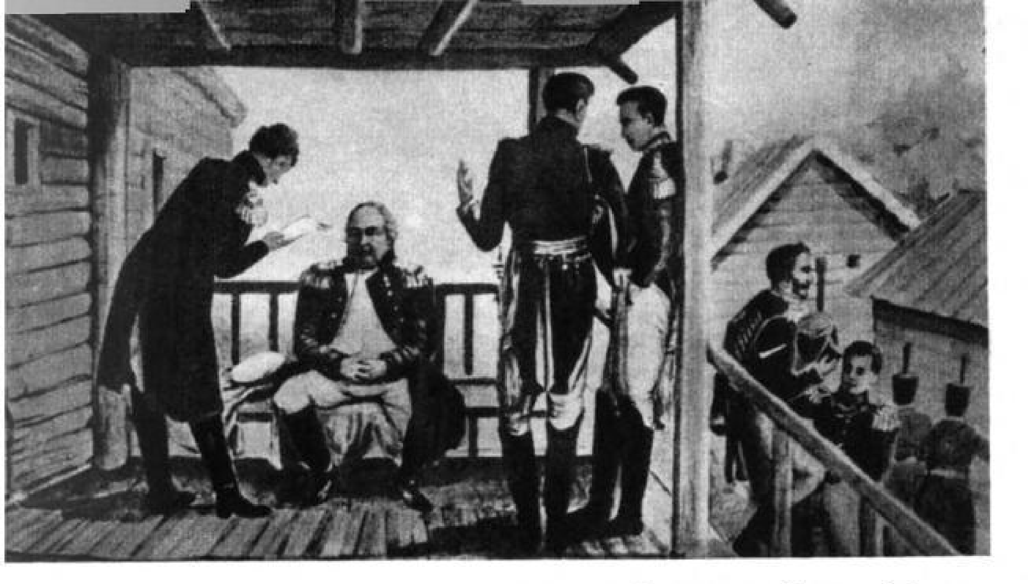
Так прошли два дня, самые яркие два дня в жизни Тани Щелкановой. Но очень скоро она поняла, что жизнь ее после этих двух дней в Лужниках взяла как бы другой разбег. События накатывались одно за другим, как океанские валы. В сентябре Таня, выступая в Софии, прыгнула еще на сантиметр дальше. И снова ветер, как и в Берлине, перечеркнул ее усилия. В октябре в Тбилиси, на чемпионате страны, Таня пролетела 6 метров 56 сантиметров, и снова этот результат не мог быть засчитан как новый мировой рекорд.

В третий раз за одно лето ветер победил Таню Щелканову, но разве это может что-нибудь изменить? Конечно, нет! И всю зиму Таня напряженно занималась на Зимнем стадионе с Анатолием Ивановичем, совершенствуя технику своего прыжка, и усиленно работала над дипломным проектом. Она избрала интересную тему: «Спортивно-телевизионная установка». Таня Щелканова мечтает о том, чтобы сконструировать такую установку, с помощью которой можно было бы передавать самые разнообразные, самые насыщенные событиями соревнования. И как знать, не увидим ли мы через год на экране своего телевизора переполненный стадион, застывшую на старте спортсменку, дорожку разбега, а потом и она и волшебная телекамера, созданная ею, увлекут нас вперед, к победе!..

Выступая на международных соревнованиях в Лейпциге, Татьяна Щелканова установила новый мировой рекорд — 6 метров 53 сантиметра.

Вот он, прыжок!

Приезд Кутузова в Царево Займище.
Старинная гравюра.

Парт

В. ВЛАДИМИРОВ

В делах Центрального государственного военно-исторического архива, относящихся к Отечественной войне 1812 года, хранится порыжевший от времени документ, написанный квадратным почерком штабного писаря.

Генерал от кавалерии П. Х. Витгенштейн «представляет на благоусмотрение» командующего М. Б. Барклая-де-Толли (заменившего скончавшегося Кутузова) рапорт с ходатайством о награждении рядового Киевского драгунского полка Ермолая Четвертакова за «отличные и похвальные поступки» во время кампании 1812 года.

Какие же отличные и похвальные поступки совершил этот рядовой драгун?

* * *

Четвертаков был уже старослужащим. Его взяли в армию в 1804 году из села Нефедовки, Черниговской губернии. Бывший крепостной участвовал в походах русской армии против Наполеона в 1805—1806 годах и с неприятелем встречался не в первый раз.

Летом 1812 года в бою под Царевым Займищем у Ермолая Четвертакова ранили лошадь. Остаться без лошади драгуну — дело последнее.

Случилось это внезапно. Драгуны возвращались из разведки и, стремясь к броду на речке, оказались около пылающей деревни. Неожиданно из-за серо-черной завесы появилось множество всадников. Ермолай ясно видел их расшитые куртки, короткие карабины и желтые кобуры для пистолетов, пришитые к седлам. Всадники неслись наперерез драгунам.

— Палаши наголо! — закричал унтер.

Ермолай выхватил палаш и описал им в воздухе свистящий круг. Тут на него налетел усатый кавалерист с широко разинутым ртом. Ермолай отбил его удар, увернулся от второго и стал наезжать на противника. Вдруг конь дрогнул, вздыбился и рухнул. Четвертаков полетел с седла, больно ударился головой.

* * *

Басманы — деревня неспокойная. В глубокую старину поселились здесь переселенцы из Заднепровья. Землю они, по преданию, отбили силой у соседних мужиков.

В одну из августовских ночей басмановские мужики увидели в северной стороне зарево. Горела деревня Семеновская, разоренная французскими фуражирами. Увидел это зарево и управляющий. Наутро его и след простыл.

Тогда крестьяне заняли усадьбу и найденное оружие разделили между собой: охотничье ружье, немного пороху и пуль, четыре пистолета и три сабли. Лошадей с барской конюшни развели по дворам.

Что делать дальше, никто не знал. Басмановцы думали бы еще долго, если б один из них не встретил в лесу сильно загорелого человека в полинявшем рваном драгунском мундире. Это был Четвертаков.

Через полчаса драгун сидел в избе басмановского старосты, опорожнивая миску за миской со щами, и говорил, не торопясь:

— Я вам, мужики, честно говорю: ежели хотите свою землю оборонить от басурмана, то думайте поскорей, а то поздно будет... Слух про вас идет, что вы народ сердитый, дубинники. Лошади у вас есть, а ружья и сабли добыть можно. А то погорите, как семеновские!

Басмановцы были туги на подъем, да и время было страдное — молотьба. Они несколько раз заставили драгуна повторить историю о том, как он ночью, толкнув в костер французского конвоира, бежал из плена, и решили... повременить.

Видя, что в Басманах ничего не получается, Четвертаков отправился в соседнюю деревню Задково. Задково было ближе к смоленской дороге. Там народ относился к иностранному нашествию опасливее, чем в Басманах. И вот Четвертаков с одним помощником напал на группу французских мародеров и перебил их. На следующий день он обезоружил двух неприятельских кавалеристов и забрал лошадей. Тогда деревенский «мир» выделил в помощь Четвертакову сорок семь человек, вооруженных топорами, вилами и самодельными пиками. Так был создан один из первых партизанских отрядов на Смоленщине.

В те времена мужик с ружьем считался в государстве помещиков преступником, а мужик, самостоятельно воюющий, даже с неприятельской армией,— непредвиденной и подозрительной силой. Смоленские мужики, однако, не только смело взяли в руки оружие, но и показали, что они сила в борьбе против Наполеона.

Сорок семь человек Четвертакова перебили партию французских кирасир, а потом обратили в бегство французскую полуроту. Неграмотный Четвертаков проявил себя талантливым организатором и стратегом. Он установил постоянные пикеты в деревнях, пустил конные разъезды и регулярно проводил стрелковые и строевые занятия.

Басманы зашевелились и дали Четвертакову двести пятьдесят три человека. Слава киевского драгуна достигла самых отдаленных деревень.

Большой бой произошел у деревни Скугаревой. По сведениям, полученным из Гжатска, оттуда вышел в партизанский район кара-

После выступления «Огонька»

СТАВНИ НАСТЕЖЬ!

Вл. РУДИМ

В моем маршруте места, уже знакомые читателям «Огонька»: станицы Спокойная, Надежная. И еще — Краснодар, камвольно-суконный комбинат. Они упоминались в № 13 «Огонька», в фельетоне «За глухими ставнями». Вы вспомнили, читатель? Да, речь шла о сектантах. Многие читатели прислали в редакцию письма, гневно осуждая действия мракобесов, отравляющих сознание детей, державших человека на цепи целых десять лет. Спрашивают: изменилось ли что-нибудь там после выступления журнала?

В редакцию пришли два ответа: от Краснодарского горкома КПСС и Спокойненского райкома КПСС. Первый был очень лаконичен, а второй вызвал удивление. Партийные руководители Спокойненского района... защищали сектантов. Отметив, что «факты имели место», первый секретарь райкома Я. Воронин пишет, что «родители больного Архипа Лазарева принимали меры к излечению своего сына в лечебных учреждениях», что «секты в станице Надежной нет». Ну, и в заключение абзац о «принятых мерах».

Забираю с собой читательские письма и отправляюсь в дорогу. И прежде всего хочу ответить ефрейтору Александру Аляеву, который пишет: «Сообщите подробно, что творится в Спокойненском районе, почему руководители района и, в частности, т. Курган не знают, что творится вокруг них?»

Станица Спокойная. Первый секретарь райкома Яков Петрович Воронин, узнав о цели моего приезда, сразу ринулся в наступление:

— «Огонек» поднял шум на весь Союз, а ведь опасности никакой нет. Архип Лазарев, которого держали на цепи, с детства болен, тут сектанты ни при чем. Если б не история с Архипом, никто бы ничего не знал.

— Может быть, в той же станице Надежной и сектантов нет?

— Ну, есть несколько, так это одни старики, по семьдесят лет и больше, в организацию они не оформлены. Так что ваша статья о сектантах — это все теория.

В одной лишь станице Надежной известны 19 сектантов (а сколько осталось неизвестными?). Но Воронин говорит:

— Девятнадцать — это же не сотни! Какая же от них опасность?

В станице Надежной захожу в хату к Евдокии Клещуновой. Она была вовлечена в секту «истинно-православных христиан» и вот уже два года, как порвала с нею. Когда Евдокию принимали в секту, то заставили произнести клятву: «Отрекаюсь от советского закона, от колхозов и от совхозов...» Говорили ей: «Грех ходить на базар, грех иметь сберегательную книжку, грех вешать на стенах картины». Твердили: «Люди, которые работают в советских учреждениях,— бесы, люди любой другой веры, кроме сектантской,— нечистые духи».

Евдокия Клещунова слепо твердила эти слова. Почему же она порвала с сектой? У Евдокии есть дочь. И ей, матери, стали нашептывать сектанты: «Внебрачные дети не должны ходить по земле». Погубить родного ребенка — вот чего домогались «неграмотные старички». Ярая сектантка Устинья Фролова не раз бросала камнями в дочь Евдокии.

Такие могут хоть кого посадить на цепь! И именно религиозным мракобесием объясняется то, что Архип Лазарев потерял десять лет жизни.

Однажды все же удалось уговорить родителей Архипа: он попал в больницу, но... всего на десять дней. Десять дней в больнице и десять лет на цепи!

А вот секретари Спокойненского райкома Я. Воронин и А. Курган хватаются за эти десять дней: лечили ведь!

Отвечу на ваш вопрос, Ираида Кочеткова из Ленинградской области и Иван Кравченко из Меловатки, Волгоградской области: можно ли доверить таким людям руководство районом?

Об этом подумали коммунисты района. Недавно из двух районов — Спокойненского и Отрадненского — был образован один с центром в станице Отрадной. Кому же возглавить его? Коммунисты оказали свое доверие отрадненцам. Я. Воронин и А. Курган не были избраны в новый состав райкома.

Секретари Отрадненского райкома Владимир Павлович Назаренко и Нина Григорьевна Лазарева читали корреспонденцию «За глухими ставнями». И хотя в ней речь не шла о прежнем Отрадненском районе, они сделали для себя все необходимые выводы: ведь и в станице Отрадной есть сектанты. Тут

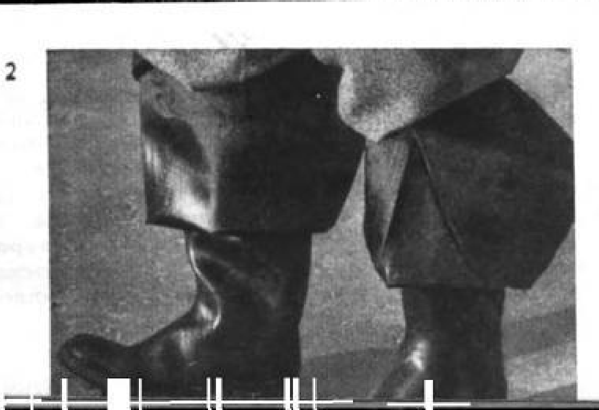

1

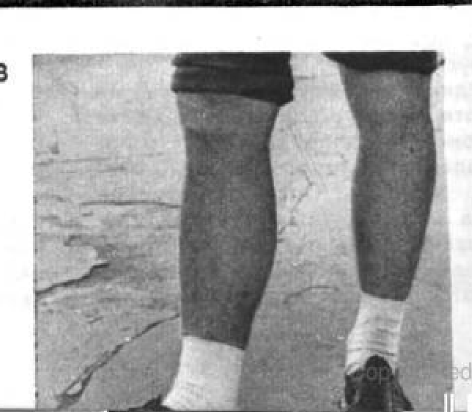
Угадайте виды спорта

Фотовикторина А. Бочинина.

2

3

изан Ермолай

тельный французский батальон с артиллерией. Четвертаков кликнул клич по всем окрестным селам. К нему присоединились четыре тысячи крестьян с лошадьми и оружием. Партизаны в открытую атаковали французов на дороге и после ожесточенного сражения заставили карателей отступить к Гжатску.

В стане неприятеля царил переполох. Арман де Коленкур, приближенный Наполеона, записал в дневнике слова своего повелителя: «Мы останемся без связи из Франции, но хуже всего то, что во Франции останутся без связи от нас». Генерал Барагэ д'Илье сообщал маршалу Бертье в сентябре 1812 года: «Число и отвага вооруженных поселян в глубине Смоленщины, по-видимому, умножаются. 15 сентября крестьяне деревни Клушино, что возле Гжатска, перехватили транспорт с патронами... Поселяне повсюду отбивают от войск наших и режут отряды, которые по необходимости посылаемы бывают для отыскания пищи».

Наполеон отдавал лихорадочные распоряжения: «Подтвердите мое повеление, чтобы из Смоленска не отправляли ни одного транспорта иначе, как под начальством штаб-офицера и под прикрытием тысячи пятисот человек... Предпишите генералу Сен-Сюльпису и особенно настаивайте, чтоб он имел патрули для прикрытия курьеров».

Число вооруженных поселян умножалось изо дня в день. В Сычевском уезде, Смоленской губернии, действовал отставной майор из крепостных крестьян Семен Емельянов. (Он был произведен в офицеры при Павле I за спасение полкового знамени.) Степан Еременко, рядовой Московского пехотного полка, бежал из плена, как Четвертаков, и организовал партизанский отряд из трехсот человек. Имена Василисы Кожиной, Герасима Курина, награжденного Кутузовым Георгиевским крестом, Агапия Иванова, Василия Никитина широко известны, и это только самые прославленные из партизанских руководителей. Не будет преувеличением считать, что вся восточная сторона Смоленщины и часть Подмосковья превратились в партизанскую крепость.

В октябре 1812 года партизаны Четвертакова переоделись во французские мундиры и атаковали большой отряд неприятеля недалеко от Гжатской пристани. Неожиданный наскок увенчался полным успехом. Были отбиты две пушки и патронный ящик.

Смоленские, московские и калужские крестьяне сражались до поздней осени 1812 года, до того момента, когда наступающие русские армии освободили весь край.

Кутузов оценил действия деревенских воинов самым высоким образом: «С мученической твердостью переносили они все удары, сопряженные с нашествием неприятеля, скрывали в леса свои семейства и малолетних детей, а сами, вооруженные, искали поражений в мирных жилищах своих появляющимся хищникам. Нередко самые женщины хитрым образом уловляли сих злодеев и наказывали смертью их покушения, и нередко вооруженные поселяне, присоединяясь к нашим партизанам, весьма им способствовали в истреблении врага, и можно без увеличения сказать, что многие тысячи неприятеля истреблены крестьянами».

Как же отблагодарило правительство Александра I вооруженный народ?

В Петербурге известия о выступлениях крестьян против Наполеона были встречены едва ли не враждебно. Типичный представитель «высшего света» граф Ростопчин писал министру полиции Балашову, что поселяне слишком привыкли к оружию и стали дерзки. Единственной благодарностью царя народу была фраза в манифесте от 30 августа 1814 года: «Крестьяне, верный наш народ, да получат мзду свою от бога»...

* * *

«...При селении Теплом, к которому прибыв за два часа с отрядом, генерал-майор Паскевич нашел Киевского драгунского полка рядового (что ныне унтер-офицер) Ермолая Четвертакова, имеющего более 300 человек вооруженных мужиков, с коими он защищал ту сторону от неприятельского разорения».

Так гласит приложение к официальному рапорту Витгенштейна Барклаю-де-Толли в июле 1813 года.

Ермолай тогда распростился с товарищами по оружию и явился в Могилев, куда собирались солдаты, потерявшие свои полки. Там же было произведено расследование. Четвертаков получил звание унтер-офицера и занял свое место в строю киевских драгун. Со своим полком он участвовал в сражении при Лейпциге и в 1814 году закончил боевой путь в Париже.

В своем рапорте Витгенштейн отмечает заслуги Четвертакова самым кратким образом: «...1) та страна за 35 верст от Гжатской пристани не была разорена, 2) что теми вооруженными мужиками управлял по рассказу жителей тот Четвертаков и, наконец, 3) все обыватели единодушно, с чувствительной благодарностью называли его спасителем той страны...»

Барклай-де-Толли приказал наградить храброго драгуна «знаком отличия военного ордена». На этом биография Ермолая Четвертакова обрывается. То ли он вернулся в родную Черниговщину, то ли поселился еще где-нибудь на правах ветерана, чтобы с трубкой в руках рассказывать односельчанам о войне с Бонапартом.

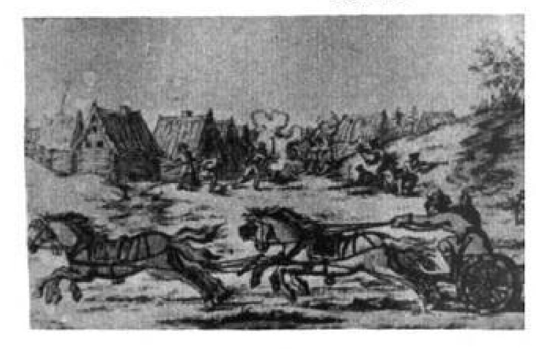

Русский Геркулес города Сычевки.

Лубок.

Крестьяне увозят у французов пушку.

Лубок.

нужно упомянуть еще Павла Максимовича Головачева, который до самого недавнего времени был первым секретарем райкома в Отрадной, а сейчас он парторг крайкома КПСС по Армавирскому колхозно-совхозному производственному управлению. Все трое — Головачев, Назаренко и Лазарева — беседовали почти с каждым баптистом, использовали все возможности, чтобы удержать людей от вступления в секту.

В прошлом году, когда был разоблачен в Отрадной главарь секты, агитировавший против Советской власти, из секты сразу ушли семь человек. А потом распалась и сама секта. Между прочим, в борьбе с нею неожиданным помощником общественности станицы оказался пожарный. Сектанты снимали комнаты для моления, и были случаи, что в таких местах вспыхивали пожары. Возник вопрос о соблюдении правил противопожарной безопасности. К хозяину, сдающему дом для моления, и явился какой-то пожарный.

— У тебя молятся сектанты?

— Молятся.

— А случится пожар, как народу спасаться? Через это оконце?

Прорубить вторую дверь хозяину было ни к чему, и он отказал секте. Другой домовладелец тоже отказался рубить дверь. Секта не могла собираться и распалась.

К этому следует прибавить, что агитаторы не дремали и вели работу с членами секты.

В Краснодаре городской комитет КПСС и другие организации сделали немало для того, чтобы разоблачить сектантов, свести до минимума наносимый ими вред. На крупных предприятиях и в учреждениях прошли собрания, на которых было рассказано о мракобесии сектантов. В окраинном поселке Пашковском, где особенно много баптистов, открыта школа атеистов. При горкоме партии 25 коммунистов заканчивают семинар лекторов по антирелигиозной пропаганде. Но главное — работа с членами сект и с теми, кого сектанты пытаются привлечь к себе. Результаты уже сказываются: если в 1960 году сектанты приняли несколько десятков человек, то в минувшем году они имели всего шесть «приближенных» — кандидатов и из них приняли лишь двух, а остальные отказались вступать. В текущем же году у сектантов нет ни одного «приближенного».

Не потому ли они доходят до крайностей, чтобы удержать обманутых в своей паутине? В Первомайском отделении милиции вам могут показать акт. Девушка, которую затянула в секту мать, решила порвать с баптистами, перестала ходить на моления. Тогда баптисты стали ловить ее, чтобы привести силой. И однажды прямо на улице связали этой девушке руки, потащили в молельный дом. Вмешались прохожие. После этого девушка ушла из дому, поселилась в общежитии. Но и туда врывались баптисты. Лишь решительная защита общественности оградила девушку от темного мира.

Еще больший резонанс вызвало разоблачение в поселке главаря секты пятидесятников Ивана Прокопова. Когда стало известно, кто он такой, на одно из молений пришел агитатор. Он выслушал вместе со всеми собравшимися «проповедь» Прокопова, полную антисоветских выпадов, и затем рассказал, кто верховодит пятидесятниками. Прокопов в годы Великой Отечественной войны изменил Родине, принял подданство гитлеровской Германии, вступил в фашистский карательный отряд СД. Жена Прокопова Анна была активной участницей банды украинских буржуазных националистов.

Вот в чьи сети попались доверчивые люди!

Пачка писем о Евдокии Бридня. Она по наущению руководителей секты учила детей сектантским молитвам. «Найдет ли Евдокия Бридня правильную дорогу? Помогут ли ей в этом?» — спрашивают Н. Еременко из Новосибирска и другие товарищи.

Окраинный район Краснодара. Камвольно-суконный комбинат. Главным событием здесь было собрание в ткацком цехе. В красном уголке, вмещающем полтораста человек, собралось едва ли не вдвое больше. Ткачи потребовали от Евдокии Бридня ответа. Бридня чувствует себя, как на горячих углях.

— Вы продолжаете учить детей своей вере?

— Нет.

С места вскакивает работница.

— А я встретила тебя с двумя девочками. Куда ты их вела?

— В молельный дом.

Гул возмущения покрывает ответ Евдокии Бридня. Вносится предложение: пусть учителя и комсомольцы дежурят возле молелен, нельзя туда допускать детей.

Мастер П. Сметанкин говорит:

— Вера и изуверство — разные вещи. Изуверство сектантов нельзя терпеть. За такие дела нужно судить!

Евдокия Бридня дает слово, что не будет калечить детей. Искренне ли это обещание? Время покажет. Во всяком случае, от Евдокии Бридня теперь никто не будет отмахиваться, как прежде. Комсомольцы предложили Бридня поселиться в общежитии, и она согласилась.

Надеемся, что с нею произойдет то же, что и с Ниной Ивановной Плешаковой из города Свердловска, Луганской области. Вот что она написала в редакцию: «Я рано начала молиться. Сейчас мне 33 года. Я столько просила бога, чтобы он помог мне, но он молчал и не исполнил ни одной моей просьбы. Религия — это неправда. Мне хочется, чтобы и Бридня и все другие поняли свои заблуждения и отошли от темных сект. Доброе от солнца не прячется!»

4

5

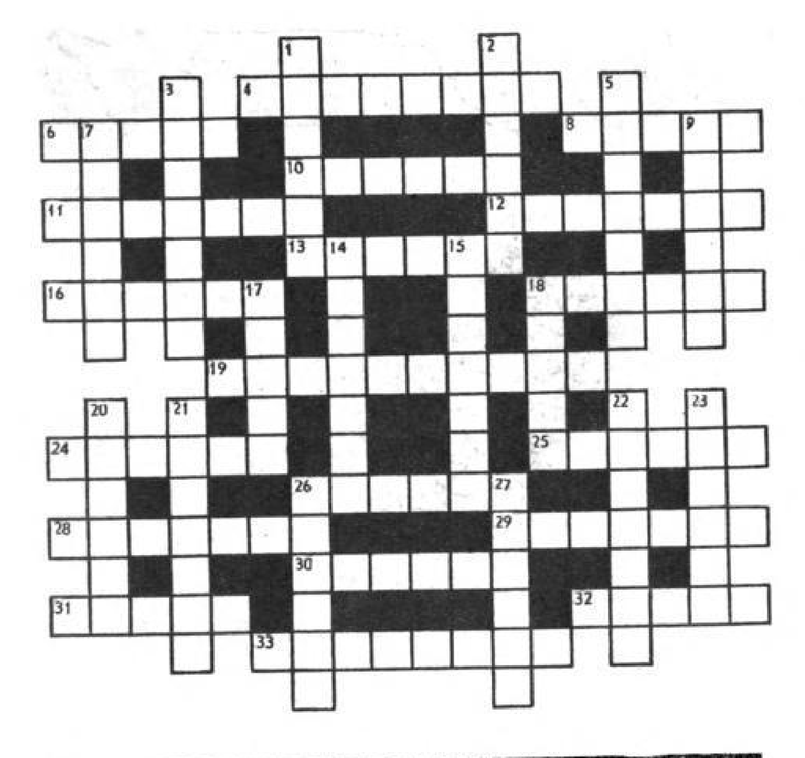

6

7

КРОССВОРД

По горизонтали:

4. Столица африканского государства Бурунди. 6. Арена цирка. 8. Опера Д. Пуччини. 10. Отрезок прямой, соединяющий окружность с центром. 11. Болотистая местность, поросшая лесом. 12. Растение, из стеблей которого изготовляют пеньку. 13. Сплав меди с другими металлами. 16. Деталь ткацкого станка. 18. Тонкая веревка. 19. Исследование одной темы, одного вопроса. 24. Пчеловодное хозяйство. 25. Водоизмещение судна. 26. Тропический плод. 28. Вид повествовательной литературы. 29. Приток Днепра. 30. Приманка для ловли рыбы. 31. Проем в стене. 32. Стальной брус. 33. Звание ученого.

По вертикали:

1. Хищная птица. 2. Промысловая рыба. 3. Населенный пункт. 5. Поток воды, падающий с высоты. 7. Точка лунной орбиты, наиболее удаленная от Земли. 9. Сумка для стрел. 14. Персонаж трилогии К. А. Федина. 15. Иносказательное выражение. 17. Денежная единица ряда стран. 18. Графическая форма букв. 20. Автор балета «Семь красавиц». 21. Амортизатор автомобиля. 22. Специалист с высшим образованием. 23. Облицовочная плитка. 26. Алфавит. 27. Ступень или период в развитии чего-либо.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 30.

По горизонтали:

7. Экспресс. 8. Ацетилен. 9. Лазоревка. 10. Шпиль. 12. Зебра. 14. Пятерик. 16. Забелин. 17. Журавль. 18. Область. 20. Титовка. 24. Ступица. 25. Выдра. 27. Лядов. 28. Молотилка. 29. Кившенко. 30. Дождемер.

По вертикали:

1. Скрипица. 2. Кроль. 3. «Ясность». 4. Мадейра. 5. Страз. 6. Хейердал. 11. Литератор. 13. Евпатория. 14. Плинтус. 15. Крушина. 19. Булыжник. 21. Китобоец. 22. «Хуторок». 23. Цилиндр. 26. Ампер. 27. Ланды.

На первой странице обложки: Нина Лесных, ученица Воронежского технического училища, участница народного ансамбля песни и пляски.
Фото А. Бочинина.

На последней странице обложки: Сцена из балета «Сампо» в постановке Государственного музыкально-драматического театра Карельской АССР.
Фото Е. Умнова.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: М. Н. АЛЕКСЕЕВ (заместитель главного редактора), Г. А. БОРОВИК (ответственный секретарь), И. В. ДОЛГОПОЛОВ, Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-47, ул. «Правды», 24.
Рукописи не возвращаются. Оформление Е. Казакова.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

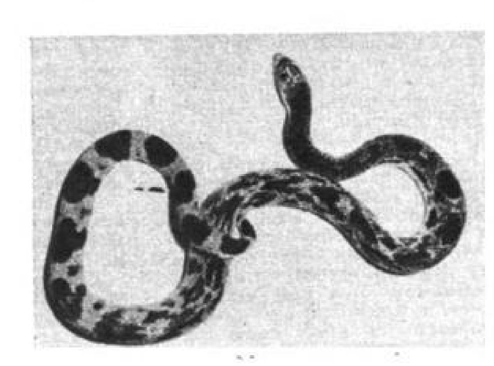
А 00510 Подписано к печати 25/VII 1962 г.
Формат бум. 70×108¹/₁₆. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л.
Тираж 1 850 000. Изд. № 1112. Заказ № 2068.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Деревья-кентавры

Читатель В. С. Прибура из города Минусинска прислал фотоснимок двух деревьев. Они напоминают древнегреческих кентавров, которых изображали в виде полулюдей — полуконей.

АНАНАСНАЯ ЗМЕЯ

Вместо гонорара за статью я получил от американского общества любителей герпетологии небольшую посылку. В ней во влажных опилках были яйца змеи — питюофиса, которую за розовый цвет кожи называют ананасной. Эта змея неядовита, полезна в сельском хозяйстве — уничтожает грызунов. Фермеры на юге США специально заселяют свои участки ананасными змеями.

Осенью из двух яиц вылупились змееныши длиною около 40 сантиметров. Они шипели, разевая пасти.

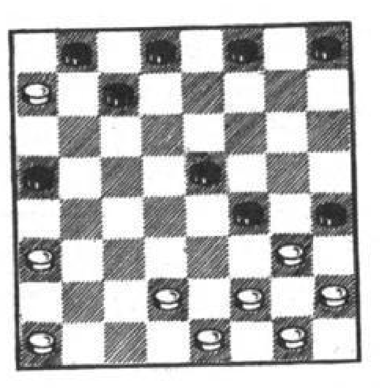
М. МАХЛИН

Фото А. Мечкова.

Ленинград.

ШАШКИ

Под редакцией мастера Г. Я. ТОРЧИНСКОГО

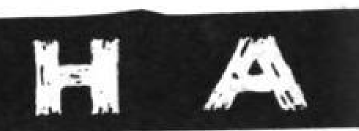
В нынешнем году традиционный матч Москва—Ленинград на 25 досках был посвящен 50-летию газеты «Правда». Шашисты столицы одержали победу со счетом 28¹/₂ : 21¹/₂. Два очка принес своей команде московский мастер С. А. Данилин, выигравший обе партии у ленинградского мастера С. Д. Петрова.

Позиция, изображенная на диаграмме, создалась в партии С. Петров — С. Данилин после 11-го хода черных. Белым следовало играть 12. a3—b4 a5 : c3 14. d2 : b4 с равной игрой. Петров избрал продолжение 12. d2—c3? и позволил Данилину решить партию красивым тактическим ударом. Вот как закончилась эта интересная партия:

12. d2—c3? f8—e7!
13. a3—b4
Вынужденный ход.
13. . . . e5—d4!!
14. g3 : e5 d4 : b2
15. a1 : c3 c7—b6!
16. a7 : c5 e7—d6
17. c5 : e7 d8 : b2,
и белые сдались.

Ответ на фотовикторину «Угадайте виды спорта»

1. Баскетболист. 2. Охотник. 3. Велосипедист. 4. Мотогонщик. 5. Легкоатлет. 6. Турист. 7. Футболист.

В беседе с американскими журналистами Н. С. Хрущев подчеркнул неотложность урегулирования проблемы Западного Берлина в рамках мирного договора с Германией. Народы не могут смириться с тем, что державы НАТО, превратившие Западный Берлин в свою военную базу, используют этот город для опасного обострения международных отношений. «Некоторые,— сказал Н. С. Хрущев,— говорят, что оставление оккупационных войск западных держав нужно для успокоения населения Западного Берлина. Но ведь это несостоятельный аргумент. Могут ли быть спокойны жители Западного Берлина, когда там находятся американские войска?»

Мы прошли пешком по многим улицам Западного Берлина. Видели своими глазами вооруженных до зубов хмурых солдат на улицах, хлыщеватых офицеров в ресторанах и барах, таинственных типов, исчезающих в особняках с часовыми. Казармы, штабы, патрули, танки, орудия, джипы с американскими звездами — привычные приметы пейзажа Западного Берлина.

Грюневальд. Когда-то это было излюбленное местечко отдыха и свиданий молодежи, семейных вечерних прогулок. Теперь вблизи Грюневальда лучше не появляться: здесь размещены американские казармы. Аллеи изрыты траншеями, дорожки распаханы стальными гусеницами, к аромату хвои примешивается запах пороха.

По соображениям безопасности аэродромы обычно выносят за городскую черту. В Западном Берлине иначе. Самолеты оккупантов взлетают и садятся в центре города. От страшного рева вздрагивают дети в колясках. Матери напуганы: они знают, что американские самолеты не раз падали на мирные селения, врезались в школы...

Оккупанты пытались превратить Западную часть Берлина в обольстительную витрину «свободного мира». Миллиарды долларов пошли на раздувание «экономического чуда». Вольготно жилось в Западном Берлине спекулянтам и валютчикам, провокаторам и предателям. Открылись сотни роскошных магазинов, ресторанов, ночных баров, напоминающих бандитские притоны. С экранов города не сходили фильмы, в которых смаковались грабежи, насилие, убийства. Демпинг американского образа жизни привел к страшным результатам: сотни банкротств, тысячи беженцев, люди без идеалов, город без надежды. Мы встречали страшных своей душевной опустошенностью юнцов, которым еще нет и семнадцати.

Но оккупанты и политики «холодной войны» не могут помешать историческому развитию Германии. В двухстах метрах от американских казарм и сомнительных баров начинается новая, социалистическая Германия. Ее могучий рост неудержим. В ней видит германский народ свое будущее.

Л. ЗВЕНИГОРОДСКИЙ

Вместо колыбельной.

ПЕРЕКРЕСТКАХ

Зарисовки Ю. ЧЕРЕПАНОВА.

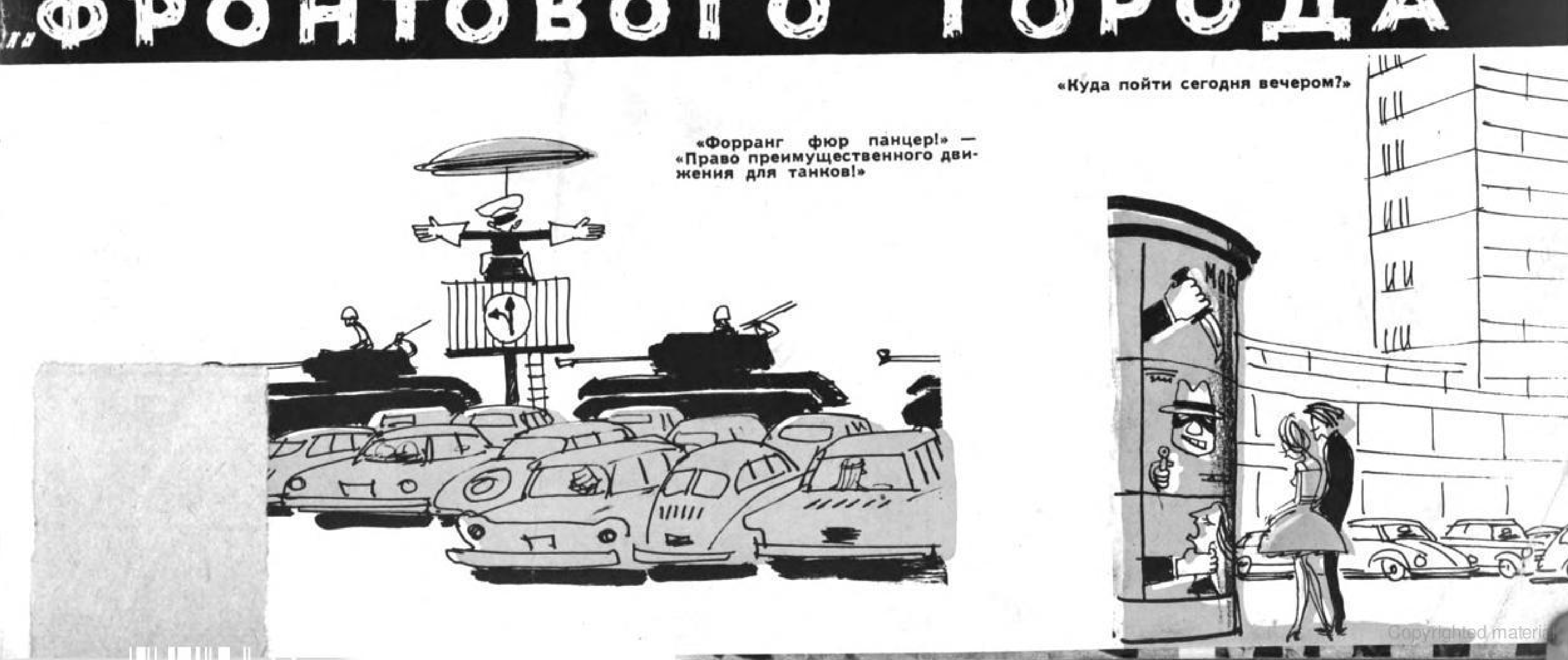
«Защитники истинной демократии».

На обгоревшем здании рейхстага маячат остовы скульптур — это все, что осталось от воинственных трубадуров похода на Восток.

Ровесники «фронтового города».

«Пронеси, господи!»

„ФРОНТОВОГО ГОРОДА"

«Куда пойти сегодня вечером?»

«Форранг фюр панцер!» — «Право преимущественного движения для танков!»

